

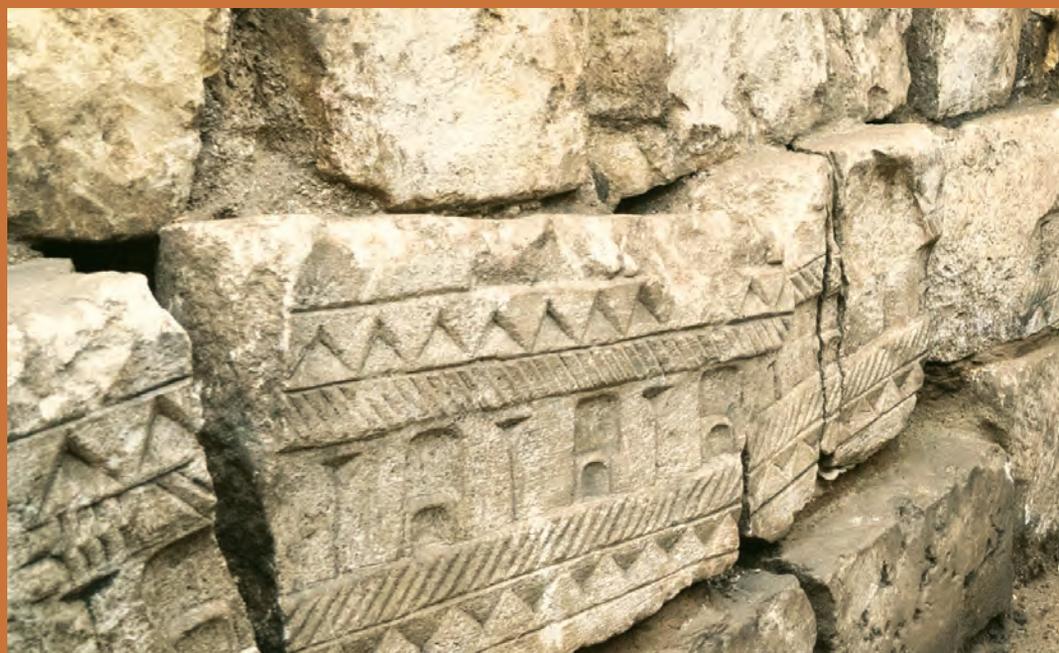
К 100-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Новые археологические проекты

Воссоздавая прошлое

Под редакцией академика РАН Н.А. Макарова

Редакционная коллегия
Н.А. Макаров, ответственный редактор
Е.Г. Дэвлет (†), М.В. Вдовиченко, Г.Г. Король, составитель

Рецензенты
Вл.В. Седов, Д.С. Коробов

Новые археологические проекты: Воссоздавая прошлое / Под ред.
Н.А. Макарова. — М.: ИА РАН, 2019. — 244 с.: ил.

Издание знакомит читателей с новыми исследовательскими проектами Института археологии РАН. В него вошли материалы полевых работ 2015–2018 гг., проведенных сотрудниками института как на территории России – от Калининграда до Камчатки, так и за ее пределами – в Палестине (Иерихон), Узбекистане и Туркменистане. Публикуются важнейшие результаты масштабных раскопок, выполненных ИА РАН в Крыму – по трассе «Таврида» и на территории строительства Керченского моста. Особенность полевых проектов последних лет – осуществленная в ряде случаев музеефикация археологических объектов с приспособлением их для туристического показа. Такие проекты были реализованы в Московском Кремле, Новом Иерусалиме, Великом Новгороде, Иерихоне. Изученные памятники сгруппированы по главам, представленным в соответствии с хронологией от каменного века и эпохи бронзы до Нового времени. Издание предназначено для историков, искусствоведов, культурологов и широкого круга читателей, интересующихся археологией и историей.

ISBN 978-5-94375-298-8
DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-298-8

© Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт археологии
Российской академии наук, 2019
© Авторы статей, 2019

Содержание

8 Предисловие

Каменный век

- 14 Памятники раннего палеолита на Северо-Восточном Кавказе
Х.А. Амирханов, Д.В. Ожерельев
- 18 Исследования верхнего палеолита в Зарайске
Х.А. Амирханов, С.Ю. Лев
- 22 Верхнепалеолитические памятники в окрестностях Хотылёво
К.Н. Гаврилов
- 26 Раскопки стоянки Береговая II на Горбуновском торфянике в Зауралье в 2017 г.
М.Г. Жилин, С.Н. Савченко
- 30 Изучение культуры аборигенов Камчатки
Н.А. Кренке, С.Н. Чаукин, К.А. Ганичев

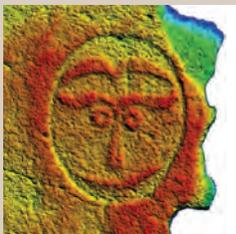

Эпоха бронзы и ранний железный век

- 36 Бронзовый век на территории Подмосковья: новые открытия
А.В. Энговатова
- 42 Курганы Северо-Западного Кавказа
А.Н. Гей, А.А. Клещенко
- 46 Древности горы Джантух в Абхазии
А.Ю. Скаков
- 50 Курганы ранних кочевников в Южном Приуралье
С.В. Сиротин, Д.С. Богачук
- 54 Исследования в Туве
И.В. Рукавишникова
- 58 Курганные могильники на Нижнем Дону
Р.А. Мимоход, П.С. Успенский

Изучение первобытного искусства

- 64 Амуро-Уссурийская провинция наскального искусства
Е.Г. Дрэлет, Е.С. Леванова, А.Р. Ласкин

Античные памятники

- 70 Новейшие исследования в Фанагории
В.Д. Кузнецов, А.А. Завойкин
- 76 Некрополь столицы Азиатского Боспора
А.Н. Ворошилов, О.М. Ворошилова
- 80 Некрополь Волна 1 на Таманском полуострове
Р.А. Мимоход, Н.И. Сударев, П.С. Успенский
- 84 Крым – Таврида
С.Ю. Внуков, О.В. Шаров
- 96 Бухта Ак-Бурун: подводные раскопки в Керченском проливе
С.В. Ольховский
- 100 Политические центры юго-восточной периферии Азиатского Боспора
А.А. Мальшев
- 104 Городища Старая и Новая Ниса в Южном Туркменистане
В.Н. Пилипко
- 108 Эллинистическая крепость Узундара на северной границе Бактрии
Н.Д. Девуреченская

I тысячелетие нашей эры

- 116 Романово-Пугачевский пруд: новый грунтовый могильник римского времени в Северной Самбии
А.В. Мاستыкова
- 120 Северо-восточное пограничье черняховской культуры в России
О.А. Радюш
- 124 Памятники верхневоронежской культурной группы эпохи раннего средневековья
А.М. Обломский
- 128 Ранние аланы Среднего Терека
В.Ю. Малашев, Р.Г. Магомедов, Ф.С. Дзуцев, Х.М. Мамаев, М.В. Кривошеев
- 132 Изучение следов средневекового скотоводства в Приэльбрусье
Д.С. Коробов
- 136 Хумаринское городище в Карачаево-Черкесии
У.Ю. Кочкаров
- 140 Новые данные о средневековом храме и могильнике Горзувиты на Южном берегу Крыма
А.В. Мастыкова
- 144 Маркульское городище в Восточной Абхазии
Г.В. Требелева
- 148 Древности Иерихона: византийский и омейядский периоды на Русском участке
Л.А. Беляев, А.Н. Ворошилов, Л.А. Голофаст, С.Б. Григорян

Средневековье

- 154 Исследования в восточной части Московского Кремля
Н.А. Макаров, А.В. Энгватова, В.Ю. Коваль
- 160 Новейшие археологические открытия в Великом Новгороде
П.Г. Гайдуков, О.М. Олейников, А.В. Богомолов
- 164 Древнейший некрополь в Великом Новгороде
П.Г. Гайдуков, О.М. Олейников, А.А. Исаев
- 168 Работы архитектурно-археологического отряда в Великом Новгороде
Вл.В. Седов, М.В. Вдовиченко
- 174 Рубленый город: исследование городища и некрополей средневекового Ярославля
А.В. Энгватова
- 178 Изучение центра и ремесленных окраин древнерусского Смоленска
Н.А. Кренке, И.Н. Ершов, Е.К. Столярова, В.А. Раева
- 182 Суздальское Ополе: усадьбы знати XII–XIII вв.
Н.А. Макаров, А.Н. Федорина, А.М. Красникова
- 190 Соборная площадь и Успенский собор в Ростове Великом
А.В. Кашкин, А.Е. Леонтьев, Н.Г. Самойлович
- 194 Средневековый Гороховец
С.И. Милованов
- 198 Новейшие открытия в Торжке
П.Д. Малыгин, Н.А. Сарафанова, А.В. Вяземский
- 202 Ростиславль Рязанский: новые открытия
В.Ю. Коваль, П.Е. Русаков
- 206 Посад древнерусского города Вщиж
В.В. Миненко, И.Н. Разумов
- 210 Раскопки в Нижегородском кремле
Н.Н. Грибов, Т.А. Марьёнкина
- 214 Сквозь века: от мордовского городища до Саровской обители
С.И. Милованов, О.В. Зеленцова
- 218 Исследования в центре средневекового Болгара
Д.Ю. Бадеев, В.Ю. Коваль
- 222 Средневековые поселение и могильник Су-Баш 1 в Юго-Восточном Крыму
А.В. Мاستыкова

Позднее Средневековье и Новое время

- 228 Новый этап исследований Высоко-Петровского монастыря в Москве
Л.А. Беляев, Н.И. Савельев, С.Б. Григорян
- 232 Новодевичий монастырь в Москве: исследования к 500-летию основания
Л.А. Беляев, О.Н. Глазунова, С.Б. Григорян, С.Г. Шуляев, И.И. Елкина
- 236 Новый Иерусалим: завершение раскопок, создание музея, перспективы исследований
Л.А. Беляев, О.Н. Глазунова
- 240 Санитарное захоронение участников Бородинского сражения 1812 г. в деревне Колоцкое
Т.Ю. Шведчикова, М.В. Чирков

Предисловие

В настоящем издании, подготовленном в год 100-летия российской академической археологии, представлены материалы наиболее значительных и ярких полевых проектов Института археологии РАН, выполненных за четыре последних года (2015–2018). Жанр «Археологических открытий», коротких рассказов о новейших полевых изысканиях, раскрывающих место новых находок в общей панораме российских и мировых древностей, – один из наиболее распространенных и востребованных в археологии. Современные информационные потоки изменили скорость и форму подачи этих материалов. Публикации в интернете позволяют продемонстрировать новые находки вскоре после их обнаружения. Установки на открытое общение ученых с медиа часто подталкивают исследователей к тому, чтобы рассказать о раскопках в режиме онлайн, когда характер вновь открытых древностей еще не прояснен. Поэтому многие материалы, включенные в сборник, могут показаться читателю уже знакомыми. Обновленные публикации предлагают более глубокую характеристику памятников, более выверенные интерпретации и хронологические определения, сведения о том, что было добавлено к их пониманию в самое последнее время.

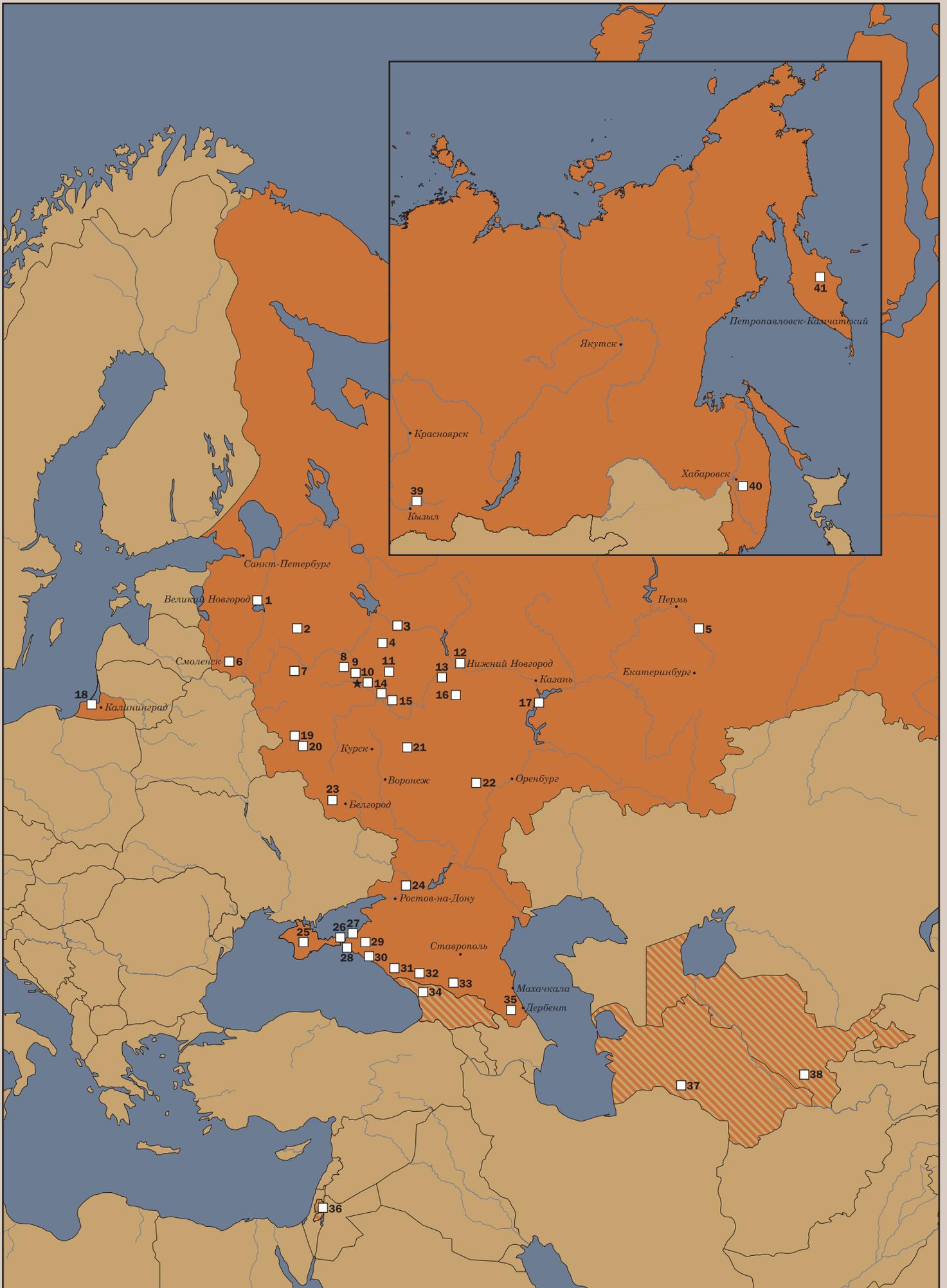
Сборник, включающий 49 статей, показывает масштабы экспедиционных исследований института, широту хронологического и географического охвата древних памятников и территорий, разнообразие современных методов и приемов полевых работ, интерес к новому документированию знаковых объектов культурного наследия, давно известных науке, с использованием новейших технических средств. Наиболее резонансные полевые работы Института археологии 2015–2018 гг., получившие широкое освещение в прессе, – раскопки в Московском Кремле на месте демонтированного 14-го корпуса и грандиозные спасательные работы на новостройках Крыма: на трассе автомагистрали Таврида, в зоне Крымского моста и на

других участках. Оба проекта органически связаны с долговременными изысканиями экспедиций ИА РАН в центре и на юге Европейской России, с близкими по своим научным задачам и организационным формам раскопкам древнерусских городов, монастырей Московской Руси, античных поселений и курганов скифского времени. В сборнике полномерно представлены материалы новейших раскопок в Новгороде, в том числе результаты исследования главных церковных построек начала XII в., материалы раскопок в городах и на сельских поселениях Северо-Восточной Руси (Гороховец, Ярославль, Ростов Великий, Нижний Новгород, Суздальское Ополе), новые проекты по исследованию памятников Кавказа, в том числе стоянок олдуванской эпохи – древнейших следов присутствия человека на территории нашей страны. Ответственный подход к организации спасательных раскопок на казалась бы рядовых объектах (античный некрополь Волна на Таманском полуострове в Краснодарском крае, средневековое городище Саров на юге Нижегородской области, могильник эпохи бронзы Павловская Слобода в Подмоскowie) имел результатом неожиданные и впечатляющие открытия, демонстрирующие потенциал ранее малозаметных на археологических картах точек.

Целостное научное видение древних и средневековых культур Евразии невозможно без новых полевых исследований на Востоке: в Палестине (Иерихон), Центральной Азии (городища Старая и Новая Ниса на юге Туркменистана, крепость Узундара на юге Узбекистана), в Туве (курган Аржан 5), в Приамурье (памятники наскального искусства на Амуре и Уссури), на Камчатке. Небольшие по объему материалы, собранные на этих памятниках, для института – важная составляющая общей картины мира, дополняющая древности Европейской России и способствующая более четкому осознанию их специфики.

Для современной археологии все более очевидно, что результатом научного проекта может быть не только новое знание о прошлом, представленное в виде отчетов и научных публикаций, но и экспонирование самих древних объектов. Археолог не должен быть равнодушен к последующей судьбе открытых им материальных остатков прошлого. Одним из новых моментов в полевых работах института последних лет стало участие в проектировании и создании музейных экспозиций для показа вновь выявленных архитектурно-археологических объектов. Остатки исторических построек и артефакты, открытые раскопками, экспонируются в музейных окнах на Ивановской площади Московского Кремля, в церкви Благовещения на Городище в Новгороде, в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре в Подмоскowie. Планируется музеефикация античной сельской усадьбы Манитра в окрестностях Керчи, для сохранения которой принято решение об изменении трассы железной дороги. Возвращение памятников прошлого в этих случаях – уже не фигура речи, а реальность, конкретный итог академических полевых исследований, проведенных институтом.

Н.А. Макаров

Археологические полевые проекты 2015–2018 гг.

Памятники, упоминаемые в тексте и отмеченные на карте

- 1 – Великий Новгород: город (с. 160); некрополь (с. 164); ц. Благовещения на Городище, Георгиевский собор Юрьева м-ря, ц. Андрея на Ситке (с. 168)
- 2 – Торжок: городище, слобода Рождественского м-ря (с. 198)
- 3 – Ярославль: городище, некрополи, Успенский собор (с. 174)
- 4 – Ростов Великий: Соборная площадь, Успенский собор (с. 190)
- 5 – Береговая II (с. 26)
- 6 – Смоленск: центр и ремесленные окраины (с. 178)
- 7 – Колоцкое (с. 240)
- 8 – Воскресенский Ново-Иерусалимский м-рь (с. 236)
- 9 – Павловская слобода (с. 36)
- 10 – Москва: Кремль (с. 154); Высоко-Петровский (с. 228) и Новодевичий (с. 232) м-ри
- 11 – памятники Суздальского Ополя: Вышеславское 3, Михали 3 и др. (с. 182)
- 12 – Нижний Новгород: кремль (с. 210)
- 13 – Гороховец: город, грунтовый могильник (с. 194)
- 14 – Ростиславль Рязанский (с. 202)
- 15 – Зарайск (с. 18)
- 16 – Саров: городище, Саровская обитель (с. 214)
- 17 – Болгар (с. 218)
- 18 – Романово-Пугачевский пруд (с. 116)
- 19 – Вщиж: посад (с. 206)
- 20 – Хотылёво 2, Кудеярка (с. 22)
- 21 – Стаево 4 и 5 (с. 124)
- 22 – Высокая могила – Студеникин Мар (с. 50)
- 23 – Пены, Выдрин, Большой Каменец (с. 120)
- 24 – Чеботарев V (с. 58)
- 25 – памятники Крыма: Госпитальный, Манитра, Фронтное 3, Жемчужина 1, Севастополь (с. 84); Горзувиты (с. 140); Су-Баш 1 (с. 222)
- 26 – Ак-Бурун (с. 96)
- 27 – Фанагория: городище (с. 70); некрополь (с. 76)
- 28 – Волна 1 (с. 80)
- 29 – памятники Северо-Западного Кавказа: Адагум X, Бейсужек XXXV, Вышестеблиевский XXI, Межкирпильский I, Хутор Кубань (с. 42)
- 30 – Раевское, Верхнегостагаевское (с. 100)
- 31 – Хумаринское (с. 136)
- 32 – памятники Приэльбрусья: Гуд-Гора, Гум-Баши, Зубчихинский 1 и др. (с. 132)
- 33 – Братские 1-е курганы (с. 128)
- 34 – памятники Абхазии: Джантух (с. 50); Маркульское (с. 144)
- 35 – памятники Центрального Дагестана: Мукхай I, II, Па (с. 14)
- 36 – Иерихон (с. 148)
- 37 – Старая и Новая Ниса (с. 104)
- 38 – Узундара (с. 108)
- 39 – Аржан 5 (с. 54)
- 40 – Сикачи-Алян, Шереметьево, Кия (с. 64)
- 41 – памятники Камчатки: Ключи 1, Ключи 2, Накша 4 (с. 30)

Каменный век

Х.А. Амирханов, Д.В. Ожерельев

Памятники раннего палеолита на Северо-Восточном Кавказе

Проторубило из слоя 3
(0,9–0,8 млн л. н.), Мухкай II

В 2015–2018 гг. на территории Северо-Восточного Кавказа проводились комплексные исследования памятников раннего палеолита Мухкай I, Мухкай II и Мухкай IIa. Многослойные стоянки расположены на территории Акушинского района Республики Дагестан и приурочены к единой геологической свите, покрывающей верха водораздельного плато рек Агуша и Усиша. Абсолютная высота объектов составляет 1630 м над уровнем моря. На стоянках Мухкай I и II мощность культуросодержащих отложений составляет 66 и 73 м. Десятки зафиксированных культурных слоев памятников документируют жизнедеятельность гоминидов в различные периоды раннего плейстоцена. Каменная индустрия коллекций из этих слоев имеет признаки, присущие для культуры классического олдована раннего палеолита. Памятники являются одними из древнейших археологических объектов в Евразии и характеризуют собой свидетельства первоначального появления и обитания древнейших *Номо* на территории России в период между 2,1–0,8 млн лет назад (л. н.).

Изучение памятников носит многосторонний характер, включающий палеозоологические, палинологические, палеопочвоведческие, палеомагнитные и другие исследования. Благодаря использованию возможностей естественнонаучных методов получены разнообразные данные, позволившие уточнить датировку стоянок и особенности природно-климатических условий в различные периоды обитания здесь древнего человека (Ожерельев, 2017).

Работа Северокавказской палеолитической экспедиции была нацелена на решение проблем, находящихся в русле изучения наиболее актуальных и имеющих глобальное научное значение вопросов. Одно из направлений исследований – изучение стоянки Мухкай IIa, содержащей погребенные в древности поверхности обитания первобытного человека. Благодаря

Вид на памятник Мухкай II

Общий вид на памятники Мухкай I (слева) и Мухкай Ia (справа)

Расположение раскопа Мухкай II в верхней части отложений. 2018 г.

Скопление костных останков млекопитающих в слое 2013-3, Мухкай Ia

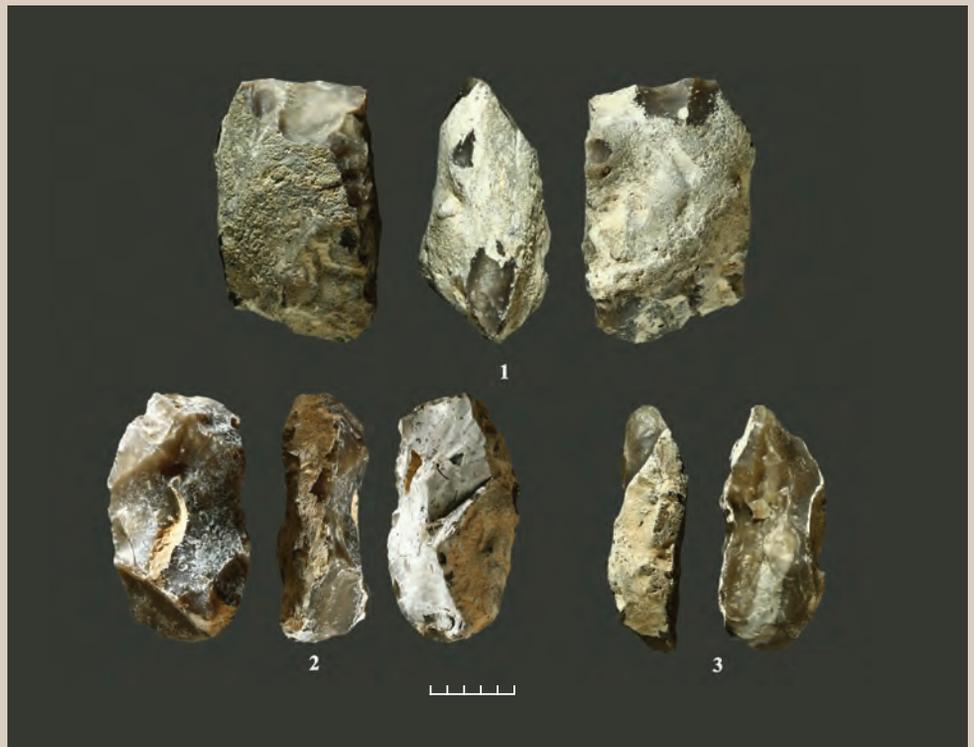

Раскопки 2017 г. на уровне
слоя 2013-3 стоянки Мухкай II

Каменные орудия финала олдована
(0,9–0,8 млн л. н.): 1 – чоппер; 2 – орудие
с бифасиальной обработкой; 3 – пик. Мухкай II,
слои 3–5

Кремневые орудия на отщепках. Мухкай II

этому стало возможным исследовать гомогенный археологический и фаунистический материал, сохранившийся в виде комплекса *in situ*. Стоянка расположена на глубине 38 м от дневной поверхности памятника Мухкай II. В слоях стоянки (слои 2013-1, 2, 3) обнаружено свыше 2000 костных останков 14 видов животных псекупского фаунистического комплекса и около 600 каменных изделий из кремня (Amirkhanov et al., 2016). На основе данных, полученных на Мухкай II, проводится изучение тафономических условий формирования культурных слоев, пространственной структуры организации стоянки, определяется характер каменных индустрий стоянок олдованской эпохи, специализирующихся на разделке туш млекопитающих. Датируется стоянка временем 2,1–1,7 млн л. н. (Тесаков и др., 2017).

Другое важнейшее направление исследования – формулирование общих и особенных принципов эволюционного развития индустрии олдована Северо-Восточного Кавказа от времени ее появления (древнее 2 млн л. н.) к заключительному этапу (около 1 млн л. н.). Исходя из этого в 2018 г. проводились значительные по масштабу раскопки на уровне самых верхних по положению в разрезе и поздних по возрасту раннеплейстоценовых слоев памятников Мухкай I и II. Площадь раскопок на стоянках составила по 70 м² и глубиной до 5 м на каждой из них. Несколько культурных слоев имеют четкую стратиграфическую привязку в рамках разрезов каждого памятника, и они обоснованно коррелируются между собой. Геологическая датировка отложений, откуда происходят находки, – порядка 1,0–0,8 млн л. н. Общая коллекция включает около 2000 ед. индивидуальных находок (нуклеусы, отщепы, орудия) и свыше 8000 ед. массового материала (обломки, желваки с единичными сколами и т.д.). Среди первой группы предметов – многочисленные чошперы, пики, пикообразные орудия, скребла, скребки, ножи, острия, отщепы с ретушью, а также единичные проторубила и изделия с бифасиальной обработкой.

Период между концом раннего – началом среднего плейстоцена (~ 1,0–0,6 млн л. н.) является «белым пятном» в археологии палеолита Кавказа. На основании полученного экспедицией значительного археологического материала заполняется одна из крупнейших археологических лакун Кавказа, яснее обрисовывается облик палеолитической культуры времени появления и широкого распространения ашельской традиции. Типологически разнообразный и выразительный каменный инвентарь позволяет фиксировать и определять признаки индустрии, характерные для переходной стадии от олдована к раннему ашелю. Исследования экспедиции показывают, что олдованская культура Северо-Восточного Кавказа, развиваясь на протяжении сотен тысяч лет, к концу раннего плейстоцена демонстрирует эволюционные изменения, присущие такому переходному этапу. Таким образом, достоверно фиксируется локальное эволюционное появление признаков древнейшей культуры ашельского типа на Северном Кавказе.

Характер культурных отложений возрастом 0,9–0,8 млн л. н. Мухкай II, 2018 г.

Ожерельев Д.В. Комплексные исследования на стоянке раннего палеолита Мухкай II (Дагестан) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Т. 1. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2017. С. 773–774.

Тесаков А.С., Амирханов Х.А., Ожерельев Д.В. К датировке стоянки олдована Мухкай II в Дагестане // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. 2017. № 75. С. 5–10.

Amirkhanov N.A., Ozherelyev D.V., Alexandrova O.I., Sablin M.V., Giryа E.Yu. Cut marks on the bone of *Equus (Allohippus) stenorhinus* and traces of utilization on the stone tool from the Oldowan site Mulkai II in the North Caucasus // Conference: *Homo erectus 100+25. International Senckenberg Conference*. Tbilisi, 2016. P. 23–24.

Х.А. Амирханов, С.Ю. Лев

Исследования верхнего палеолита в Зарайске

Зуб песца с прорезанным отверстием *in situ*. Зарайск Е, 2017 г.

Справа: Общий вид Зарайского кремля и долины р. Осетр

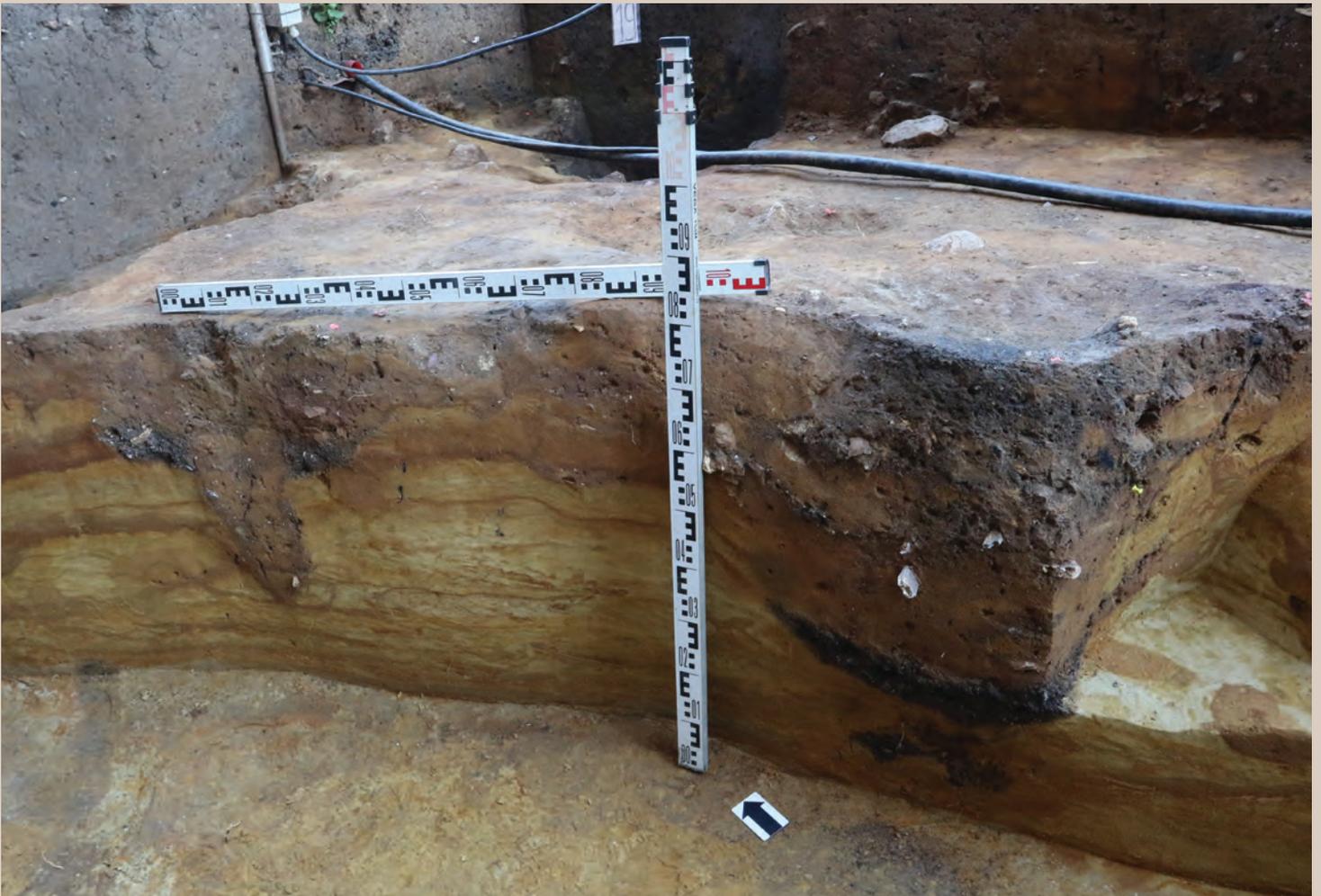
Скопление каменных изделий и фаунистических останков в шурфе 1. Зарайск F, 2018 г.

По результатам многолетних исследований Зарайская стоянка, будучи одним из ключевых объектов для понимания путей развития восточного граветта на Русской равнине, на сегодняшний день представляет собой группу памятников, разнесенных во времени (23000–16000 лет назад) и пространстве. Стоянки обозначены буквами латинского алфавита от А до F – всего раскопано более 500 м². Планомерные научные раскопки многослойного поселения Зарайск А (1995–2005, 2012 гг.) и однослойного Зарайск В (2006–2011 гг.) велись Зарайской экспедицией под руководством Х.А. Амирханова и впоследствии С.Ю. Льва.

В 2016 г. Государственный музей-заповедник «Зарайский кремль» в рамках программы научной реставрации кремля инициировал земляные работы – траншеи проходили снаружи по всему периметру стен, а также внутри кремля в его северо-западном углу, где и был выявлен палеолитический культурный слой *in situ*. Общая длина траншей составила 1035 м, а вскрытая площадь достигала 517,5 м². Таким образом, на новом витке исследования получили характер разведывательных (Лев, 2017).

По результатам работ 2016 г. в Зарайском кремле обнаружено как минимум два новых участка палеолитического культурного слоя. Один из них, обозначенный как Зарайск F, расположен вокруг угловой Караульной башни. Наиболее яркой находкой там стал большой очаг костенковского типа (Лев, 2018). Подобные очаги формируют центральную линию поселений костенковско-авдеевской археологической культуры, окруженную полуземлянками. В 2018 г. в 15 м к юго-востоку от очага был заложен шурф 2 х 2 м с целью выяснения границ памятника, давший полную стратиграфическую колонку и 1300 находок, скопление кремневых изделий, связанное с первичным раскалыванием, ямку с пластинами и возможно полуземлянку, в которую западали крупные кости мамонта. Таким образом, шурфом

Ямы в разрезе. Через яму слева проходит мерзлотная трещина. Зарайск Е, 2017 г.

Череп мамонта с «кладом» кремневых изделий в альвеоле. Зарайск Е, 2018 г.

затронута центральная часть базовой стоянки, планомерные исследования которой займут многие годы. Кроме того, выявлен слой пахоты с керамикой второй половины XII в., перекрытый строительным горизонтом, связанным с возведением кремля в 1528–1531 гг.

В 2017–2018 гг. проводились интенсивные раскопки на стоянке Зарайск Е. Из вскрытых 80 м² более половины площади составляет непотревоженный палеолитический культурный слой. Исследуемый участок приходится на центральную часть поселения костенковского типа – в раскоп попала входная часть полуземлянки, ориентированная на очаг, из которого по костному углю получена дата 19020±320 (ГИН-15737-1). Очажная яма имеет округлую в плане форму диаметром 50 см и линзовидное сечение. В заполнении – костный уголь и «очажные камни» со следами обжига. Еще один очаг того же типа находится в 10 м к северу. С ним также связаны полуземлянка и несколько ям.

Между очагом и полуземлянкой находились западина, заполненная красной охрой, ямы-хранилища, в том числе перекрытые лопаткой мамонта. Поверх двух ям, отделенный от них стерильной прослойкой залегал позвоночный столб бизона в анатомическом порядке, относящийся к более позднему этапу функционирования памятника. Одну из ям пересекает мерзлотная трещина, которую удалось проследить в плане. Трещину перекрывает культурный слой, что является еще одним свидетельством интерстратификации объектов культурного слоя.

Перед входом в полуземлянку альвеолами в материк была вкопана лицевая часть черепа мамонта. В левую альвеолу был заложен своего рода «клад» – острие, крупные пластины, резец, кремневый нож со следами использования и «очажный камень» со следами термического воздействия, лежавшие очень плотной группой.

В одной из ям-хранилищ обнаружена необычная находка – массивный листовидный наконечник, выполненный в бифасиальной технике. На наконечнике четко видны следы затертости всех граней. По-видимому, до того, как изделие было положено на дно ямы и засыпано охрой, его долго носили в кожаном мешочке или кармане. Вещь уникальна как с эстетической точки зрения, так и в плане археологической типологии и технологии.

По результатам проведенных в 2016–2018 гг. работ можно сделать вывод о наличии как минимум двух, а возможно и трех жилых площадок костенковского типа с очагами и землянками внутри стен Зарайского кремля. Многослойные памятники имеют высокую научную значимость для решения проблем первоначального заселения человеком территории современной Московской области.

Позвоночный столб бизона in situ залегает в анатомическом порядке. Зарайск Е, 2018 г.

Листовидный бифасиальный наконечник in situ. Зарайск Е, 2018 г.

Лев С.Ю. Палеолитический культурный слой в Зарайском кремле // Оки связующая нить: археология Среднего Пooчья. Ступино: Ступ. истор.-краев. музей, 2017. С. 102–113.

Лев С.Ю. Новые памятники палеолита в Зарайске // Записки ИИМК РАН. Вып. 17. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 84–96.

К.Н. Гаврилов

Верхнепалеолитические памятники в окрестностях Хотылёво

*Женская статуэтка из бивня мамонта.
Хотылёво 2, пункт В. Фото: А. Бронников*

Хотылёвская археологическая экспедиция проводит свои работы с 1993 г. – без малого 25 лет. В настоящее время усилия ее сотрудников сосредоточены на раскопках чрезвычайно насыщенного находками культурного слоя, так называемого пункта В, стоянки Хотылёво 2, открытого в 2005 г. Слой стоянки содержит в себе не только многочисленные костные остатки животных и предметы из расщепленного кремня, бивня и кости, но и различные археологические объекты: ямы, скопления костного угля, минеральной краски. Достаточно типичная картина для данного участка поселения – преднамеренно уложенные и вкопанные кости мамонтов, преимущественно черепа, лопатки и трубчатые.

В 2016 и 2018 гг. полевые работы велись на северном участке комплекса археологических объектов, который можно рассматривать в качестве типичного для 2-й Хотылёвской стоянки (Gavrilov et al., 2015). Данный комплекс представляет собой расположенные по длинной дуге округлые в плане неглубокие ямы и вкопанные длинные кости мамонта, часть из которых была преднамеренно расколота. В непосредственной близости от некоторых ям располагались вкопанные черепа мамонтов. С двумя ямами были связаны группы из попарно уложенных лопаток мамонтов. С внутренней стороны дуги, вдоль которой были расположены ямы, располагалось обширное скопление костного угля и золы, в южной части которого зафиксирована еще одна яма, возможно, очаг. Рядом с ней в 2009 г. обнаружена двойная женская статуэтка, вырезанная из куска мела (Гаврилов, 2012). В 2016 г. в северо-западной периферии комплекса, также в непосредственной близости от одной из ям, найдена вторая женская статуэтка. Сырьем для ее изготовления послужил бивень мамонта. Эта скульптура изображает беременную женщину и по праву может быть отнесена к шедеврам палеолитического искусства малых форм (Гаврилов, Хлопачев, 2018).

Раскоп Хотылёво 2, пункт В. 2018 г.

*Женская статуэтка (см. с. 22).
Фото: А. Бронников*

Панорама верхнепалеолитических стоянок в окрестностях с. Хотылёво

Орнаментированная костяная поделка с навершием. Хотылёво 2, пункт В. 2018, 2019 гг.

Подвеска из клыка песца; фрагмент пуговицы из бивня мамонта. Хотылёво 2, пункт В. 2018 г.

Одна из ярких особенностей исследуемого в настоящее время участка культурного слоя – обилие красной минеральной краски, охры. Ею первобытные обитатели стоянки специально посыпали поверхность, на которой затем выкладывали кости, высыпали уголь, рыли ямы, жгли костры. Охрой окрашены и большие участки заполнения ям, и частично – кости животных. Цвет охры различен – от красного до почти бордового. Возможно, что краска использовалась людьми в ритуальных целях. Учитывая находки произведений искусства, сделанные Хотылёвской экспедицией ранее, нельзя исключать особый, сакральный, характер изучаемого в настоящее время комплекса археологических объектов. Среди наиболее интересных находок 2018 г. – фрагмент костяной поделки, изготовленной, по-видимому, из компакты крупной трубчатой кости мамонта и орнаментированной по краям косыми короткими прямыми линиями и крестиком. Особый интерес эта находка вызывает именно своей орнаментацией, так как подобный мотив характерен для другой археологической культуры – костенковско-авдеевской, отличной от хотылёвской по многим признакам, включая, в том числе, и произведения искусства. Кроме фрагмента костяной поделки обнаружены подвеска из клыка хищника (песец?) с прорезанным отверстием, фрагмент пуговицы из бивня мамонта и бусина, изготовленная из раковины моллюска.

Помимо изучения Хотылёвской стоянки, экспедиция исследует и другие объекты в окрестностях села. Так, 2015 г. проведены работы на городище Кудеярка, относящемся к юхновской археологической культуре раннего железного века. Здесь в толще покровных лёссовидных суглинков в 2007 г. были зафиксированы верхнепалеолитические культурные слои. Раскопки 2015 г. позволили уточнить их стратиграфическое положение. Нижний, третий, культурный слой залегал в брянской погребенной почве. Располагавшийся выше второй культурный слой зафиксирован в основании покровных суглинков и связан со слабогумусированной прослойкой. Его стратиграфическая позиция аналогична положению граветтского культурного слоя стоянки Хотылёво 2. Коллекция каменного инвентаря названных слоев Кудеярки пока малочисленна. Можно только отметить, что предметы из второго слоя представлены единичными сколами и двумя нуклеусами, вполне типичными для каменного инвентаря Хотылёво 2. Кремневые изделия из нижнего культурного слоя не содержат диагностичных форм, но в целом имеют более архаичный облик.

Городище Кудеярка. Стратиграфия позднелейстоценовых отложений, вмещающих культурные слои. 2015 г.

Гаврилов К.Н. Двойная статуэтка из раскопок стоянки Хотылёво 2: контекст, иконография, композиция // *Stratum Plus*. 2012. № 1. С. 279–292.

Гаврилов К.Н., Хлопачев Г.А. Новая женская статуэтка со стоянки Хотылёво 2: образительный канон и археологический контекст // *Camera Praehistorica*. 2018. № 1 (1). С. 8–23.

Gavrilov K.N., Voskresenskaya E.V., Maschenko E.N., Douka K. 2015. East Gravettian Khotylevo 2 site: Stratigraphy, archeozoology, and spatial organization of the cultural layer at the newly explored area of the site // *Quaternary International*. 2015. 359–360. P. 335–346.

М.Г. Жилин, С.Н. Савченко

Раскопки стоянки Береговая II на Горбуновском торфянике в Зауралье в 2017 г.

*Каменное навершие.
Культурный слой III*

Стоянка Береговая II находится на восточном склоне Урала в 5 км к югу от г. Нижний Тагил. Располагается на мысу северо-восточного берега Горбуновского торфяника. В результате наших работ 2008–2012 гг. на торфяной части стоянки Береговая II вскрыто 130 м². Прослежено пять культурных слоев, залегающих в озерно-болотных отложениях, разделенных стерильными прослойками торфа и сапропеля. Верхний слой (I) дал редкие находки аятской культуры эпохи энеолита. Второй слой (II) дал керамику, каменные и костяные изделия раннего неолита. Три нижних слоя относятся к раннему, среднему и позднему мезолиту (Жилин, Савченко, 2014; Zhilin et al., 2014). Радиометрические и АМС-даты (43), позволяют датировать неолитический слой около 6200–6100 календарных лет назад, верхний мезолитический слой – около 7490–6900 кал. л. н., средний – около 8200–7500 кал. л. н., нижний слой – около 9350–8300 кал. л. н. Фаунистические остатки во всех слоях принадлежат лосю, бобру и другим лесным зверям, птицам и рыбам.

В 2017 г. к северной и западной стенкам раскопа прежних лет было прирезано 42 м². Прослежены перечисленные выше культурные слои, сформировавшиеся в результате хозяйственной деятельности в прибрежной части стоянки на разных этапах ее заселения, но имевшие свои особенности. Верхний культурный слой (I) в раскопе 2017 г. практически не представлен. Находки культурного слоя раннего неолита (II) концентрировались в северной части раскопа. Здесь выявлены скопления костей, развал сосуда, вероятно, кошкинского типа и большинство каменных и костяных изделий и отходов их производства. Можно отметить находку нуклеуса для микропластин, целой микропластинки и шлифованного тесла.

Находок в слое позднего мезолита (III) также гораздо больше в северной части раскопа. В нижней части этого слоя в западине найдено

*Шлифовальная плита in situ.
Культурный слой III*

*Костяные наконечники стрел.
Культурный слой IV*

Раскоп, рабочий момент

*Вид с юга на стоянку
до начала раскопок*

*Деревянная лопасть весла и заготовка
топопра in situ. Культурный слой III*

скопление компактно лежавших тонких стволиков сосны с обрезанными ветками. Видимо, это запас сырья. Из таких стволиков делались цельные дротики, обломки которых найдены в прошлые годы. Каменный инвентарь типичен для мезолита Среднего Зауралья. Особо следует отметить находку сверленого диска из туфопорфирита овальной формы размерами 123,5 × 89 × 35 мм с продолговатым выступом на одной плоскости. На ней гравировкой изображена антропоморфная личина: брови над выступом-носом, усы, отходящие от сверлины-рта, борода. На второй плоскости нанесена гравировка в виде косоугольного креста, на боковых гранях заметны поперечные насечки. Выступ и боковые края диска повреждены глубокими выбоинами. Вероятно, это навершие булавы. Данная находка – первая из крупных орнаментированных дисков, обнаруженная в Зауралье в надежной стратиграфической позиции. И если прежние диски датировали эпохой бронзы (Савченко, Жилин, 2016), то это уникальное навершие уверенно датируется поздним мезолитом. Значительный интерес представляют обломок костяного вкладышевого наконечника стрелы и первая в мезолите Зауралья находка деревянной лопасти весла.

Большая часть находок в слое среднего мезолита тяготеет к западной стенке раскопа 2010 г., замыкая скопление, исследованное в раскопах прошлых лет. В каменном инвентаре развитая пластинчатая индустрия сочетается со значительным количеством заготовок крупных рубящих орудий из местного сырья. Найдено шлифованное тесло из этой породы. Изделия из кости и рога включают наконечники стрел с биконической головкой, иволистный, узкий плоский асимметричный вкладышевый; обломок острия вкладышевого кинжала; обломок заготовки кинжала или наконечника копья; орудия из нижних челюстей бобра; прямой нож со скошенным концом; обломок плоского ножа; отжимник из отростка рога. Находки нижнего (V) культурного слоя немногочисленны. Каменные изделия представлены кремневой пластинкой и отходами производства рубящих орудий из местных вулканических пород. Интересен обломок острия костяного игловидного наконечника с пазом, заполненным смолой с отпечатками четырех микропластинок-вкладышей.

Торфяниковая часть стоянки Береговая II – наиболее интересный памятник мезолита Зауралья. Раскопки 2017 г. уточнили наши представления об этом памятнике и существенно дополнили коллекции изделий из камня, кости, рога и дерева из слоев мезолита и раннего неолита.

Жилин М.Г., Савченко С.Н. Многослойные мезолитические стоянки на Горбуновском торфянике // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. Казань: Отечество, 2014. С. 255–259.

Савченко С.Н., Жилин М.Г. Новая находка каменного диска-навершия (к вопросу о перфорированных каменных дисках в Среднем Зауралье) // РА. 2016. № 3. С. 136–151.

Zhilin M.G., Savchenko S.N., Nikulina E.A., Schmöcke U., Hartz S., Terberger T. Eleven bone arrowheads and a dog coprolite – the Mesolithic site of Beregovaya 2, Urals region (Russia) // Quartär. 2014. 61. P. 165–187.

*Обрубленный рог лося in situ.
Культурный слой IV*

Н.А. Кренке, С.Н. Чаукин, К.А. Ганичев

Изучение культуры аборигенов Камчатки

*Украшение из обсидиана.
Стоянка Усть-Камчатск 50*

Работы Камчатского отряда в нижнем течении р. Камчатка были начаты в 2013 г., продолжались затем в 2015, 2018 и 2019 гг. Археология Камчатки привлекает по многим причинам: где-то здесь «зарыт» ответ на вопрос о первичном заселении Америки. Особенности адаптации человека к катастрофическим природным явлениям, структура и механизм функционирования сложноорганизованной присваивающей культуры, основанной на эксплуатации разнообразных, прежде всего, рыбных ресурсов, коммуникации которой базировались на ездовом собаководстве, – это тоже главные вопросы археологии Камчатки.

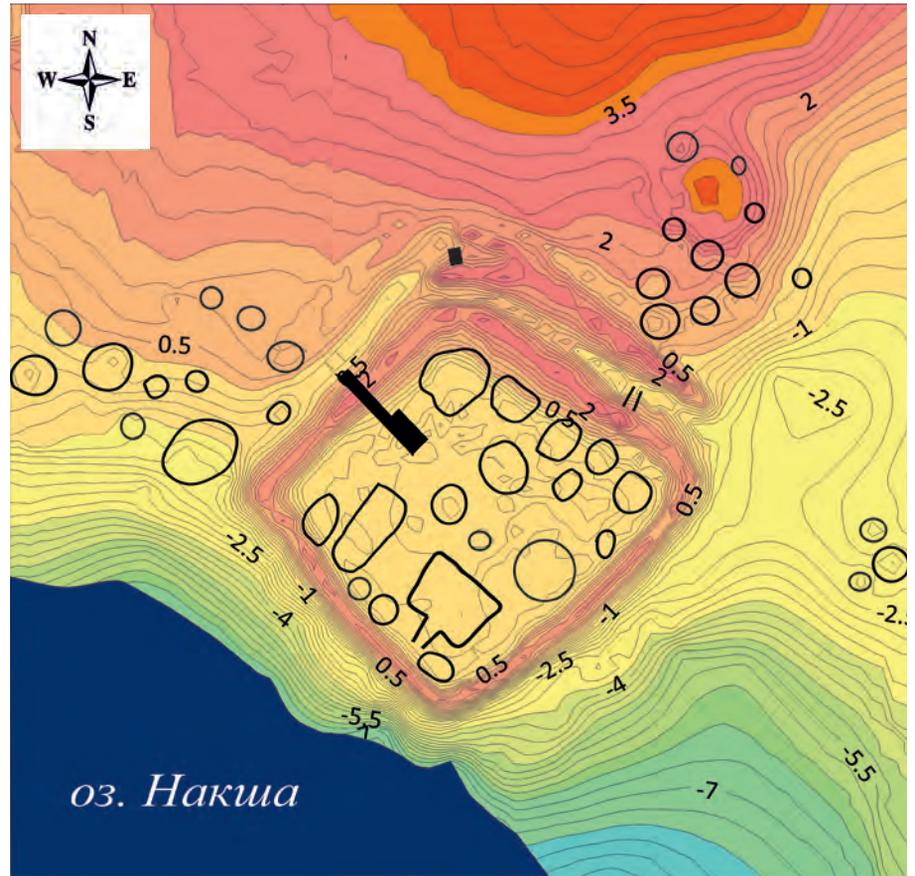
Появление в распоряжении ученых космических снимков с высоким разрешением позволило разглядеть в долине нижнего течения р. Камчатка скопление уникальных для полуострова археологических объектов – крупных жилищ или усадеб (?) размерами 40 × 40 м, обрамленных земляными валами и рвами, рядом с которыми находились сотни ям для кислой рыбы, использовавшейся на корм собакам. Наибольшая концентрация этих жилищ наблюдается на высоком берегу протоки, вытекающей из Ажабачьего озера, на утесах Малые Щеки. Крайняя точка распространения этих объектов вверх по течению р. Камчатка – оз. Накша напротив пос. Ключи, у подножия давно потухшего вулкана Заречный. По историческим данным, собранным С.П. Крашенинниковым в 1740 г., до прихода русских здесь проживала группа камчадалов, имевшая название «бурин». Именно здесь были сконцентрированы исследования Камчатского отряда ИА РАН. Работы велись в тесном взаимодействии с тефрохронологом из Геологического института РАН М.М. Певзнер. Камчатская археология немислима без тефрохронологии, так как датированные радиоуглеродным методом прослой пепла составляют стратиграфический каркас любого разреза (Кренке и др., 2018).

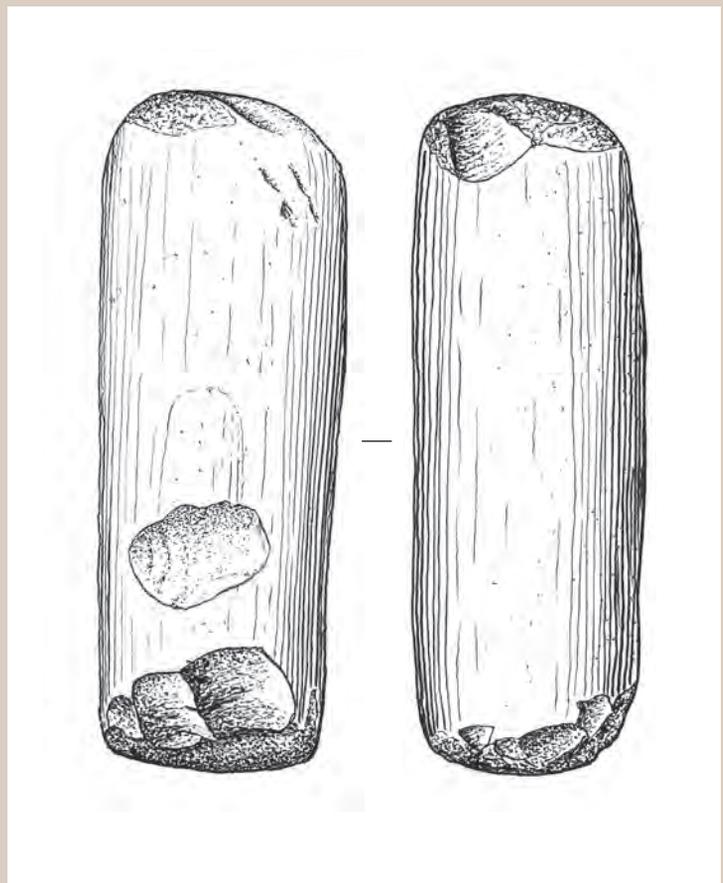

Стоянка Накша 4 (отмечена стрелкой).
На заднем плане р. Камчатка
и Срединный хребет. Вид с востока

План усадебного комплекса.
Стоянка Накша 4

Большое жилище (усадебный комплекс?)
на стоянке Накша 4. Съемка с БПЛА

При помощи современной техники (тахеометр, квадрокоптер) были сняты планы археологических памятников и начаты их раскопки. Работы на стоянках Ключи 1 и Ключи 2 показали, что интенсивная жизнь наблюдалась здесь примерно 3–4 тыс. лет назад. Пеплы вулканических извержений Шивелуч 5 и Ксудач, произошедших 2000 и 1800 лет назад, легли на уже обезлюдившую землю.

На оз. Накша (название, возможно, происходит от имени камчадала Кашея Хобинова, участника восстания 1731 г.) было изучено четыре жилища (усадеб). Оказалось, что древнейшее из них возникло чуть более 1000 лет назад, а существовали они вплоть до прихода казаков. Усадьбы имеют много особенностей планировки, указывающих на единую культурную традицию. Наивысшая концентрация этих усадеб наблюдается на приустьевом участке протоки (реки) Ажабачья – своего рода «столице» всего региона. До сих пор на протяжении более 2 км очень явно заметны следы прошлой жизни камчатских аборигенов, сформировавших совершенно своеобразный культурный ландшафт.

Начатые в 2018 г. работы показали, что памятники археологии здесь обладают уникальным информационным потенциалом, так как благодаря специфике слоя в нем сохраняются изделия из органики – коры деревьев, кости, дерева. Видимо, население, проживавшее восточнее хребта Кумрач, было сильно изолировано от окружающего мира и даже от соседних районов Камчатки. Так, среди находок сравнительно мало изделий из обсидиана, а преобладают местные породы – дацит и халцедон, совсем нет керамики. Первые полученные радиоуглеродные даты указывают на сравнительно молодой возраст усадеб «столицы» – XV–XVI вв. Таким образом, буквально накануне прихода казаков общество аборигенов переживало стремительный подъем, в нем формировались сложные социальные структуры, нашедшие выражение в появлении больших поселений с элементами сложной архитектуры. Тщательное изучение этих процессов – дело будущего.

Кренке Н.А., Певзнер М.М., Кренке А.Н., Чаукин С.Н. Археолого-тефрохронологические исследования в районе Ключевой группы вулканов (Камчатка, Россия) // КСИА. 2018. Вып. 249. С. 329–347.

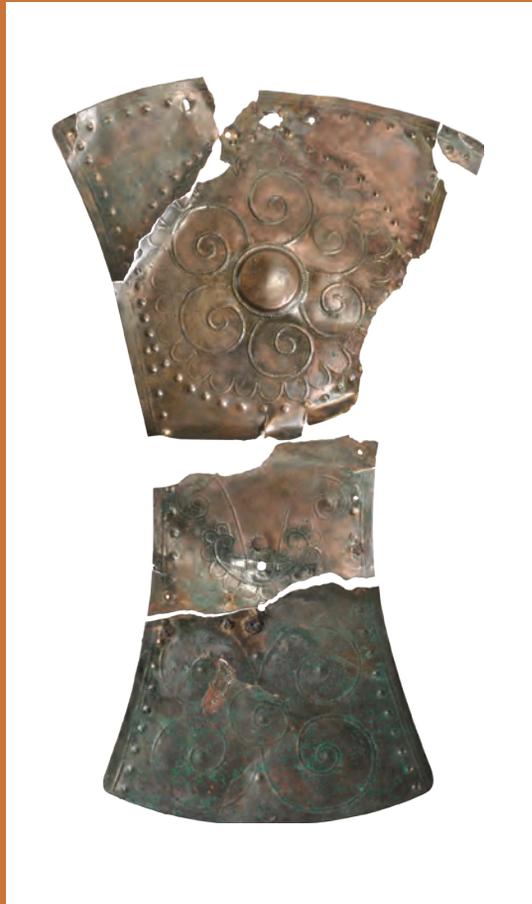
Слева: Усадьбы на стоянках Усть-Камчатск 51, 50, 48 (слева направо), окруженные ямами для хранения кислой рыбы. Ориентировочный возраст 300-400 лет. Съемка с БПЛА

Тесла, стоянки Казачье (вверху) и Усть-Камчатск 50 (внизу); каменный пест, стоянка Усть-Камчатск 50

Стратиграфический разрез восточного борта раскопа 2018 г. Стоянка Накша 4. Видны белые прослой пеплов извержения вулкана Шивелуч, датирующиеся возрастом 300 и 900 лет

Стоянка Накша 4. Процесс подготовки аэрофотосъемки с помощью БПЛА. 2018 г.

Эпоха бронзы и ранний железный век

А.В. Энговатова

Бронзовый век на территории Подмосковья: новые открытия

*Кремневые наконечники стрел. Погребение 2.
Могильник Павловская слобода.
Фото находок: А. Бронников*

Подмосковная археологическая экспедиция ИА РАН работает уже более 30 лет на территории Московской области и в прилегающих регионах. Среди важнейших направлений деятельности экспедиции – обеспечение сохранности археологических памятников в зонах строительства и проведение стационарных исследований. Важнейший итог спасательных работ – значительный рост числа выявленных памятников. В 2017–2018 гг. сотрудниками экспедиции проведены разведочные работы на более чем 500 участках землеотводов, в ходе которых открыты десятки новых объектов археологического наследия от эпохи каменного века до позднего средневековья, дополнена и уточнена электронная база археологических памятников Подмосковья.

Спасательными раскопками на больших площадях исследовались средневековые селища Аксено-Бутырки, Большие Дворы 2, Заозерье 2, Захарково, Непецино 2, Никольское, Павловская слобода. Селище 3, Развилка; многослойные поселения Ивлево 2 и Ивлево 4; часть территории курганного могильника XII–XIII вв. Дарьино 2. Продолжаются исследования на территории Троице-Сергиевой лавры.

Наиболее древняя находка была сделана в 2018 г. во время исследования памятника Павловская слобода в Истринском районе на территории строящегося здания школы. При изучении средневекового селища (XIII–XIV и XVIII вв.) на его территории неожиданно были выявлены остатки могильника середины III тыс. до н.э., относящегося к фатьяновской археологической культуре. Подобных памятников на территории Подмосковья очень мало – их доля не превышает 0,3% от всех известных объектов археологического наследия в регионе. К московско-клязьминской группе фатьяновской культуры относится всего чуть более десятка могильников, обнаруженных с середины XIX в. до наших дней. Последний раз подобный не-

*Глиняный фатьяновский сосуд.
Могильник Павловская слобода*

*Кремневые наконечники стрел
разных типов. Погребение 2.
Могильник Павловская слобода*

крополь был найден в Подмоскowie четверть века назад. Поэтому каждый новый памятник фатьяновской культуры может рассматриваться как источник уникальных данных, позволяющих понять, как формировалось население Восточной Европы.

На могильнике Павловская слобода открыто семь погребений, в которых найден типичный для фатьяновской культуры набор инвентаря. Это лепные шнуровые сосуды, два очень хорошо сохранившихся длиннолопастных каменных сверленных топора из габбро-диорита. На переднюю часть одного из топоров нанесен орнамент. Обнаружены также топоры-клинья из шлифованного кремня, активно использовавшиеся до того, как были положены в могильник. Найдены кремневые наконечники стрел и дротиков, длинные кремневые пластины, выполненные из местного камня.

Тщательные исследования могильника, проведенные с соблюдением современных археологических методик, показали, что наконечники стрел и дротиков, найденные здесь, представляли собой погребальный инвентарь – заупокойные дары умершим, и не были причиной их гибели.

Материалы из могильника позволили отобрать образцы древесного тлена и угля из перекрытия могильной камеры для радиоуглеродного датирования. AMS-датирование проведено в лаборатории университета Джорджии, США (Center for Applied Isotope Studies University of Georgia) под руководством А.Е. Черкинского. Впервые фатьяновский могильник на территории России точно датирован – калиброванные даты показывают, что погребения 3 и 4 были совершены в 2465–2211 (UGAMS-41295: years BP 3870±30) и 2464–2290 (UGAMS-41296: years BP 3880±25) гг. до н.э. соответственно. Стало возможным сравнить полученные датировки с базами данных европейских шнуровых культур и достоверно определить место

*Кремневые наконечники дротиков.
Могильник Павловская слобода*

*Слева: Каменный сверленный топор
и кремневые топоры-клинья.
Могильник Павловская слобода*

*Клад серебрянных монет начала XVII в.
Селище Большие Дворы 2*

«фатьяновцев» в этой общности. Также отобраны костные образцы для анализа ДНК останков «фатьяновцев», который в России никогда не проводился.

В 2018 г. исследовалось селище Большие Дворы 2, которое открыто сотрудниками Подмосковной экспедиции в 2015 г. Памятник, расположенный на территории Павлово-Посадского района Московской области, на левом берегу р. Клязьма, охарактеризован как остатки сельского поселения XII–XIX вв.

Археологическими раскопками было охвачено более половины территории селища. Несмотря на значительное повреждение памятника распашкой, обнаружены участки с сохранившейся нижней частью культурного слоя. Найдены многочисленные объекты материальной культуры (предметы быта, христианского культа, а также монеты, фрагменты круговых сосудов и т.п.).

В ходе работ во дворе жилой постройки при выборке культурного слоя на поверхности материка обнаружен клад в чернолощеной кубышке, состоявший из 623 серебряных монет эпохи Ивана IV и Бориса Годунова. Основная часть монет (почти 98%) относится ко времени правления царя Бориса (1598–1605). Почти все монеты новые, не успевшие побывать в обращении. По-видимому, клад был собран в течение короткого периода, возможно, одномоментно – в самом начале XVII в., перед началом «Смутного времени» (возможно, в 1601–1603 гг.). Помимо монет, изготовленных из высокопробного серебра, в сосуд также был положен медный крестик. Сумма спрятанных денег – 6 руб. 20 коп. – примерно в 2-3 раза превышает размеры кладов XVI – начала XVII в., включающих обычно от 100 до 300 серебряных копеек. Уникальность Большедворского клада заключается в его целостности – клад обнаружен в процессе археологических раскопок, кубышка выявлена *in situ*. Возможно, найденные денежные средства – сбережения от продажи зерна, так как в 1602–1603 гг. был кратковременный период резкого роста цен на зерно и хлеб после двух лет неурожая.

Спасательные археологические исследования Подмосковной экспедиции доказывают, что, казалось бы, «рядовые», иногда не очень хорошо сохранившиеся памятники эпохи Средневековья в процессе раскопок дают уникальные материалы.

Фатьяков А.М., Миненко В.В., Слепова Я.Р., Чирков М.В., Аникин И.С. Археологические исследования курганного могильника Дарьино-1 // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 15. М.: ИА РАН, 2019. С. 48–65.

Энговатова А.В., Курицын М.А., Яганов А.В., Рузаева Е.И. Житные ворота середины XVI в. в ограде Троице-Сергиева монастыря (2017 г.) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017 г. М.: ИА РАН, 2018. С. 442–449. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 25).

Энговатова А.В., Яганов А.В., Высоцкий А.Л., Курицын М.А. Архитектурно-археологические исследования на территории Московской духовной академии в 2016 году // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 13. М.: ИА РАН, 2017. С. 261–271.

А.Н. Гей, А.А. Клещенко

Курганы Северо-Западного Кавказа

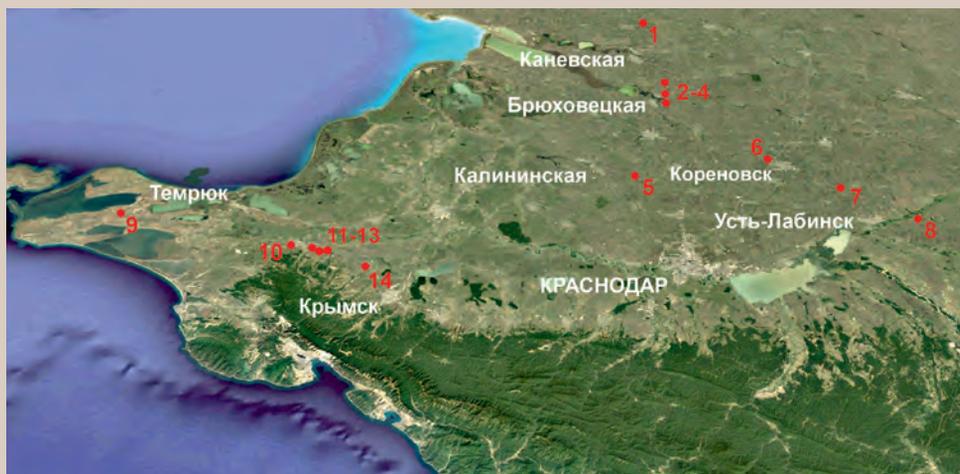

*Каменный топор. XXX–XXIX вв. до н.э.
Могильник Хутор Кубань*

Исследование курганных древностей юга Русской равнины и Предкавказья традиционно является приоритетным направлением работ Северо-Кавказской (в 2013–2017 гг. – Южной) археологической экспедиции ИА РАН. В числе других работ в 2015–2018 гг. экспедицией проводились масштабные раскопки курганов эпохи палеометалла и раннего железного века на территории Северо-Западного Кавказа – в Каневском, Брюховецком, Калининском, Кореновском, Усть-Лабинском, Темрюкском и Крымском районах Краснодарского края, где было исследовано в общей сложности 20 курганов, содержащих более 200 погребений и многочисленные непогребальные комплексы. Наиболее крупные из раскопанных курганов имели высоту от 3,5 до 7 м и диаметр до 80: курган 3 могильника Бейсужек XXXV, курган 1 могильника Адагум X и курган 2 могильника Вышестеблиевский XXI.

Подавляющее большинство исследованных курганов было сооружено в эпоху ранней или в начале средней бронзы. Наиболее архаичные погребения здесь датируются второй половиной IV тыс. до н.э. и относятся к майкопской и ямной культурам. Ямные комплексы представлены в основном погребениями в скорченном на спине положении с восточной ориентировкой. Они сопровождались керамическими сосудами, каменным шлифованным топором, а также миниатюрной моделью повозки или колыбели, являющейся в настоящее время самой ранней из известных находок такого типа. Чрезвычайно интересная находка – антропоморфная стела из основного погребения кургана 2 могильника Вышестеблиевский XXI, отчетливо указывающая на связь населения Таманского полуострова с ямными традициями Крыма и Северного Причерноморья (Гей, 2017).

Следующий хронологический этап (первая треть III тыс. до н.э.) представлен погребениями новотиторской культуры, совершенными в ха-

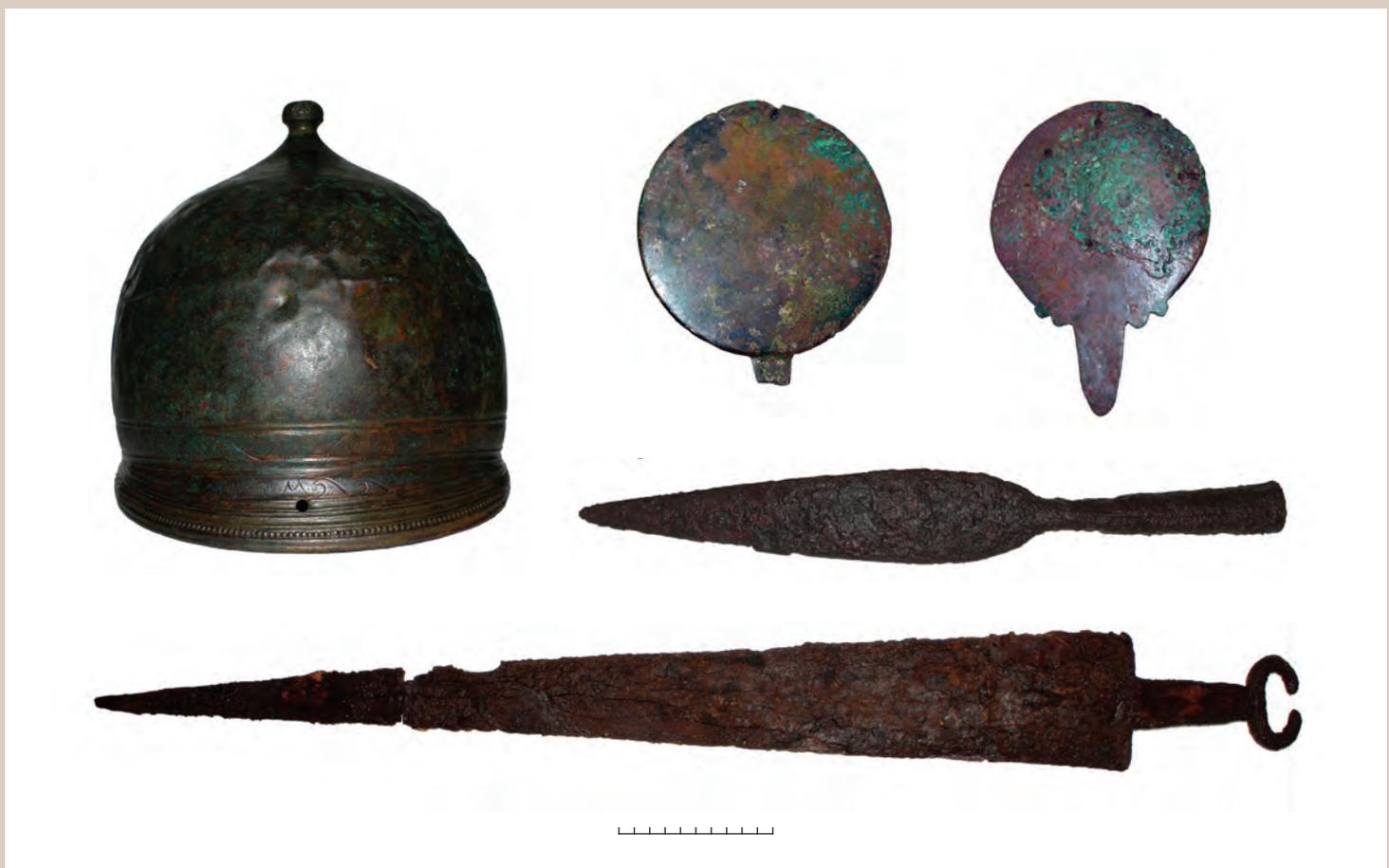

Раскопки кургана 1 могильника Адагум X. 2018 г.

Курганные могильники, исследованные в 2015–2018 гг.

Керамические сосуды эпохи ранней и средней бронзы, могильник Бейсузек XXXV

рактерном для этой традиции положении – скорченно на правом боку с ориентировкой в западном направлении, а также скорченно или вытянуто на спине. К последним относится уникальное основное погребение кургана 4 могильника Межкирпильский I, сопровождавшееся двумя разобранными деревянными повозками и оригинальной конструкцией в виде кресла со спинкой и подлокотниками, обращенного «сиденьем» к могильной яме (Гей и др., 2018). Новотиторовские погребения сопровождались немногочисленным инвентарем: небольшими керамическими сосудами, бронзовыми орудиями, украшениями и пр.

Новотиторовские культурные традиции отчасти наследуют носители катакомбных культур Предкавказья второй и третьей четвертей III тыс. до н.э. Их погребения сопровождаются керамическими сосудами, роговыми булавками, мелкими украшениями и пр. К этому же времени относится единственная в своем роде находка каменной плиты с росписью красной и черной красками, обнаруженная в кургане 2 могильника Вышестеблиевский XXI, которая, как и антропоморфная стела из основного погребения этого же кургана, указывает на непосредственные контакты населения Западного Предкавказья и Крыма в первой половине III тыс. до н.э.

Финал средней и эпоха поздней бронзы (третья четверть III – II тыс. до н.э.) в материалах раскопок 2015–2018 гг. наиболее ярко выражены в погребальных комплексах из кургана Горький II и нескольких курганах, раскопанных в Крымском районе. Один из последних содержал довольно редкую для Северо-Западного Кавказа находку костяной кольцевидной пряжки.

Не менее выразительны в отношении находок погребальные комплексы эпохи раннего железа, датирующиеся от VII в. до н.э. до первых веков н.э. Наиболее ранние из них содержали, в том числе, редкий по полноте и степени сохранности колчаный набор, а также комплекты украшений, включавшие до 1150 фаянсовых бус. К одной из наиболее значимых находок развитого этапа раннего железа относится находка римского шлема типа Монтефортино, сопровождавшегося в комплексе, в том числе, золотыми украшениями: серьгами и пронизьями. Кроме того, в погребениях этого времени найдены многочисленные керамические сосуды, оружие, бронзовые зеркала и браслеты, фибулы и другие украшения.

Гей А.Н. Схематическая антропоморфная стела с Таманского полуострова // КСИА. 2017. Вып. 249. Ч. 1. С. 102–111.

Гей А.Н., Клещенко А.А., Юнкин Д.А. Новая находка повозок новотиторовской культуры в Прикубанье // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Карачаевск, 2018. С. 60–63.

Каменная плита с росписью, могильник Вышестеблиевский XXI. Катакомбная культура

Слева: Погребение из могильника Бейсуужек XXXV. Ямная культура

Бронзовые шлем, зеркала; железные наконечник копья и меч, погребения III–I вв. до н.э. из могильников Межкирпильский I и Хутор Кубань

А.Ю. Скаков

Древности горы Джантух в Абхазии

«Чашечный камень», поселение

С 2006 г. совместная экспедиция Института археологии РАН, Абхазского государственного музея и Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа проводит работы в районе пос. Акармара (г. Ткуарчал) в юго-восточной части Республики Абхазия. С 2009 г. исследования ведутся на средства грантов РГНФ (РФФИ) при финансовой поддержке со стороны Правительства Республики Абхазия, выделяющего средства на реставрацию находок (Скаков, 2011; Скаков, Джоуа, 2018).

Основной объект исследований – памятники горы Джантух в ущелье р. Галидзга (Аалдзга). С 1980-х годов здесь известен крупный могильник эпохи поздней бронзы – раннего железа. Памятник существовал с XIII/XII по II в. до н.э., по ряду находок можно предполагать здесь и более ранние погребения первой половины II тыс. до н.э., разрушенные еще в древности. Памятник связывается с локальным вариантом ингури-рионской колхидской культуры, входившей в кобано-колхидскую культурно-историческую общность.

На могильнике изучены погребальные комплексы разной степени сохранности, представляющие собой коллективные кремационные захоронения. Прослежена смена погребального обряда в VIII–VII вв. до н.э., когда кремация «на месте» сменила кремацию «на стороне». При этом неизменным оставался вторичный обряд погребения. Впервые для могильников Колхиды зафиксированы две особенности местного погребального обряда: захоронение под камнями погребально-поминальной вымостки, без сооружения могильной ямы; создание в придонной части погребальных ям своеобразных «тайников» – ям-жертвенников с захоронением значительного количества пережженных предметов вооружения и украшений, перекрываемых затем слоем материковой глины.

На другом отроге горы Джантух исследовался обособленный производственный квартал поселения, синхронного могильнику. Обнаружены

Гора Джантух

*Один из металлургических горнов
в процессе разборки на поселении*

*Золотые изделия (вторая половина V в. до н.э.)
из комплекса 2018 г. Селение Ачандара*

металлургические горны разной степени сохранности, огороженное каменными с внутренней забутовкой стенами помещение, вымостка, столбовые ямы. Особенное внимание привлекают несколько подтесанных блоков с орнаментированной прорезными линиями лицевой частью (аналогии им неизвестны), а также «чашечные камни» (подпрямоугольные камни с чашевидным углублением крупного диаметра). Неожиданной находкой стал обработанный камень в виде звериной головы. Высокий уровень каменной архитектуры отличает исследуемое поселение от синхронных приморских памятников Абхазии.

Из индивидуальных находок необходимо отметить железные топоры, наральник, долото, вток от копья, фрагмент втулки копья, нож, булавку, скобу; фрагментированные бронзовые бляшку, браслет и пуговицу; стеклянную бусину; фрагменты каменных оселков (в том числе, недосверленного), кремневые пластины и отщеп, большое количество (13) пряслиц из камня и глины (в том числе орнаментированных). Уникален тщательно обработанный камень округлой формы диаметром 2,3 см с правильно расположенными точечными углублениями, предположительно, служивший печатью (пинтадером). В большом количестве собраны шлаки – отходы металлопроизводства. Костный материал, за исключением фрагментов кальцинированных костей, в слое поселения не сохраняется.

По керамическому материалу изучаемый участок поселения можно предварительно датировать в рамках IX/VIII–IV/III вв. до н.э. Выделяется два слоя, верхний из них может быть датирован по античному керамическому импорту. Поселение на горе Джантух – первый поселенческий памятник эпохи раннего железа, исследованный в горной части Абхазии. Уникальны для региона и обнаруженные здесь металлургические горны. В ходе работ на горе Джантух открыт ранее неизвестный локальный центр эпохи поздней бронзы – раннего железа, поддерживающий активные связи с соседними регионами, но сохраняющий в течение длительного времени специфику, архаичность и преемственность своей культуры.

В ходе работ экспедиции удалось обработать и ввести в научный оборот сохранившуюся часть разрушенного в 2013 г. «черными археологами» элитного комплекса (предметы поступили в Абхазский государственный музей) второй половины VI – первой половины V в. до н.э. из с. Абгархук Гудаутского района (Скаков и др., 2019). Кроме того, в 2018 г. удалось добиться передачи в Абхазский государственный музей богатейшего «княжеского» («скептухи» Страбона) погребения второй половины V в. до н.э. из с. Ачандара Гудаутского района.

Обтесанный камень в виде головы животного. Поселение

Слева: Бронзовая фибула, железные копья и мечи из ямы «тайника»; бусины из погребений. V–III вв. до н.э.

Скаков А.Ю. Раскопки Джантухского могильника в Абхазии // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2011. № 4 (65). С. 121–132.

Скаков А.Ю., Джошуа А.И. Исследования последних лет на Джантухском могильнике в Абхазии // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1. С. 152–161.

Скаков А.Ю., Джошуа А.И., Хондзия З.Г. Новый комплекс эпохи раннего железа из села Абгархук (Абхазия) // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 2019. С. 76–98.

С.В. Сиротин, Д.С. Богачук

Курганы ранних кочевников в Южном Приуралье

*Бронзовая уздечная бляха.
IV в. до н.э. Курган 2*

В конце V – IV в. до н.э. в степях Южного Приуралья в связи с общим улучшением экологической ситуации, а также перегруппировкой кочевых объединений в регионе, существенно возросло кочевое население, что выразилось в значительном увеличении известных памятников данной эпохи. Особое значение для южноуральских кочевников имел Илекский бассейн (р. Илек – левый приток р. Урал), где складывался один из центров крупных военно-племенных кочевых объединений.

В 2016–2018 гг. Приуральской экспедицией проводились археологические исследования на курганном некрополе «Курганное поле Высокая Могила – Студеникин Мар» (Сиротин и др., 2018). Памятник находится на территории Оренбургской области, в западной части Урало-Илекского междуречья, и представляет собой крупный могильник, в составе которого выделяется несколько курганных групп, насчитывающих более 50 курганов разной величины, включая погребальные сооружения кочевой знати.

В ходе работ на некрополе исследовались как большие, так и малые курганы. Большие курганы представляли собой коллективные усыпальницы, в центре которых располагались обширные могильные ямы с дромосами. При строительстве погребального сооружения вокруг центральных дромосных погребений насыпался круговой валик из материкового суглинка. Могильная яма накрывалась конструкцией, вероятнее всего, «шатрового» типа из радиально уложенных бревен, в результате пожара не сохранившейся на момент исследования.

При вскрытии насыпи курганов в южных полах найдены отдельные скопления костей лошади, которые наряду с находками элементов сбруи символизируют присутствие коня в ритуалах при захоронении, что является характерной чертой погребальной практики южноуральских кочевников.

*Курган 25 в процессе исследования.
Вид с юго-востока*

*Бронзовые котлы в дромосе
центрального погребения. IV в. до н.э.
Курган 5. Вид с севера*

*Подземный ход к центру кургана 2.
Вид с востока*

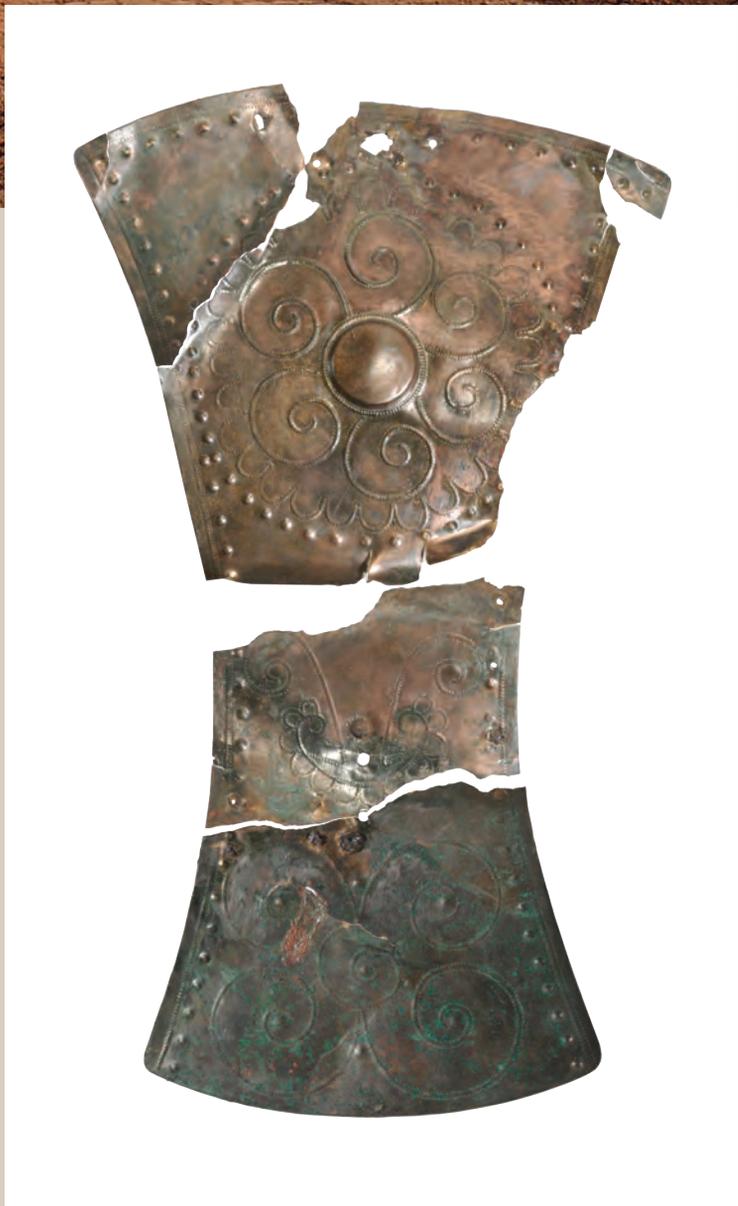

*Бронзовый котел из впускного погребения.
IV в. до н.э. Курган 5*

Золотая ворворка из центрального погребения. IV в. до н.э. Курган 5

Бронзовый налобник. IV в. до н.э. Курган 2

Курган 2 в процессе исследования. Вид с юга

Центральные погребения в больших курганах ко времени их исследования были ограблены. Однако найденные в них вещи свидетельствуют о богатстве и разнообразии инвентаря. В кургане 2 в дромосе был установлен бронзовый котел. В заполнении могильной ямы на разной глубине найдены бронзовые наконечники стрел, бляхи; железный колчаный крючок и ряд других категорий инвентаря. На стенке могильной ямы *in situ* обнаружены два богатых уздечных набора, включающих железные удила, железные и биметаллические псалии, пластинчатые орнаментированные налобники, железные дуговидные нахрапники, украшения узды. Примечательные находки сделаны в кургане 5. В устье дромоса центрального погребения обнаружены три бронзовых котла. В этом же кургане помимо основного захоронения выявлены впускные.

В больших курганах исследованы подземные ходы, устье которых заходило в центральное погребение. Подобные ходы известны в материалах Филипповского могильника в этом же районе Урало-Илекского междуречья, могильника Переволочан I в юго-восточной Башкирии (Сиротин, 2010), в курганах известного Беспатырского могильника в Семиречье и некоторых скифских курганных сооружениях Северного Причерноморья. В кургане 2 около входа в подземный ход найден массивный бронзовый ковш, в котором лежали два уздечных набора: железные удила, псалии; бронзовые орнаментированный пластинчатый налобник, пронизи, бляхи.

В результате проведенных исследований есть основания предварительно предполагать, что большие курганы некрополя хронологически и типологически относятся к памятникам «филипповского» круга. В этих курганах прослеживаются очень близкие параллели в погребальном обряде и инвентаре в комплексах известного могильника Филипповка I. Время сооружения исследованных больших курганов относится к последней трети–концу IV в. до н.э.

Что касается группы малых и средних курганов, расположенных южнее цепочки больших курганных сооружений, как показали исследования 2017–2018 гг., они хронологически не связаны с большими курганами некрополя. Малые и средние курганы, в которых найдены комплексы с характерными признаками позднесарматской культуры, принадлежат кочевникам, которые населяли южноуральские степи во второй половине II – III в. н.э.

Уздечные наборы в центральном погребении. IV в. до н.э. Курган 2

Сиротин С.В. Курган № 11 курганного могильника Переволочан в Зауральской Башкирии // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. М.: Таус, 2010. С. 323–338.

Сиротин С.В., Богачук Д.С., Окороков К.С. Курганный комплекс «Богатырские могилки» № 4 (Оренбургская область, Оренбургский район) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. М.: ИА РАН, 2018. С. 334–339. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 25).

И.В. Рукавишникова

Исследования в Туве

Аржан 5. Начало исследований.
Вид на каменную насыпь

Справа: Стадии исследования
кургана Аржан 5

Центральное погребение лошадей

Тувинской экспедицией в 2015–2016 гг. велись исследования кургана Аржан 5, который находился в 2,5 км к северо-востоку от кургана Аржан 1 (самый большой в Саяно-Алтае курган раскопан в 1971–1974 гг. экспедицией под руководством М.Х. Маннай-оола и М.П. Грязнова) в долине р. Уюк, вблизи современного пос. Аржан (о начале изучения и датировке памятника см. Рукавишникова, Гладченков, 2016; Рукавишникова, Рукавишников, 2017). Так, в процессе раскопок удалось установить, что сооружение имело каменную ограду-крепиду диаметром 48 м в виде стены с горизонтальной кладкой и примыкающей к ней стены из многорядных вертикальных плит. Под каменной насыпью находилась деревянная конструкция, состоящая из клетей (сооружения из бревен и плах в два-три венца), радиально расположенных и выложенных на выбранной и углубленной поверхности внутри обводной стены. В центре, разрушенном грабительской воронкой, находились подпрямоугольные погребальные сооружения на глиняных фундаментах. Расчищены и исследованы конструкция разрушенной насыпи в южном и западном секторах кургана и центральное погребение. При исследовании погребения в центре была выявлена каменная конструкция, подпрямоугольная в плане, ориентированная углами по сторонам света. Данное сооружение было сильно разрушено в древности, его перекрытие не сохранилось. В процессе исследования обнаружены фрагменты костей погребенного человека и лошадей в беспорядке.

Найдены останки как минимум пяти лошадей в северо-западном и северо-восточном секторах центральной конструкции. Три головы лошадей оказались под обрушившейся деревянной конструкцией, частично сохранились остатки узды *in situ*, а также впускное погребение эпохи хунну.

Из вещевого комплекса, помимо керамики и орудий, зафиксированных в ограде и грабительской воронке, в центральных погребениях найдены предметы узды: удила, подвески, бляшки, пронизи, пряжки, наконечник

Впускное погребение, период хунну

Уздечные детали из бронзы в виде свернувшейся пантеры и голов кабанов

плети и наконечник стрелы. Среди них две бляхи в виде свернувшейся пантеры и четыре пронизи в виде противопоставленных голов кабанов. Восемь пронизей со щитком были украшены трехрядным жемчужным орнаментом, восемь пронизей – простые биконические колечки. Вместе с бронзовыми деталями узды найдены и подвески из клыков кабана, обломки роговых предметов и костяная круглая накладка с отверстием.

Таким образом, экспедиции удалось установить, что разрушенный каменный курган был близок комплексу кургана Аржан 1, так как имел схожую архитектуру с деревянными конструкциями и каменной крепидой. Радиоуглеродный анализ проб дерева из подкурганных конструкций комплекса Аржан 5, выполненный в лаборатории Института истории материальной культуры (ИИМК) РАН (Санкт-Петербург), показал дату конец IX – VIII в. до н.э.

На сегодняшний момент получена серия дат из деревянных конструкций погребения 1 и клеток юго-западного сектора (Лаборатория ИИМК, указаны интервалы наибольших вероятностей). Из клеток: (910–740 BC); из центральных конструкций: дерево из нижней части центральной конструкции (1350–500 BC), дерево из верхней части центральной конструкции (910–740 BC), из центра (850–720 BC, 800–350 BC); край центральной конструкции (800–410 BC, 1350–500 BC). Эта выборка не опровергает ранее полученные данные, относящиеся к интервалу конец IX – VIII в. до н.э. (Рукавишникова, Гладченков, 2016).

Самое яркая художественная находка из Аржана 5 – две уздечные бляшки, украшенные фигурой свернувшейся пантеры, изображенной в профиль. Возможно, эти украшения были налобниками или симметричными уздечными бляхами. Бляхи с пантерой соответствуют известной бляхе со свернувшейся пантерой из Аржана 1. Этот образ занимает первое и центральное место в ряду подобных, относящихся к раннескифскому времени и известных от Средней Азии до Саяно-Алтая, а также в Зауралье.

В итоге по результатам анализа комплекса Аржан 5, в том числе и естественнонаучными методами, можно заключить, что памятник, расположенный поблизости от кургана Аржан 1, содержащий подобный ему комплекс, синхронен знаменитому кургану и представляет с ним единый культурно-хронологический горизонт. Исследование комплекса Аржан 5 на современном уровне поможет пролить свет на происхождение уникального Аржана 1, ключевого для истории ранних кочевников памятника. Таким образом, материал, полученный в результате работ Тувинской экспедиции, чрезвычайно важен для понимания проблемы преемственности или слома традиций в переходный период от позднебронзового к раннему железному веку в регионе.

Голова лошади и пронизи из кости и бронзы in situ

Бронзовые удила in situ

Рукавишникова И.В., Гладченков А.А. Исследования Аржана 5 в Турано-Уюкской котловине // КСИА. 2016. Вып. 243. С. 49–58.

Рукавишникова И.В., Рукавишников Д.В. Погребально-поминальный комплекс Аржан 5 (Республика Тыва, Пийхемский район) // Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016 г. М.: ИА РАН, 2017. С. 168–174. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 19).

Р.А. Мимоход, П.С. Успенский

Курганные могильники на Нижнем Дону

*Золотые серьги из тайника
в могильной яме. I в. н.э. Чеботарев V*

*Справа: Комплекс предметов парадной
конской упряжи in situ. I в. н.э.
Чеботарев V*

*Золотой флакон, украшенный зернью
и каменной вставкой; ручка бронзового
ковша, украшенная растительным
орнаментом с изображением
Медузы-Горгоны; серебряный кубок
с зооморфной ручкой из тайника
в могильной яме. I в. н.э. Чеботарев V*

В 2015 г. Сочинская экспедиция Института археологии РАН проводила охранно-спасательные исследования на территории строящегося аэропортового комплекса «Южный» (Платов) в Аксайском районе Ростовской области. Исследованные курганные могильники располагались на правобережье Дона, вблизи его небольшого притока р. Тузлов. В ходе работы экспедиции изучено шесть курганных могильников: Чеботарев III, IV, V, Несветаи II и Камышевахский X.

В результате раскопано 29 курганов, в которых исследовано 32 погребальных комплекса, относящихся к разным историческим периодам. Наиболее древние из всех обнаруженных погребений – захоронения в курганах некрополя Чеботарев III. Они относятся к финалу средней – началу поздней бронзы.

Большая часть (19) раскопанных погребальных комплексов датируется I в. н.э., они связаны с носителями среднесарматской археологической культуры. К сожалению, многие из них были ограблены еще в древности. Из всех среднесарматских комплексов выделяется обнаруженное в кургане 1 могильника Чеботарев V нетронутое грабителями богатое погребение. Могильная яма прямоугольной в плане формы располагалась в центральной части кургана, ее глубина от древней поверхности составила более 4 м, в центральной части ямы были сделаны заплечики, на которых располагалось деревянное перекрытие могилы. У края могильной ямы, на древней поверхности, расчищен комплекс предметов, включавший в себя принадлежности конской упряжи и более 100 железных наконечников стрел. Среди конской упряжи следует отметить находки серебряных фаларов, ременных разделителей с деталями, выполненными в технике перегородчатой эмали.

На дне ямы расчищен скелет пожилой женщины, сопровождавший ее богатым инвентарем. У черепа умершей находились золотые серьги с

*«Диагональное» погребение
среднесарматской культуры. I в. н.э.
Несветай II*

*Лепной сосуд из погребения срубной культуры.
Начало II тыс. до н.э. Чеботарев III*

цепочками-привесками, у левого плеча лежало бронзовое зеркало. Ворот одежды был украшен штампованными золотыми бляхами из золотого листа в виде стилизованной головы барана. Рукава платья расшиты разноцветным бисером в сочетании с золотыми треугольными рифлеными и полусферическими бляшками. На каждой руке находился золотой браслет. На груди погребенной располагались разнообразные бусы, у таза погребенной лежал золотой флакон. У правой руки выявлены фрагменты деревянного блюда, рядом с которым стояла глиняная кружка. В ногах погребенной располагались фрагменты бронзового ковша с изображением медузы-горгоны.

В западной стенке могильной ямы был сделан небольшой тайник, в котором обнаружены разнообразные железные предметы: ножи, мотыжки, металлический жезл с волотовидным навершием, а также серебряный сосуд с зооморфной ручкой и фрагменты двух фибул.

Интересная находка из этого захоронения – каменная сердоликовая печать, некогда принадлежала Элиашибу, сыну Эшияху, коменданту небольшой крепости Арад в Иудее, конца VII – начала VI в. до н.э. Печать датируется по палеографическим данным 597/596 г. до н.э. Таким образом, данная печать «старше» исследованного погребения более чем на шесть столетий и попала к кочевникам-сарматам в результате торговых контактов (Балахванцев и др., 2017).

По совокупности обнаруженного в захоронении инвентаря оно датируется началом–серединой I в. н.э. и может быть связано с представительницей сарматской элиты.

Два погребения принадлежали средневековым кочевникам в сопровождении склетов лошадей. Они были впускными в сарматские курганы, датированы XII–XIV вв.

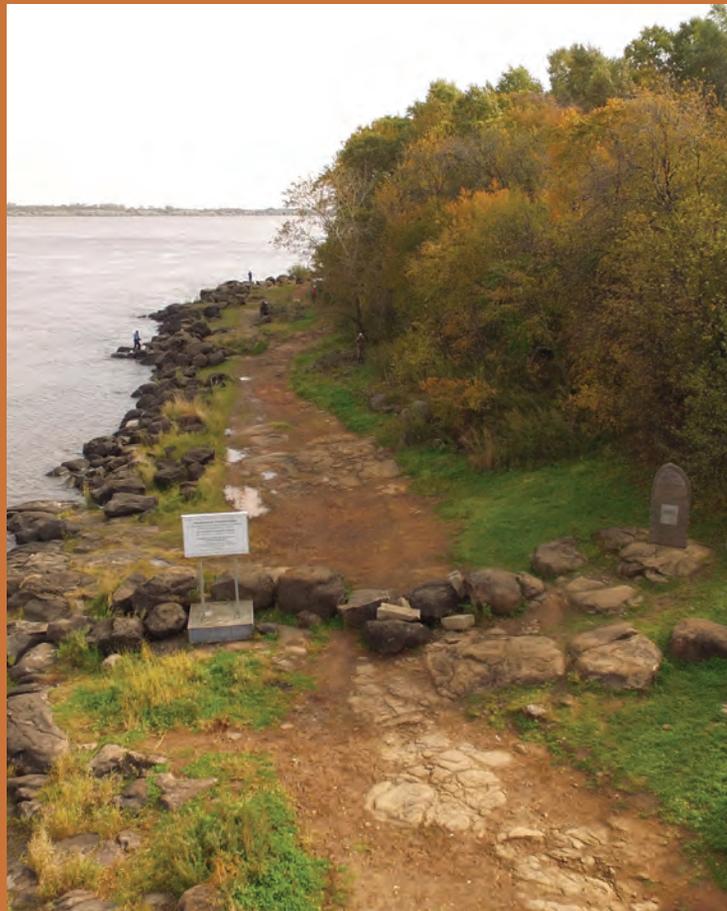
Средневековое кочевническое погребение. Верхний ярус – погребение лошади. XII–XIV вв., Чеботарев V

Сердоликовая печать Элиашиба и ее оттиск. 597/596 гг. до н.э. Чеботарев V погребение 1

Балахванцев А.С., Мимоход Р.А., Успенский П.С. Древнееврейская печать из сарматского погребения на Нижнем Дону // РА. 2017. № 4. С. 123–127.

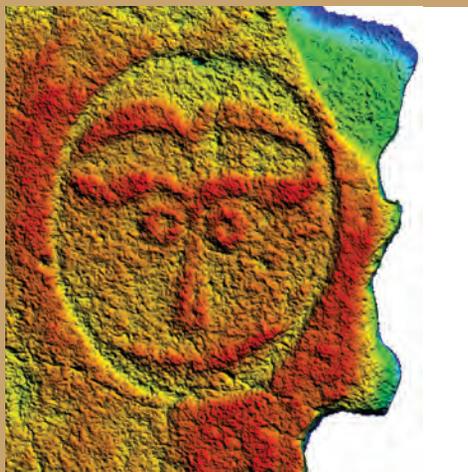

Изучение первобытного искусства

Е.Г. Дэвлет, Е.С. Леванова, А.Р. Ласкин

Амуро-Уссурийская провинция наскального искусства

Кия, документирование антропоморфного изображения – результат визуализации поверхности математическим алгоритмом. Е.В. Романенко

Справа: Сикачи-Алян, пункт 1. Съемка с БПЛА

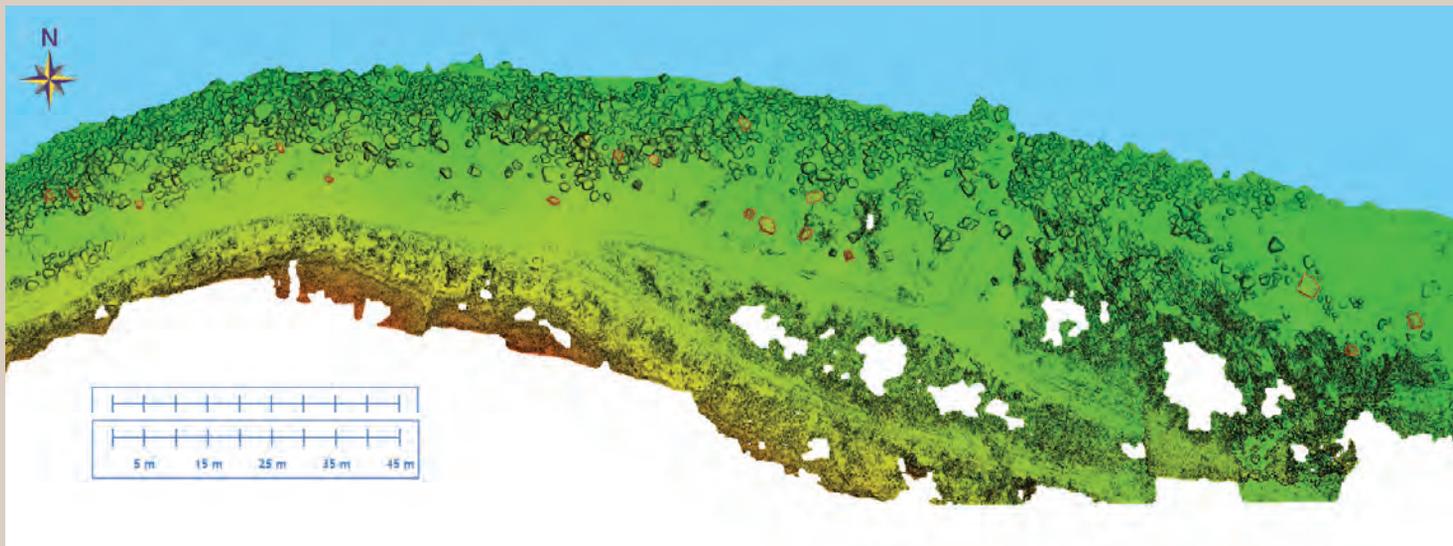
Кия, антропоморфное изображение. Общий вид плоскости

Петроглифический отряд под руководством д.и.н. Е.Г. Дэвлет проводил работы по документированию и мониторингу сохранности петроглифов в нижнем течении р. Амур (Сикачи-Алян), Уссури (Шереметьево) и Кия (Кия). Петроглифы выполнены на отдельно лежащих валунах (Сикачи-Алян, пункты 1–6, Шереметьево) и вертикальных скальных выходах (Сикачи-Алян, Шереметьево, Кия), датированы широким временным диапазоном, от эпохи камня до средневековья.

Местонахождение Сикачи-Алян – особо ценный российский памятник наскального искусства под открытым небом, в 2003 г. включенный в предварительный список культурного наследия ЮНЕСКО. Репертуар петроглифов Сикачи-Алян различен по стилистике и технике выполнения. Своего рода «визитной карточкой» памятника, как и местонахождений Шереметьево и Кия, являются личины-маски; именно преобладание этого мотива петроглифов придает особое своеобразие местной изобразительной традиции.

Самый значительный этап в документировании и изучении петроглифов региона связан с именем академика А.П. Окладникова, экспедиция под руководством которого в 1950–1970-е годы провела обширную результативную работу по выявлению и копированию изображений, ставших всемирно известными. С 2000-х годов сотрудники Института археологии РАН участвуют в работах по изучению и сохранению петроглифов Амура и Уссури, подверженных интенсивному природному, а в последние годы и усилившемуся антропогенному воздействию. В ходе совместных исследований Хабаровского краевого центра охраны памятников, Центра палеоискусства ИА РАН и Лаборатории RSSDA в 2015–2018 гг. последовательный систематический мониторинг дополнен новыми технологиями, подходами и методами выявления и изучения наскального искусства. Это

*Цифровая модель поверхности поймы
р. Амур, памятник Сикачи-Алян, пункт 1*

*Новые петроглифы Шереметьево.
Общий вид плоскости*

*Шереметьево – визуализация поверхности
модели математическим алгоритмом,
Е.В. Романенко. Документирование
и моделирование: А.С. Пешков,
Е.С. Конакова, Д.Ю. Анисимова,
Н.Н. Чекунова, Лаборатория RSSDA*

использование средств геоинформационных систем, спутниковой геодезии, аэрофотосъемки с беспилотных летательных аппаратов, лазерного сканирования, фотограмметрического моделирования (Ласкин и др., 2018).

Цель работ по съемке береговой линии Сикачи-Алян (пункты 1 и 2) – фиксация положения и взаиморасположения камней для создания точного плана пунктов. Составление таких планов необходимо для проведения сравнительного анализа современного местоположения камней с петроглифами со схемами 1950-х годов, выполненными А.П. Окладниковым. Установлено, что за 55 лет в пунктах 1 и 2 Сикачи-Алян более 25 камней с изображениями оказались перевернутыми или перемещенными на расстояние от 0,2 до 55 м.

Съемка с БПЛА позволила зафиксировать ландшафтный контекст памятников. Этот вид работ был необходим для точной топографической привязки каждого валуна с петроглифами и проверки, какие из камней были смещены за прошедшие периоды ледохода и паводка на Амуре. В дальнейшем необходим ежегодный мониторинг для анализа динамики движения валунов и разрушения скальных поверхностей.

В 2017 г. впервые на памятниках наскального искусства Дальневосточного региона использовано лазерное сканирование. Этот метод документирования с построением цифровой модели рельефа применялся для решения двух задач: картирования вертикальных поверхностей с петроглифами и мониторинга перемещения камней на контрольных участках поймы р. Амур.

В рамках исследований 2015–2018 гг. на всех памятниках выявлен ряд новых петроглифов и обнаружены те изображения, которые не наблюдались со времен работы экспедиций Окладникова. В период с 2003 по 2018 г. на пунктах местонахождения Сикачи-Алян зафиксировано и документировано 17 новых камней с петроглифами, а также некоторые ранее не обнаруженные фигуры в границах уже известных местонахождений. Из 13 петроглифов памятника Кия, выполненных пикетажем и краской и обнаруженных в 1968 г. экспедицией А.П. Окладникова, в настоящее время доступны 12 (до 2017 г. было известно 9 (Дэвлет, Ласкин, 2017)).

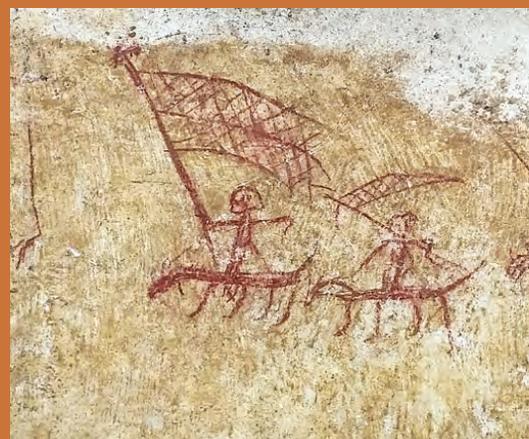
Наиболее значимые петроглифы отсняты с высокой плотностью кадров, в результате получены модели с детализацией, достаточной для выявления контуров выбивки и последующей цифровой прорисовки по ним. На многих ранее известных валунах и скальных поверхностях, зафиксированных таким способом, удалось обнаружить новые изображения и уточнить известные ранее.

Дэвлет Е.Г., Ласкин А.Р. Петроглифы на р. Кия в Хабаровском крае // КСИА. 2017. Вып. 249. Ч. 1. С. 167–172.

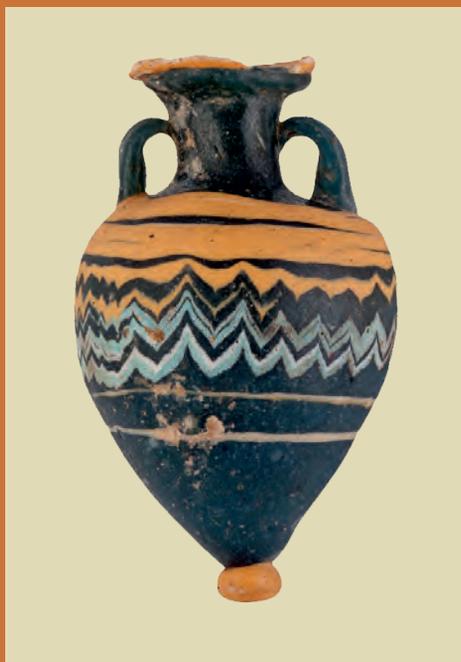
Ласкин А.Р., Дэвлет Е.Г., Гринько А.Е., Свойский Ю.М., Романенко Е.В. Новые результаты документирования петроглифов и моделирования сакральных ландшафтов памятников наскального искусства Дальнего Востока // Проблемы истории, филологии, культуры. 2018. № 2 (60). С. 244–255.

*Екатерина Георгиевна Дэвлет (1965–2018)
на памятнике Шереметьево.
Фото И.Ю. Георгиевского*

Античные памятники

В.Д. Кузнецов, А.А. Завойкин

Новейшие исследования в Фанагории

*Монета бронзовая. Боспор, Л.с.
Бюст Митридата III, ΒΑΣΙΛΕΥΣ
ΜΙΘΡΑΤΑΤΟΥ 39/40–45/46 гг. н.э.*

В 2015–2018 гг. комплексные исследования Фанагории – одного из крупнейших в России античных памятников – продолжались на городище, некрополе и в акватории Таманского залива, в затопленной части древнего города. Раскопки на городище ведутся в двух местах центральной его части: на верхнем плато, на территории исторического ядра Фанагории (со временем ставшего акрополем), и на нижнем, прибрежном плато.

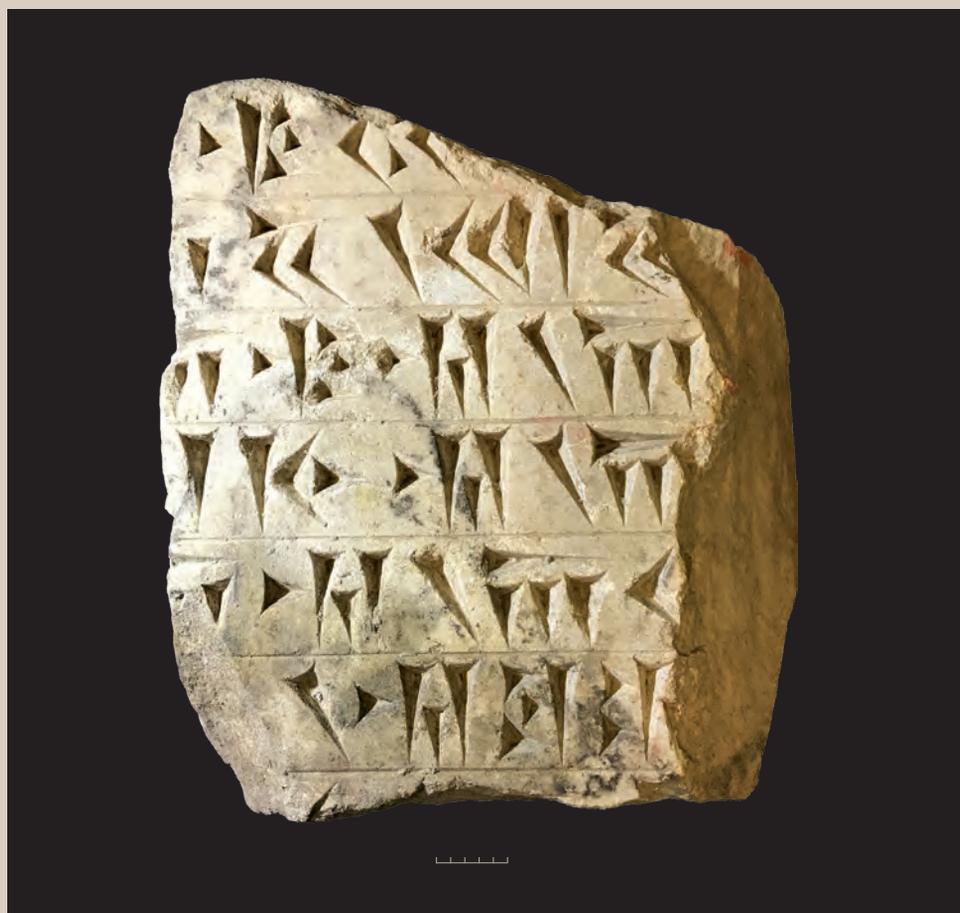
На раскопе «Верхний город» велись работы по исследованию слоев архаического и раннеклассического времени (общая площадь более 3000 м²). Здесь сделано несколько важных научных открытий. В их числе – раскопки оборонительных сооружений, построенных вдоль самого склона плато еще в третьей четверти VI в. до н.э. Городские укрепления представляют собой ряд примыкающих друг к другу помещений, толщина стен которых равна 1,1 м (Кузнецов, 2018а. С. 122, 123. Рис. 4). Они погибли в сильном пожаре, который археологически датируется рубежом первой и второй четвертей V в. до н.э. К числу уникальных и исключительно важных по своей исторической значимости относится находка клинописной древнеперсидской надписи царя Ксеркса, сына Дария I. Она была найдена в доме, построенном на развалинах крепостных стен. Надпись может быть сопоставлена с приходом к власти на Киммерийском Боспоре династии Археанактидов в 480/479 г. до н.э., о чем известно из сообщения Диодора Сицилийского (Кузнецов, 2018б. С. 154–180).

Интересны открытые комплексы, проливающие свет на религиозно-культурную жизнь фанагорийцев в первые века их истории. Это два небольших храма в антах, располагавшихся на одном месте, друг над другом, во второй половине V и в IV в. до н.э. (Завойкин,

*Раскоп «Нижний город».
Вид с юго-запада*

*Древнеперсидская надпись
с упоминанием Дария I*

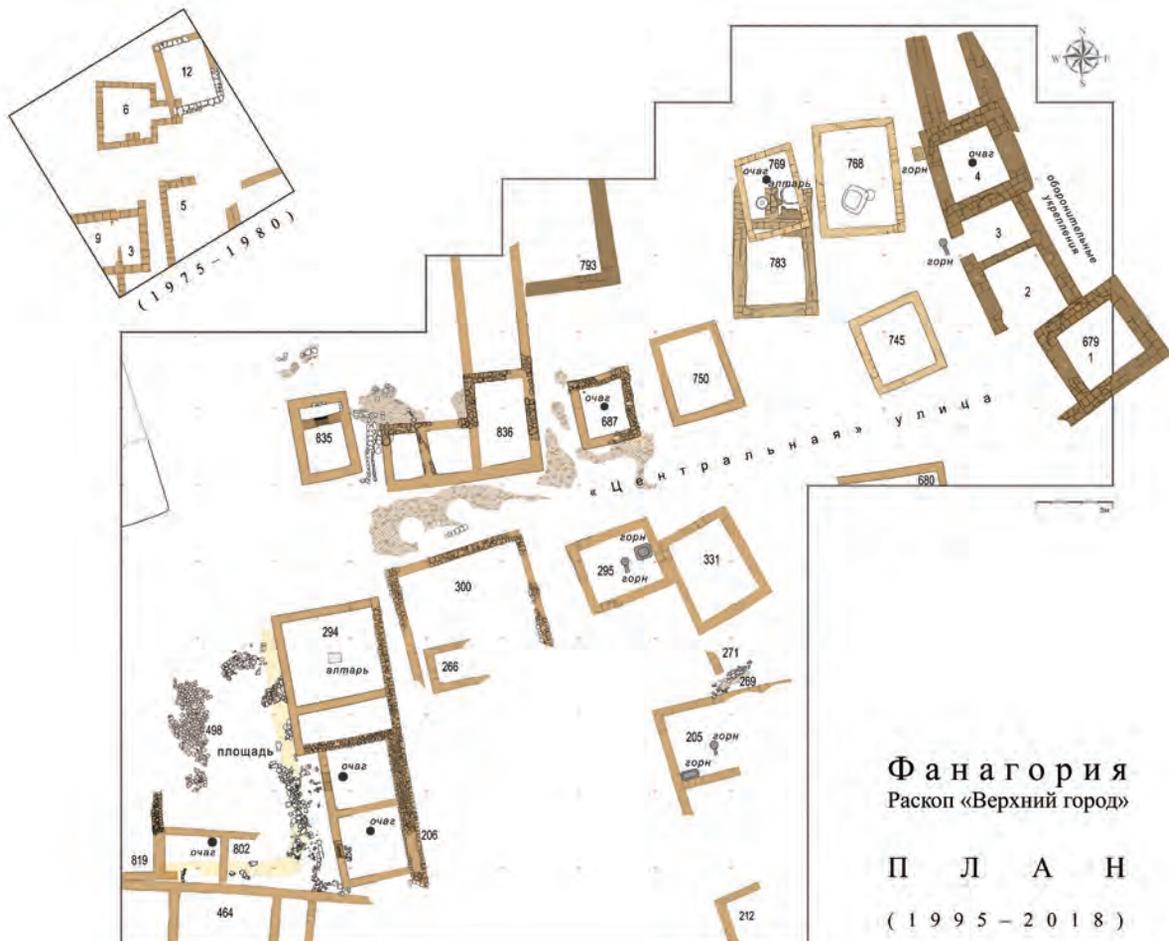

Заглубленный культовый комплекс с алтарем из сырцового кирпича и ямой-ботром, вторая половина VI в. до н.э. Вид с северо-востока

Ионийская ритуальная чаша на алтаре (под зданием конца VI – начала V в. до н.э.). Вид с северо-востока

Справа: Подвальная часть культовой постройки, сгоревшей в пожаре в середине V в. до н.э. Вид с юга

Раскоп «Верхний город». Общий план строительных остатков VI – первой половины V в. до н.э.

2018. С. 130). В высшей степени любопытно и открытие двух необычных культовых комплексов, представляющих собой заглубленные в материковый песок помещения. В одном из них обнаружен алтарь, сооруженный из сырцовых кирпичей, на котором стояла большая культовая чаша. Рядом с ним находилась яма-ботрос, в которую сливалась кровь животных, приносимых в жертву хтоническим божествам. Другое «подвальное» помещение предшествовало наземным храмам в антах, сооруженным в V в. до н.э. Оно было заполнено обломками амфор, посуды, терракотовой статуэтки и др. Оба подземных комплекса, построенных в VI в. до н.э., погибли в результате сильного пожара: первый, по всей видимости, в 480 г. до н.э., а второй – в середине V в. до н.э.

На «Нижнем городе» исследовались слои раннесредневекового времени (общая площадь 2000 м²). Здесь открыты кварталы города VIII–IX вв. Жилые дома указанного времени были построены из камня, внутренние стены-перегородки – из сырцового кирпича. В большинстве случаев в домах было две комнаты и входное помещение, которое можно условно назвать «вестибюлем». Практически при каждом доме имелся крытый навесом двор, в котором протекала значительная часть жизни семьи. Наряду с этими относительно скромными домами зафиксированы и такие, в которых было четыре и даже шесть комнат. О довольно высоком уровне благоустройства города говорит не только регулярная планировка, видимо, унаследованная от предыдущих эпох, но и наличие колодцев и водостоков. Найденные среди позднейших развалин города незахороненные человеческие останки позволяют прийти к выводу о катастрофических военных событиях, приведших к гибели древнего города (Добровольская, Свиркина, 2018. С. 86).

Подводный отряд экспедиции продолжил дистанционные обследования и раскопки в акватории Фанагории. В результате масштабной гидромагнитной съемки была составлена детальная магнитная карта прибрежной акватории на площади более 10 га. На ней удалось локализовать северную границу затопленной части города и предполагаемые портовые сооружения. В результате гидроакустического обследования в донных отложениях выявлены сотни погребенных объектов, подлежащих изучению и идентификации. Раскопки участка дна в 80 м от берега показали, что во II в. до н.э. именно здесь располагался урез воды, где аккумулировались сотни предметов, относящихся к морской торговле и судовому инвентарю.

Пешая гидромагнитная съемка затопленной прибрежной террасы

Владельческое граффито на поддоне килика. Третья четверть VI в. до н.э.

Слева: Килик, Аттика. Последняя треть VI в. до н.э.

Фундаменты зданий VIII–IX вв. Вид с запада

Добровольская М.В., Свиркина Н.Г. Антропологические материалы хазарского времени из Фанагории // *Материалы по археологии и истории Фанагории*. Вып. 3 М.: ИА РАН, 2018. С. 77–87. (Фанагория. Результаты археологических исследований (далее – Фанагория). Т. 6).

Завойкин А.А. Общественное здание IV в. до н.э. на акрополе Фанагории // *Материалы по археологии и истории Фанагории*. Вып. 3 М.: ИА РАН, 2018. С. 101–141. (Фанагория. Т. 6).

Кузнецов В.Д. Домостроительство Северного Понта (эпоха архаики) // *Материалы по археологии и истории Фанагории*. Вып. 4 М.: ИА РАН, 2018а. С. 117–135. (Фанагория. Т. 7).

Кузнецов В.Д. Древнеперсидская надпись из Фанагории // *Материалы по археологии и истории Фанагории*. Вып. 3 М.: ИА РАН, 2018б. С. 154–185. (Фанагория. Т. 6).

А.Н. Ворошилов, О.М. Ворошилова

Некрополь столицы Азиатского Боспора

*Стеклянный балзамарий
с древней жидкостью. II в. н.э.*

*Справа: Фанагория. Каменный
эллинистический склеп.
III в. до н.э.*

*Погребение в каменном ящике.
II в. до н.э.*

Фанагория была второй столицей Боспорского царства и самым крупным городом в его «азиатской части». Ее лидирующую позицию подчеркивает находившееся здесь знаменитое во всем греческом мире святилище Афродиты Апатуры Небесной, о котором известно со слов Страбона (Strabo. 11.2.10). До сих пор ученым не удается обнаружить Апатур – святилище на берегу моря в непосредственной близости от города. Наиболее вероятным местом его расположения является территория западнее города (Кузнецов, 2013. С. 323–327), поэтому открытие именно здесь монументального склепа представляет особый интерес. Каменный эллинистический склеп, исследованный Некропольским отрядом Фанагорийской экспедиции на Западном некрополе, – первая современная находка хорошо сохранившейся гробницы с полуцилиндрическим сводом на Таманском полуострове.

Склеп был сооружен в III в. до н.э. в насыпи более древнего кургана и состоял из двух подземных помещений: просторной погребальной камеры и небольшой комнаты перед ней. Его стены были увенчаны карнизом, который не только подчеркивал совершенство античной погребальной архитектуры, но и служил опорой массивному каменному своду и кургану над ним. Благодаря хорошей сохранности каменной конструкции удалось реконструировать высоту помещения, которая составляла без малого 2,5 м. Склеп был выстроен в высшей степени профессионально. Особенности архитектуры гробницы позволяют предположить, что склеп был предназначен для установки четырех саркофагов в два яруса. В древней гробнице обнаружены останки не менее 10 человек. Находки представлены предметами эллинистического и римского времени. Использовался склеп на протяжении 500 лет.

Не вызывает сомнений, что на некотором удалении от Фанагории исследователям ее некрополя удалось найти усыпальницу представите-

Захоронение коня римского времени

*Элементы погребального
ременного гарнитура
позднеантичной эпохи*

лей элиты города, возможно, его жреческого сословия. Вполне вероятно, что находка престижной гробницы на берегу моря в непосредственной близости от границ поселения, расположенного к западу от Фанагории, косвенно подтверждает гипотезу о расположении здесь всемирно известного святилища Афродиты.

К новым значимым открытиям, сделанным в некрополе Фанагории, можно отнести захоронения, совершенные в каменных ящиках. Как правило, подобные погребальные сооружения попадают в руки археолога уже ограбленными и разрушенными в древности. Находка сразу нескольких таких гробниц в нетронутом состоянии – крайне редкое явление. Эти погребения принадлежали нерядовым горожанам эллинистической Фанагории.

Масса интересных находок происходит из грунтовых склепов римской эпохи (Ворошилова, 2018. С. 58–75). Один из них, совсем недавно открытый на Восточном некрополе, имел уникальные для Фанагории конструкцию и содержание. Непосредственно у его входа, в углу камеры стоял большой кувшин, выполнявший функции погребальной урны с останками кремированного человека. Горло сосуда герметично запечатали гипсом. Вся погребальная камера была заставлена деревянными, пышно оформленными саркофагами. Крайне интересна находка в одном из саркофагов крупного стеклянного бальзамария, заполненного древней жидкостью. Он находился у головы мужчины – всадника и сохранился в том виде, в котором был установлен при совершении погребальной церемонии 2 тыс. лет назад. Склеп принадлежал богатым и знатым горожанам, инвентарь его захоронений – свидетельство высокого статуса погребенных в нем людей.

Проявлением столичной воинской культуры римского времени, зафиксированным новейшими исследованиями Фанагорийской экспедиции, стали захоронения боевых коней, совершенные вдоль древней дороги на Восточном некрополе.

Воинские традиции не потеряли своего значения у жителей Фанагории и в позднеантичную эпоху. Яркое свидетельство тому – новая находка погребального ремennого гарнитура (Ворошилов, Ворошилова, 2018). Происхождение элементов портупей из захоронения мальчика подчеркивает глубину проникновения всаднической культуры в городскую культуру столицы Азиатского Боспора.

Погребальная урна в римском склепе

Бальзамарий в саркофаге с захоронением всадника

Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М. Позднеантичное захоронение с погребальным ремennым гарнитуром из Фанагории // Проблемы истории, филологии, культуры. 2018. № 3 (61). С. 125–142.

Ворошилова О.М. О склепах Фанагории I–V вв. н.э. // Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 4. М.: ИА РАН, 2018. С. 56–76. (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 7).

Кузнецов В.Д. Апатур // Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 1 М.: ИА РАН, 2013. С. 314–329. (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 1).

Р.А. Мимоход, Н.И. Сударев, П.С. Успенский

Некрополь Волна 1 на Таманском полуострове

Амфориск из финикийского стекла

*Справа: Рабочие моменты.
Курган с каменной крепидой*

В 2016–2018 гг. Сочинская экспедиция Института археологии РАН проводила спасательные археологические раскопки некрополя Волна 1 (Мимоход и др., 2017, 2018). Северная часть могильника полностью исследована, установлены северо-западная, северная и северо-восточная границы памятника. Общая площадь раскопа составила 48 450 м². Вскрыто 564 погребения и 295 комплексов, датированные в пределах VI–IV вв. до н.э.

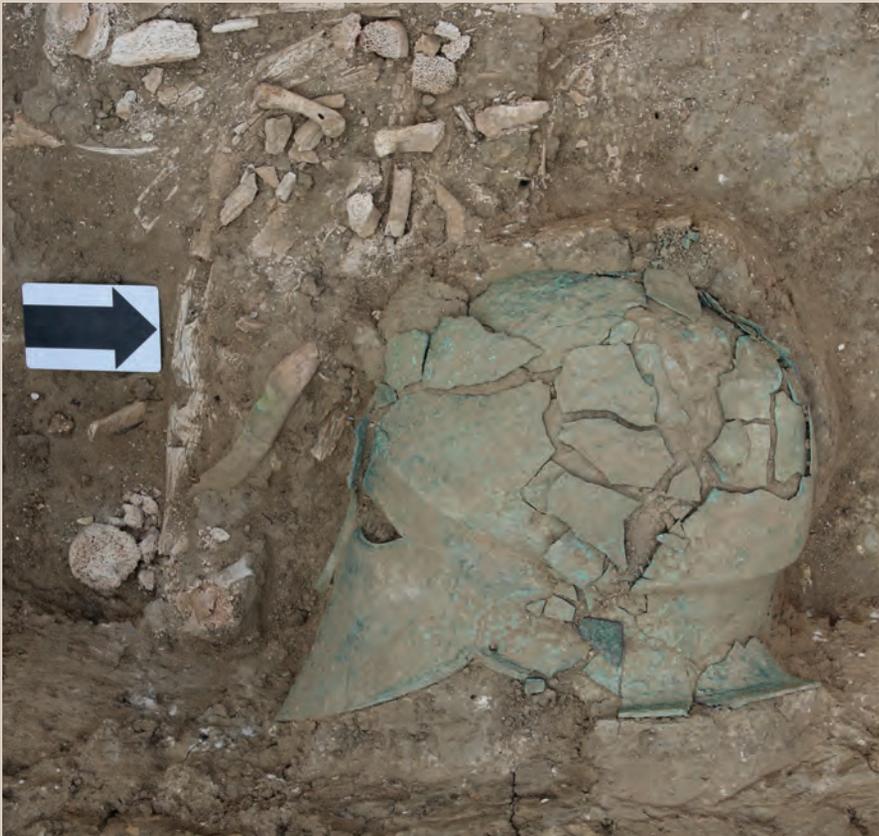
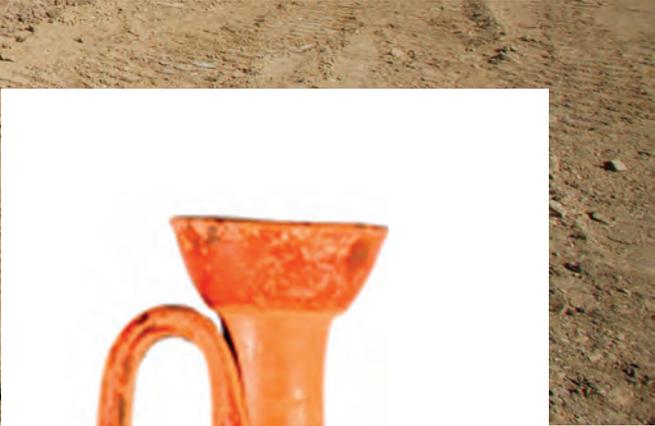
Захоронения были совершены в ямах, грунтовых склепах, сырцово-грунтовых и каменных ящиках и амфорах (младенцы). На территории некрополя также обнаружены остатки двух курганов с каменными крепидами. Коллекция вещей, полученная в ходе раскопок, представлена керамической посудой, в том числе производства центров Древней Греции, и финикийским стеклом, оружием, монетами, украшениями и другими категориями инвентаря.

Особое внимание привлекли погребения, уникальные не только для Северного Причерноморья – территории колонизации, но и всего древнегреческого мира. В погребении 180 обнаружен скелет, на ноге которого находился бронзовый протез (культя). Деревянная пробка снизу крепилась через специальные отверстия бронзовыми или деревянными шпеньками.

В погребении 166 мужчина был уложен на полностью сохранившийся железный пластинчатый доспех, который в древности защищал все тело воина. Это вторая находка на Боспоре, первая связана с некрополем Фанагории.

В погребении 610 обнаружены остатки музыкального инструмента. Костяной струнодержатель, порожек, который поднимал струны над декой, и костяной плектр (медиатор). Деревянные части инструмента не сохранились, но с уверенностью можно утверждать, что перед нами остатки именно кифары. Дело в том, что эти детали находились в воинском захоронении, а

в древнегреческой культуре кифара была исключительно атрибутом мужской музыкальной культуры.

В погребении 602 найден коринфский бронзовый шлем. Он относится к типу «Гермиона». Основной их ареал – Древняя Греция; на территории Боспора и греческих городов Северного Причерноморья это единственная находка.

Без сомнения, самой знаковой находкой оказались остатки арфы-тригона, обнаруженные в грунтовом семейном склепе (погр. 631). Основа арфы выполнена из дерева и кожи и не сохранилась, зафиксированы костяная позолоченная накладка и бронзовые колки для натягивания струн. В древности инструмент был сломан напополам и положен в могилу. Находка арфы в погребении уникальна не только для территории Боспора и Северного Причерноморья, но и для всего греческого мира. До настоящего времени нам были известны одна частично сохранившаяся древнегреческая арфа из некрополя Пирея (Афины) и колки от арфы из некрополя города Тарант, расположенного на территории Великой Греции в Южной Италии. Причем, изделие, найденное на Таманском полуострове, уникально не только по степени сохранности, но и количеством колков. Их не менее 30, а это означает, что найден самый многострунный древнегреческий музыкальный инструмент.

Таким образом, учитывая статусность находок, можно с уверенностью утверждать, что могильник Волна 1, который был связан с одноименным поселением на Тамани, являлся городским некрополем.

Мимоход Р.А., Сударев Н.И., Успенский П.С. Новый «городской» некрополь архаического и классического времени на Таманском полуострове (предварительная информация) // Древности Боспора. Т. 21. М.: ИА РАН, 2017. С. 295–310.

Мимоход Р.А., Сударев Н.И., Успенский П.С. Некрополь Волна-1 (2017 г.) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. М.: ИА РАН, 2018. С. 220–231. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 25).

Погребение с арфой-тригоном. 340–320 гг. до н.э.

Погребение с остатками кифары

Слева: Железный меч с бронзовым навершием

Серебряный диобол. Пантикапей. 460–450 гг. до н.э.

Погребение с коринфским бронзовым шлемом

Чернофигурный лекиф с изображением Ахилла, Афины и воинов. Аттика. 500–490 гг. до н.э.

С.Ю. Внуков, О.В. Шаров

Крым – Таврида

*Пелика краснофигурная
из погребения 1 в каменном ящике*

Крымская новостроечная археологическая экспедиция в 2016–2018 гг. вела полевые исследования на строящихся объектах трассы «Таврида» (Керчь – Симферополь – Севастополь) и на подъездных путях к Крымскому мосту. Протяженность фронта действия экспедиции – чуть менее 300 км, исследовано более 90 памятников различных эпох, общая вскрытая раскопками площадь – более 90 га. Археологические работы такого масштаба проводились в Крыму впервые. Изученные памятники относятся ко всем эпохам истории Крыма – от палеолита до начала XX в.

Ниже представлены пять наиболее ярких и интересных в научном плане памятников, относящихся к разным эпохам. Три из них античного времени: курган Госпитальный и поселение Манитра на Керченском полуострове, могильник Фронтное 3 в городском округе Севастополя. Не менее уникально, но уже для средневековья, поселение Жемчужина вблизи Солхата (Старого Крыма), столицы Золотой Орды. Последний из объектов – военно-полевой лагерь «Крымские бараки» – относится к Новому времени и расположен также в городском округе Севастополя.

Проведенные исследования (см. Города, селища, могильники..., 2018; Крым – Таврида..., 2019) позволили сделать своеобразный археологический разрез через весь Крым с востока на запад, а также уточнить и пересмотреть существующие представления об историческом развитии Крымского полуострова вплоть до начала XX в.

Курган боспорской элиты Госпитальный в Керчи

Курган Госпитальный в юго-восточной части Керчи назван по расположенному вблизи бывшему госпиталю. Госпитальный – самый большой в цепочке курганов Юз-Оба, высота насыпи – 7,5 м, диаметр – около 90 м. Он имеет сложную конструкцию: насыпь формировалась в несколько периодов, связанных с разными погребальными сооружениями.

Курган Госпитальный. Вид с запада

*Каменный склеп «дромос» и погребения
в каменных ящиках 1, 2. Вид сверху*

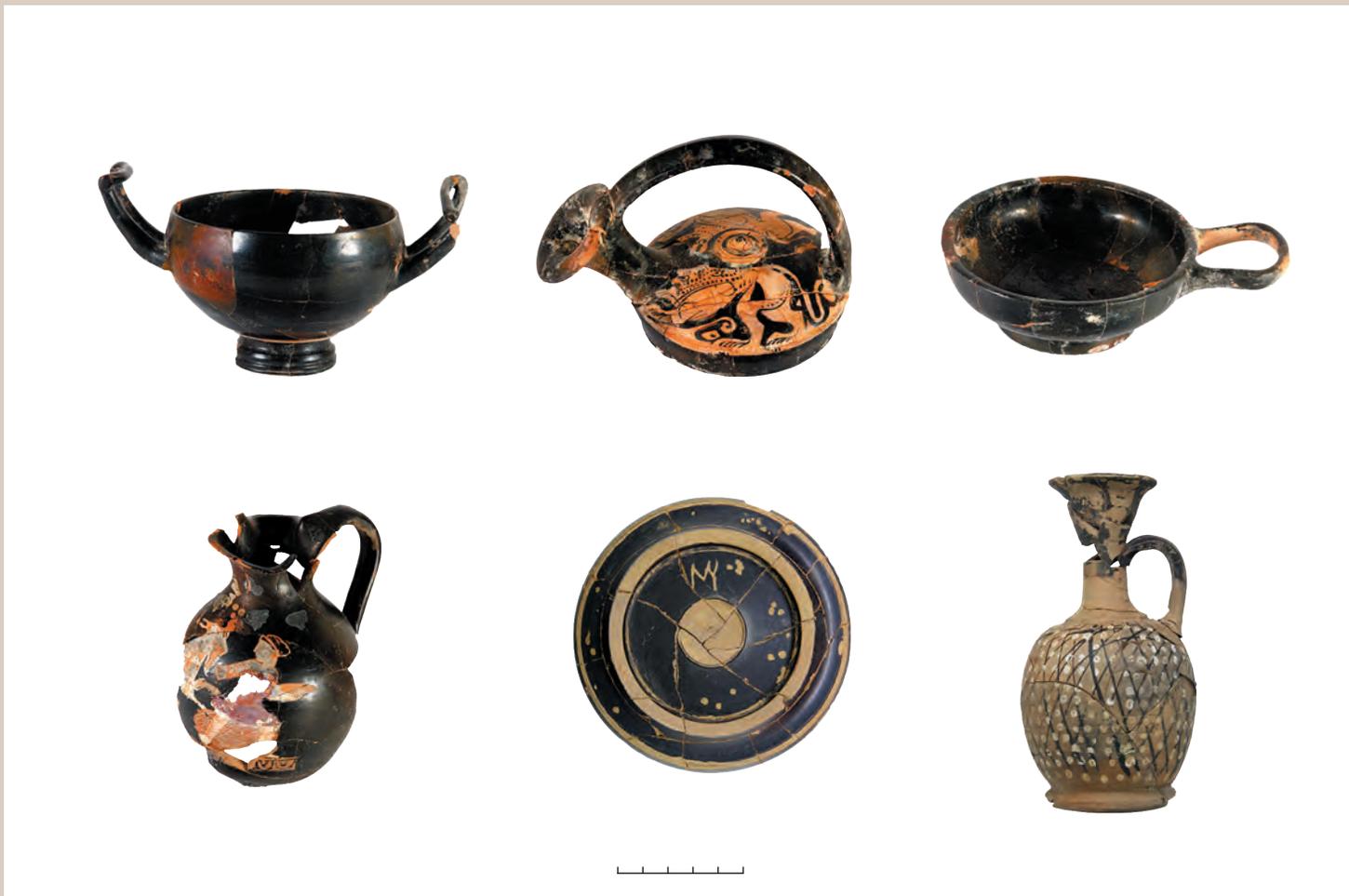

*Рисунки на оштукатуренных блоках
дромоса каменного склепа*

Расчистка погребения 1 в каменном ящике

Чернолаковые и краснофигурные сосуды из комплекса тризны

Самые древние – два погребения в каменных ящиках, перекрытых плитами, расположенные в основании кургана. Одно захоронение было полностью разграблено в древности. В другом – остатки деревянного саркофага, украшенного гипсовыми орнаментальными накладками, со скелетом ребенка внутри. Рядом с погребенным найдены многочисленные предметы: алабастры – сосуды для масла, использовавшегося при тренировках спортсменов, стригель – серповидный скребок для очистки тела атлета, 150 игральных костей-астроголов. Примечателен расписной краснофигурный кувшин для вина – пелика «керченского стиля». Судя по находкам и данным антропологии, здесь был погребен мальчик 10–12 лет, занимавшийся спортом и посещавший гимнасий в третьей четверти IV в. до н.э. Рядом с этими погребениями – два каменных жертвенника, остатки тризны, обломки расписных и чернолаковых сосудов IV в. до н.э.

В последней четверти IV в. до н.э. к ранней насыпи была пристроена грандиозная каменная гробница – античный склеп с 20-метровым коридором-дромосом, который вел в прямоугольную в плане погребальную камеру. Внутренние стены камеры и коридора-дромоса были покрыты штукатуркой. Над этой гробницей была сооружена новая, более высокая насыпь. Склеп не уступал лучшим образцам эллинистической боспорской погребальной архитектуры, в нем был похоронен представитель высшей боспорской элиты. Гробница ограблена в древности, и длительное время разрушаемый склеп стоял открытым. Вероятно, к III–V вв. н.э. относятся интереснейшие рисунки, нанесенные на штукатурку охрой и сажей, на которых изображены батальные сцены, корабли, солярные символы и др.

Таким образом, курган Госпитальный представляет собой сложный архитектурный погребальный комплекс, основные захоронения в котором были совершены во второй половине IV в. до н.э. Впервые раскопки подоб-

Находки из глины: статуэтка; сосуд (см. с. 89).
Усадебный комплекс и некрополь Манитра

ного кургана осуществлены комплексно, на современном научном уровне сотрудниками ИА РАН и Восточно-Крымского музея-заповедника.

Манитра – усадьба «царской» хоры Пантикапея

Комплекс археологических объектов Манитра расположен к западу от Керчи на довольно крутом склоне, предварительно датируется концом V – началом III в. до н.э. Он состоит из усадьбы, двух загонов для скота и некрополя. Площадь усадьбы – 4600 м². Она имела замкнутую прямоугольную структуру. В основе планировки – несколько мощных парадных и хозяйственных дворов, в которые выходили различные помещения. Внешние стены комплекса глухие. Главный, плотно вымощенный, двор расположен в северо-западной части комплекса. Он был окружен галереями и, возможно, колоннадой. В восточной части комплекса, видимо, находилась хозяйственная часть.

Усадьба, как минимум дважды, перестраивалась. Лучше сохранились конструкции верхнего горизонта поселения. В двух комнатах открыты остатки алтарей; в трех помещениях – небольшие тарапаны, использовавшиеся в домашнем виноделии; еще в одном – два вкопанных пифоса. В некоторых помещениях, судя по наличию каменных кормушек, могли содержать молодняк домашнего скота. В усадьбе также открыта единая сложная система водостоков и накопительных цистерн.

На поселении найден стандартный набор столовой и кухонной посуды, в том числе импортные аттические чернолаковые сосуды, а также терракоты и светильники. Амфоры представлены тарой всех основных эгейских и малоазийских центров-экспортеров вина и масла на Боспор в конце V – начале III в. до н.э. Также обнаружены металлические изделия: гвозди, фрагменты ножей, мелкие украшения, трехгранные наконечники стрел. Примечательны свинцовые гири с клеймами и около 150 медных монет, в основном, чеканки Пантикапея. В помещениях найдено три небольших клада, состоявших из медных боспорских монет. Кольцевые загородки окружностью 55–60 м к востоку и к западу от усадьбы, видимо, использовались для содержания скота.

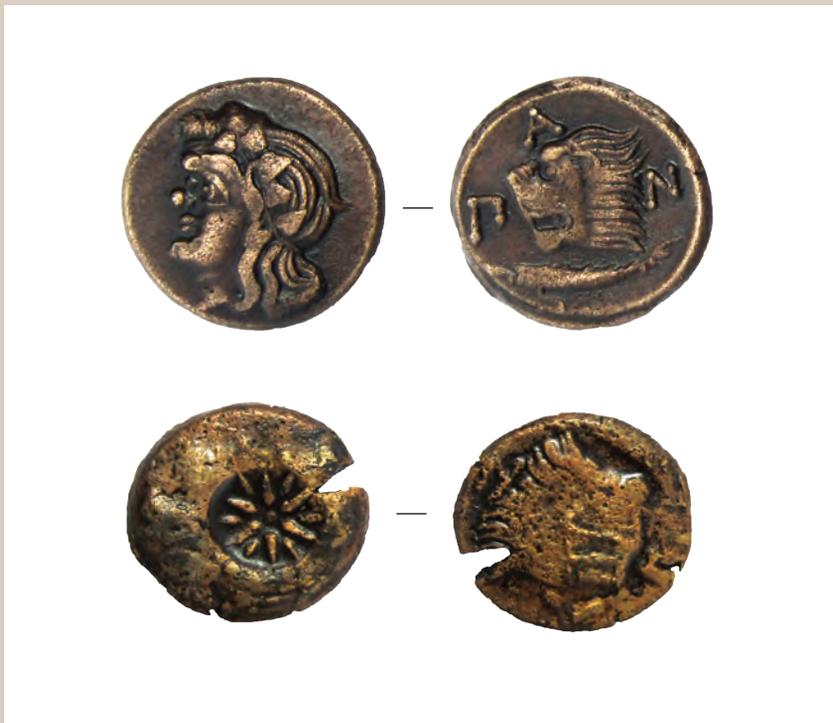
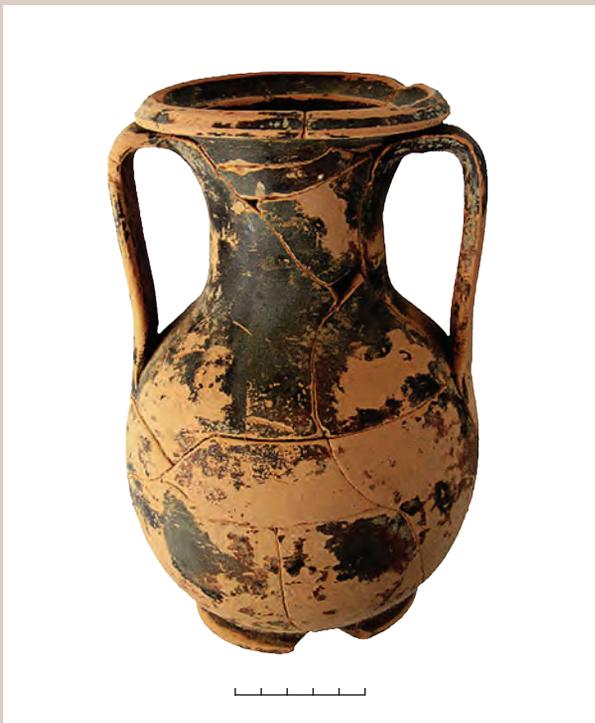
В могильнике к востоку от поселения открыто 21 погребение. Все они вырублены в скале. Большинство совершено в больших прямоугольных ямах, обнаружено и пять скальных склепов. Инвентарь в них стандартен для захоронений IV–III вв. до н.э. Можно предполагать, что огромный

Помещение с тарапаном и каменным ларем

Справа: Аэрофотоснимок участка сплошной застройки усадебного комплекса Манитра после окончания полевых работ. Вид с юго-запада

Находки из металла. Усадебный комплекс Манитра

Могильник Фронтное 3 в процессе раскопок

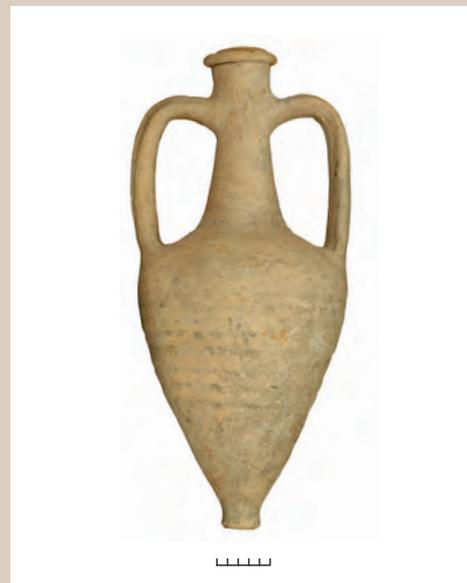
Подвески-медальоны и цилиндрические подвески из желтого металла

по своим размерам усадебный комплекс Манитра первоначально принадлежал представителю высшей аристократии Боспорского царства.

Могильник римской эпохи в округе Херсонеса – Фронтное 3

Могильник расположен в Севастополе, к северо-западу от с. Фронтное. Раскопками открыт грунтовый некрополь конца I – конца IV в. н.э. Исследовано 332 погребения, из них 3 могилы эпохи бронзы. Основная масса погребений представлена подбойными (около 300) и грунтовыми могилами, грунтовыми склепами, зафиксированы и одиночные погребения животных в ямах, и несколько детских погребений в амфорах. В подбойных погре-

бениях преобладают ингумации, известны и кремации. У головы погребенных обычно располагались жертвенная пища и керамические сосуды; украшения – в местах их ношения.

В южной части могильника изучено 12 грунтовых склепов, состоящих из погребальной камеры, входной ямы и дромоса. В склепах зафиксирован богатый сопроводительный инвентарь. В районе головы погребенных устанавливали 4-5 лепных, краснолаковых или стеклянных сосудов, здесь же найдены кости животных (остатки погребальной пищи) и железные ножи. В некоторых случаях зафиксировано оружие: длинные мечи и кинжалы с вырезами у черенка; в двух склепах – остатки щитов с умбонами и рукоятями.

Краснолаковые сосуды могильника представлены практически всеми известными в Северном Причерноморье формами. Во многих погребениях найдены стеклянные сосуды: бальзамарии, стаканы, сферические кубки, кувшины и т.д. К уникальным находкам можно отнести стакан с рельефным орнаментом в виде венков, пальмовых ветвей и греческой надписью: «Одержи победу».

Украшения представлены наборами бус, подвесками разных форм, пряжками, фибулами, серьгами, кольцами, перстнями, браслетами. Отдельная категория – цилиндрические амулетницы и медальоны с изображением женского божества с младенцем. В погребениях обнаружено около 40 монет III–IV вв. н.э. Достаточно многочисленны вещи, относящиеся к предметам туалета: бронзовые зеркала, костяные пиксиды с розовой пудрой, фрагменты деревянных шкатулок.

Несмотря на то что могильник Фронтное 3 во многом схож с подобными памятниками в регионе, он по-своему уникален. Изучение его поможет ответить на ряд дискуссионных вопросов по истории и археологии Юго-Западного Крыма римской эпохи.

Погребение 41, грунтовый склеп

Керамический сосуд из погребения I–III вв. н.э.

Находки из цветного металла: пряжка и пуговицы, монета

Глинобитный тандыр в постройке

Справа: Поселение Жемчужина 1. Аэрофотосъемка с БПЛА

Поливная керамика: чаша с орнаментом сграффито

Кашинная расписная чаша из Нижнего Поволжья

Жемчужина 1 – поселение эпохи Золотой Орды вблизи Солхата

Памятник расположен в 10 км к северо-востоку от г. Старый Крым (Солхат). В результате полевых работ открыты многочисленные комплексы, относящиеся к сельскому поселению, существовавшему исключительно в XIV в.: постройки с мощными дворами, тандыры, хозяйственные ямы. Об уровне жизни людей свидетельствуют многочисленные находки: бытовые изделия разного назначения; предметы вооружения; украшения, в том числе детали костюма; элементы конской упряжи и др. Нумизматическая часть коллекции насчитывает 133 монеты, более 80% которых датированы второй четвертью–второй половиной XIV в.

На поселении найдены многочисленные фрагменты местной керамической посуды, изготовленной в производственных центрах Крыма. Среди находок – и импортная продукция: поливные чаши и блюда XIV в. византийского и испанского производства, кашинные поливные расписные чаши, изготовленные в Поволжье, амфоры трапезундского типа, крупные тарные (пифоидные) сосуды испанского производства.

В жилой зоне располагались сооружения разных конструкций, а также хозяйственные дворы с глинобитными печами-тандырами. Рядом с ними – хозяйственные ямы, служившие для хранения продуктов. В некоторых ямах сохранились остатки проса и гречки. В четырех ямах обнаружены санитарные захоронения людей, вероятно, связанные с какими-то катастрофическими событиями.

Таким образом, можно утверждать, что возникновение поселения относится к началу XIV в., когда Солхат становится столицей Крымского улуса и в нем ведется активное строительство. Гибель поселения связана, вероятно, с походами Тамерлана в 1395 г., когда Солхат был практически полностью разрушен, близлежащие к нему селения также подверглись разграблению, а население было уведено в плен или истреблено.

Военно-полевой лагерь времени первой обороны Севастополя

К северу от Севастопольской бухты, на заросшем лесом плато Мекензиевых гор в 2018 г. проведены раскопки памятника Нового времени, который получил название «Русские бараки времен Крымской войны 1853–1856 гг.». Выбор места расположения военно-полевого лагеря определялся наличием в этом месте питьевой воды – территория лагеря разбита в верховьях одного из отрогов Черной балки. Впервые на Мекензиевых горах раскопками изучены остатки построек и сооружений, связанных с военно-полевым лагерем периода Крымской войны. Зафиксированы остатки 35 типовых лагерных палаток или бараков, расположенных рядами. С постройками были связаны булыжные вымостки, фрагменты каменных фундаментов построек, печи нескольких типов. Необходимость сооружения отопительных устройств была вызвана тем, что лагерь действовал не только летом, но и в дождливую осень и зиму 1854–1855 гг.

Дата объекта определяется медными монетами Российской империи 1851–1853 гг. и двумя французскими монетами с изображением императора Наполеона III, датированными 1853 и 1854 гг. Особый характер памятника обуславливают многочисленные находки деталей военной униформы (пуговицы, фрагменты «чешуи» подбородочных ремней касок, пряжки на ремни, накладки на патронные сумки), а также деталей предметов вооружения. В значительном количестве обнаружены латунные капсулы для ружей с ударными замками и свинцовые пули для огнестрельного оружия, причем представлены все типы пуль для гладкоствольных ружей и нарезных штуцеров, стоявших в то время на вооружении Российской армии. Среди десятков пуговиц военной униформы особое значение имеют находки пуговиц, на лицевой стороне которых изображены цифры, обозначающие принадлежность владельца униформы к подразделению армии.

Таким образом, полученные материалы впервые позволяют уточнить состав воинских подразделений, стоявших около года в бивуаках на Мекензиевых горах в качестве заслона, не дававшего противнику перерезать стратегическую дорогу с северной стороны Севастополя на Бахчисарай и Симферополь. Собрана детальная информация об организации и планировке военного полевого лагеря середины XIX в., получено представление о жизни и быте солдат и офицеров Российской армии, находившихся длительное время в полевых условиях в период Первой обороны Севастополя.

Монета. Франция, Наполеон III

Слева: Вид на плато Мекензиевых гор и раскоп 1

Печь кирпичная

Пули и мундирные пуговицы

Города, селища, могильники. Раскопки 2017. М.: ИА РАН, 2018. 456 с. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 25).

Крым – Таврида. Археологические исследования ИА РАН в Крыму в 2017–2018 гг. В 2-х тт. М.: ИА РАН, 2019. 820 с.

С.В. Ольховский

Бухта Ак-Бурун: подводные раскопки в Керченском проливе

Извлечение чернотерракотового кратера. 2015 г.

В 2014 г. при обследовании проектируемой трассы Крымского моста на дне Керченской бухты вблизи мыса Ак-Бурун было локализовано крупное скопление неокатанной античной керамики. Шурфовка показала, что сотни археологических предметов, преимущественно датированных III в. до н.э. – II в. н.э., залегают на глубине до 1 м ниже поверхности дна, а общая занимаемая ими площадь составляет не менее 50 000 м². По первому предположению, скопление образовалось на дне бухты в результате многовекового использования этой акватории в качестве якорной стоянки, где поврежденные при перевозке сосуды выбрасывали в море. Керамическое скопление получило обозначение «ОАН “Бухта Ак-Бурун”» (ОАН – объект археологического наследия), и гидротехнические работы в его границах стали возможны только после проведения спасательных археологических исследований. В границах скопления строителями было запроектировано 16 опор технологического, 5 – автомобильного и 5 – железнодорожного мостов, и задачей спасательных работ стало полное изъятие археологических предметов с участков дна под будущими опорами.

В 2015 г. выполнены исследования участков дна, запроектированных под опоры технологического моста, на общей площади более 1700 м². Подводные раскопки выполнены по методике, фиксирующей местоположение находок и глубину их залегания. В результате раскопок установлено, что обнаруженные археологические предметы не отложились у мыса Ак-Бурун естественным путем, а были перемещены сюда в составе донных отложений, изъятых во второй половине 1970-х годов при дноуглублении Генуэзской гавани Керчи. В 2015 г. из подводных раскопок извлечено более 20 000 археологических предметов – преимущественно тарная, кухонная, столовая и строительная керамика, крышки, светильники, лутерии, костяные изделия. Особенность коллекции – многочисленность археологически

*Подводные раскопки под опорами
железнодорожного моста. 2016 г.*

*Подъем находок с участков под опорами
железнодорожного моста. 2017 г.*

Подъем находок с участков под опорами железнодорожного моста. 2017 г.

Фрагмент терракоты, изображающей мужскую голову. 2017 г.

Справа: Извлечение крупного фрагмента амфоры. 2015 г.

целых форм, относящихся к широкому кругу пантикапейского импорта V в. до н.э. – XIII в. н.э. До 70% керамического комплекса составляют амфоры, 80% из них датируются IV–III вв. до н.э. и происходят из региона Эгейского моря, 20% – из южнопантийских центров и Колхиды. Среди столовой керамики преобладает пантийская, аттическая и малоазийская посуда IV–II вв. до н.э.

В 2016–2017 гг. выполнены раскопки участков дна под 10 проектируемыми опорами автомобильного и железнодорожного мостов на площади 3000 м², из раскопов извлечено почти 50 000 археологических предметов. Плотность находок достигает 140 шт. на кубометр донных отложений, глубина залегания – до 1,3 м под поверхностью дна. Уникальной находкой стал крупный фрагмент скульптурной терракоты, изображающей мужскую голову в натуральную величину, предположительно изготовленный в Малой Азии в V в. до н.э. Уточнение границ скопления показало, что его площадь составляет около 75 000 м². Учитывая, что в 2015–2017 гг. здесь раскопано менее 5000 м², несомненно, что на дне у мыса Ак-Бурун лежат сотни тысяч археологических предметов, дающих представление о масштабах морской торговли Пантикапея на протяжении всей его истории. Научное значение ОАН «Бухта Ак-Бурун» повышает и тот факт, что Генуэзская гавань Керчи, откуда происходят все эти находки, по-прежнему недоступна для исследований, а частично сохранившийся там культурный слой порта Пантикапея по-прежнему подвергается систематическому повреждению и уничтожению.

Ольховский С.В. Подводные раскопки на объекте археологического наследия «Бухта Ак-Бурун» // Таврические студии. № 12. Симферополь, 2017. С. 133–141.

Ольховский С.В. Подводные исследования на ОАН «Бухта Ак-Бурун» // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. М.: ИА РАН, 2018. С. 246–251. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 25).

Ольховский С.В., Степанов А.В. Спасательные подводные исследования на ОАН «Бухта Ак-Бурун» в 2015 г. // Древности Боспора. Т. 20. М.: ИА РАН, 2016. С. 355–364.

А.А. Малышев

Политические центры юго-восточной периферии Азиатского Боспора

*Амфора (Синопа), конец II в. до н.э.
Раевское городище. 2018 г.*

В фокусе античной письменной традиции о географии расположенных на северо-западных отрогах Большого Кавказского хребта юго-восточных владений Боспорского государства – центры, локализованные в прибрежной зоне: Горгишпия (Strabo, XI, 2, 10, 12; St. Byz.), Патус (Ps.-Scyl., 72), Батагавань и деревня (Strabo, XI, 2, 14; Ptol., Geogr. V, 89). Благодаря многочисленным эпиграфическим находкам (надписям), монументальной архитектуре, наличию обширного некрополя и элитных погребальных сооружений, бесспорное археологическое подтверждение получила только локализация античной Горгишпии (Алексеева, 1997; Малышев, Требелева, 2018).

В фокусе исследований Новороссийской археологической экспедиции – расположенные в материковой части горгишпийской хоры неизвестные по письменным источникам поселения с двухуровневой системой фортификационных сооружений: цитадели и внешнего оборонительного контура.

В средней части простирающейся в широтном направлении Анапской долины, на крутом берегу р. Маскага возвышаются валы античной крепости. Еще в последней четверти XIX в. В.И. Сизовым на цитадели Ногай Кале (ныне Раевского городища) были открыты руины монументального трехкамерного здания раннеримского времени (I в. до н.э. – I в. н.э.). Исследования последних лет сосредоточены на раскопках северной части цитадели, которая с тех пор оставалась неизученной.

Работами экспедиции подтверждено обживание территории еще в эпоху энеолита, кроме того, открыто основание башни, размерами 7 × 7 м, и кладка примыкающей к ней оборонительной стены. Расчищенные каменные стены шириной 1,5 м могли нести сооружение высотой до 10 м. Стены башни, как и весь комплекс сооружений на цитадели, ориентированы по странам света, с запада выявлен проем входа, рядом ступени каменной

*План Раевского городища
по В.И. Сизову. 1889 г.*

*Башенное сооружение и развал
оборонительной стены на цитадели
Раевского городища. 2018 г.*

*Тесло эпохи энеолита,
обнаруженное у основания
башенного сооружения. 2017 г.*

*Кладка проездного сооружения
внешнего оборонительного контура
Верхнегостагаевского городища. 2016 г.*

*Останки погибшего боспорянина
на цитадели Раевского городища. 2018 г.*

лестницы, ведущие внутрь сооружения. О трагической судьбе комплекса свидетельствуют обожженные человеческие останки, находимые по всей площади раскопа.

История исследования расположенного на горном перевале – северной границе юго-восточной периферии Боспора – Верхнегостагаевского городища началась совсем недавно, в 2013 г. Как показали раскопки, период возведения и бытования городища связан с эпохой поздней античности – ранневизантийским временем (IV–VI вв.) (Мальшев и др., 2017). При возведении кладок внешних оборонительных стен, проездных сооружений и расположенного на цитадели большого (7 × 21 м) здания с черепичной кровлей широко применялись детали из разобранных в окрестностях античных зданий (блоки, барабаны и базы колонн) и раннехристианских некрополей. Своеобразный крепостной комплекс венчает монументальное сооружение с необычной планировкой шести расположенных попарно дверных проемов.

Устойчивость традиции сооружения двухуровневых фортификаций в регионе на протяжении веков, с I в. до н.э. по V в. н.э., позволяет реконструировать несохранившуюся до наших дней оборонительную систему античной Горгишии.

Алексеева Е.М. Античный город Горгишия. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 560 с.

Мальшев А.А., Дрыга Д.О., Клемешов А.С., Смекалова Т.Н. К истории Азиатского Боспора в ранневизантийское время: по материалам комплексных исследований Верхнегостагаевского городища // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. № 4 (45). С. 35–45.

Мальшев А.А., Требелева Г.В. Эволюция системы расселения в периферийных районах азиатского Боспора (на примере п-ва Абрау) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2018. № 3 (61). С. 143–156.

Монументальное сооружение на цитадели Верхнегостагаевского городища. 2018 г.

Раннехристианское надгробие in situ (после реставрации – см. с. 102), использованное в кладке проездного сооружения на цитадель Верхнегостагаевского городища. 2017 г.

В.Н. Пилипко

Городища Старая и Новая Ниса в Южном Туркменистане

Фрагмент фрески с изображением всадника из декоративного убранства помещений второго этажа башенного сооружения в Старой Нисе

Северо-Восточное сооружение на западном углу Восточного двора: сверху – пристенные полуколонны; внизу – завал из фрагментов черепицы и терракотовых плит

С 2001 г. Нисийская экспедиция Института археологии РАН в тесном сотрудничестве с туркменским Национальным управлением по охране, изучению и использованию памятников истории и культуры проводит исследования на объектах историко-культурного заповедника «Ниса».

На Старой Нисе в пределах Центрального ансамбля изучались два объекта. Завершены раскопки Башенного сооружения. Полностью выявлена планировка его нижнего этажа, получен обширный материал, позволяющий составить представление о былом декоративном убранстве парадных помещений второго этажа (Пилипко, 2018). Второй объект – так называемое Северо-Восточное сооружение (СВС). Его изучением занимались многие исследователи (обзор см. Пилипко, 2015). Усилиями экспедиции достигнут значительный прогресс в познании данного памятника, удалось установить основные принципы его планировки.

Исследования на Старой Нисе проводятся во взаимодействии с дирекцией заповедника, которая занимается консервацией и частичной реставрацией выявленных объектов. В 2018 г. осуществлены раскопки в западном углу Восточного двора СВС. Созданы условия для реализации проекта реконструкции так называемого Нижнего портика и прилегающей к нему части СВС. Это позволит благоустроить данную часть городища, пользующегося активным вниманием туристов из многих стран мира.

Новейшие раскопки российских и итальянских археологов внесли существенные коррективы в ранние представления о назначении городища. В основной период своего функционирования оно использовалось как особый сакральный центр, связанный с прославлением правящей династии или отдельных ее представителей (Piliipko, 2018).

В 1,5 км от Старой Нисы находится городище Новая Ниса, которое функционировало более двух тысяч лет. Это был административный,

экономический и культурный центр большой одноименной области. Но из-за значительной мощности отложений XVIII–XVI вв. изучение более ранних слоев сильно затруднено. Нисийская экспедиция участвует в этих работах с 2009 г. В разных частях городища закладывались шурфы, но основные работы проводятся в Северо-Восточном стратиграфическом раскопе (СВСР). Эта часть городища сильно повреждена поздними выборками земли. В 1936 г. здесь было обнаружено погребение парфянского времени. В 1946–1949 и 1955 гг. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция АН ТССР занималась стратиграфическим изучением этого участка, но работы не были завершены. Экспедиция ИА РАН продолжила эти иссле-

дования. Полузаплытый котлован раскопа был заново расчищен. Общая его площадь увеличена до 300 м². Доследованы останцы со средневековыми отложениями. На всей площади раскопа достигнуты отложения аршакидского времени (середина III в. до н.э. – первая треть III в. н.э.). Проведенные работы позволили составить более четкое представление об истории освоения этой части городища.

В результате исследований в пределах СВСР выявлены остатки почти всех архитектурных конструкций парфянского времени, обнаруженных при ранних раскопках. Надо полагать, что это позволит воссоздать более точный план застройки данного участка и разобраться в последовательности возведения отдельных сооружений.

В 2013–2015 и 2018 гг. Нисийская экспедиция также занималась изучением объекта, который при ранних исследованиях определялся как остатки средневековой башни. Существовала и версия, что это остатки внешней городской стены парфянского времени. Новые исследования подтвердили принадлежность данного объекта к аршакидской эпохе, но его связь с фортификационными сооружениями представляется сомнительной.

Пилипко В.Н. Становление и развитие парфянской культуры на территории Южного Туркменистана. СПб., 2015. 420 с.

Пилипко В.Н. Старая Ниса. О декоративном убранстве верхних помещений Башенного сооружения // КСИА. 2018. Вып. 250. С. 260–275.

Pilipko V.N. Nisa-Mihrdatkirt: changing conceptions // Parthica-20. Pisa; Roma, 2018. P. 51–87.

«Башня Э» в Новой Нисе. Вид с северо-запада. Вдали виден «дромос» одной из гробниц

Слева: Новая Ниса, остатки слоев сасанидского времени (слева); руины парфянских гробниц (справа)

Фрагменты керамики из слоев XVI–XVIII вв.

Н.Д. Двуреченская

Эллинистическая крепость Узундара на северной границе Бактрии

*Серебряная драхма Евтидема I,
Греко-Бактрийское царство
(ок. 230/220–200 гг. до н.э.)*

*Справа: Цитадель крепости Узундара
по итогам раскопок 2018 г.
Фото с высоты 100 м*

*Предварительная графическая
реконструкция крепости.
К.А. Сивков, 2014 г.*

*Типы железных наконечников
дротиков (основного вида
вооружения пельтастов)*

Крепость Узундара получила известность благодаря узбекско-российскому научному сотрудничеству. Памятник был открыт Э.В. Ртвеладзе в 1991 г. в горах Байсуна на юге Узбекистана. Раскопки начаты в 2013 г. совместной экспедицией ИА РАН (Среднеазиатская археологическая экспедиция, Бактрийский отряд) и Института искусствоведения АН РУз (Тохаристанская археологическая экспедиция) (Двуреченская, 2015, 2018; Ртвеладзе, Двуреченская, 2015).

За шесть лет исследований выявлены основные планировочные схемы крепости, вписанной в очень сложный горный рельеф, вскрыты полностью цитадель и впервые получен ее архитектурный план (на площади около 3000 м²), установлены основные хронологические этапы жизни памятника, получена уникальная коллекция ранее неизвестной материальной культуры восточно-эллинистической погранзаставы, расположенной на самом востоке ойкумены – на территории древней Бактрии.

Крепость Узундара состояла из основного четырехугольника ромбовидной формы, отдельной подтреугольной в плане цитадели, окруженных мощными двойными стенами с внутрискладчатой галереей шириной до 9 м, с выносными отрезками крепостных стен, которые были укреплены 13 прямоугольными башнями, 3 из которых также были выносными. Общая протяженность фортификационных сооружений составила около 1 км. За пределами крепости (фруриона) находилась торговая площадь, куда местные жители привозили товары, необходимые войскам гарнизона.

В начале III в. до н.э. здесь был расквартирован гарнизон греко-македонян, который выполнял две функции: охранял оазисы Северной Бактрии от набегов кочевников и защищал власть Селевкидов в регионе. По археологическим данным, крепость Узундара была возведена в период становления Селевкидского государства (конец IV – начало III в. до н.э.) и

Верхний ряд: Оболы Деметрия I, серебро.
Греко-Бактрийское царство
(ок. 200–185 гг. до н.э.)
Нижний ряд: Оболы Евкратиды I, серебро.
Греко-Бактрийское царство
(ок. 171–166 гг. до н.э.)

Трихалк и дихалк Деметрия I, медь.
Греко-Бактрийское царство
(ок. 200–185 гг. до н.э.)
Гемихалк Антиоха I, медь.
Селевкидское государство
(281–261 гг. до н.э.)

Слева: Драхма Александра Македонского,
серебро. Чеканка малоазиатского
полиса Лампсак, посмертный выпуск
(310–301 гг. до н.э.)

Дихалки Евтидема I, медь.
Греко-Бактрийское царство
(около 230/220–200 гг. до н.э.)
Тетрадрахма Антиоха II, серебро.
Селевкидское государство
(261–246 гг. до н.э.)

Тетрадрахма Антиоха II, серебро.
Селевкидское государство
(261–246 гг. до н.э.)

Дихалк Агафокла, куперникель.
Греко-Бактрийское царство
(ок. 190–165 (?) гг. до н.э.)
Дихалки Евтидема I, медь.
Греко-Бактрийское царство
(ок. 230/220–200 гг. до н.э.)

просуществовала примерно 150 лет. Выделены три этапа жизни крепости: строительство и начало обживания крепости, датируемые монетами Антиоха I (281–261 гг. до н.э.); период масштабной перепланировки и ремонтов времени греко-бактрийского царя Евтидема I (около 235–200 гг. до н.э.); гибель крепости во время правления Евкратида (171–166 гг. до н.э.).

В 2018 г. полностью доследована цитадель (филактерион) крепости. Подтреугольная в плане, она со всех сторон была опоясана мощными крепостными стенами и укреплена пятью башнями. Три из них угловые, еще две, расположенные на северной стене, имели выносные отрезки стен, создавая лабиринтообразные ловушки, маскирующие настоящее месторасположение входа в цитадель. Вдоль крепостных стен на юго-западной стороне, обращенной к ущелью, находилась галерея, разделенная перегородками на отдельные помещения, в которые можно было попасть изнутри через три калитки. Здесь в хорошо сохранившейся внешней крепостной стене впервые обнаружены девять стрелковых бойниц. В центре цитадели был размещен дом командующего гарнизона – крупное здание с двумя подвалами. Вокруг скального комплекса находились открытые площадки и дворы. К крепостным стенам изнутри примыкало 12 хозяйственных и жилых помещений. В башни и внутрисканную галерею можно было попасть через калитки. Входной комплекс был также сильно укреплен, он имел взаимосвязанные вход на цитадель и проход в основной четырехугольник крепости.

Воины, защищавшие крепость, в большинстве своем были легковооруженными: лук со стрелами, ядра для пращи, дротики (короткие копь) – это основные виды оружия на крепости. Однако некоторые носили и доспехи. Так, в 2018 г. во внутрисканном помещении крепостной стены на цитадели обнаружены панцирные пластины и два правых железных нащечника от шлемов псевдоаттического типа.

Кроме оружия на объекте получена богатая нумизматическая коллекция: около 200 монет очень хорошей сохранности от посмертного выпуска монет Александра Македонского до монет всех правителей Греко-Бактрийского царства разного номинала. Такое разнообразие доказывает, что Бактрия в самом начале формирования империи Селевкидов вошла в систему развитого денежного обращения. Большое количество монет, богатейшие комплексы керамики и многие другие предметы быта, найденные на непо потревоженном памятнике в стратифицированных слоях, впервые позволяют понять, как изменялась материальная культура Бактрии под влиянием эллинов – от самого начала завоевания ее Александром Македонским и до падения под ударами кочевых племен уже независимого Греко-Бактрийского царства.

Двуреченская Н.Д. Предварительные материалы археологических работ 2014 г. на крепости Узундара // Проблемы истории, культуры, филологии. 2015. № 1 (47). С. 124–133.

Двуреченская Н.Д. К методике полевых исследований в горной местности (на примере эллинистической крепости Узундара) // КСИА. 2018. Вып. 251. С. 168–180.

Ртвеладзе Э.В., Двуреченская Н.Д. Узундара – эллинистическая крепость в Бактрии (материалы рекогносцировочно-разведывательных работ 2013 г.) // Археология Узбекистана. 2015. № 2 (11). С. 37–46.

Слева: Железные нащечники и реконструкция (справа) от псевдоаттических шлемов

Типы бронзовых и железных наконечников стрел. VI–II вв. до н.э.

Керамическая фляга с нижних слоев цитадели крепости Узундара. III в. до н.э.

I тысячелетие нашей эры

А.В. Мастыкова

Романово-Пугачевский пруд: грунтовый могильник римского времени в Северной Самбии

*Янтарь из керамической миски,
стоявшей в урне*

В 2016–2017 гг. Западнобалтским отрядом Института археологии РАН проводились археологические работы на территории микро-региона между пос. Заостровье и Романово в северной части Самбийского полуострова (Калининградская область, Зеленоградский район). Микрорегион, выбранный для исследования, отличался в римское время удивительно высокой демографией. Это обстоятельство проявляется в плотности археологических памятников, в частности, могильников самбийско-натангинской культуры, находящихся буквально в визуальной связи между собой. Для римского времени такая плотная демография объясняется, скорее всего, наличием в Самбии самых богатых в Европе мест сбора янтаря, которые, согласно письменным источникам, эксплуатировались уже в римское время. По всей видимости, изучаемый регион уже в римское время был непосредственно интегрирован в торговлю янтарем и являлся своего рода терминалом известного Янтарного пути, который начал функционировать с I в. н.э., не позднее правления императора Нерона (54–68), и связывал янтароносные территории Юго-Восточной Прибалтики, заселенные балтами-эстиями, с дунайскими провинциями Римской империи (Peregrinatio Gothica..., 1997; Skvortsov, 2013; Мастыкова, 2016).

В ходе разведочных изысканий около пос. Романово открыт новый грунтовый могильник самбийско-натангинской культуры – Романово-Пугачевский пруд. Этот памятник не был известен немецким довоенным исследователям. Отрядом проведены работы по установлению границ могильника, топографическая съемка и аэрофотосъемка памятника; открыты погребения, совершенные по обряду кремации. По погребальному инвентарю некрополь Романово-Пугачевский пруд предварительно может быть датирован концом I/II – серединой/второй половиной IV в.

*Грунтовый могильник Романово-Пугачевский
пруд, начало работ*

Керамическая урна из погребения

Процесс разборки урны: керамическая миска, монета и другие предметы внутри урны in situ

Керамический сосуд-приставка, стоявший рядом с урной в погребении

Среди выявленных погребальных объектов примечательно урновое захоронение, где кремированные останки человека были положены на самое дно керамической урны больших размеров (высота 48–48,5 см, диаметр по наибольшему расширению 51,2–51,6). Затем в урну было помещено большое количество оружия (наконечники копий, умбон щита, топор, ножи), а также разные пряжки, наконечники ремней, фибула, монеты, и все эти предметы были завернуты в ткань, за счет чего вещи образовали монолитный блок. Внутри урны была поставлена маленькая керамическая миска, в ней находился кусок янтаря. Рядом с большой урной стоял небольшой керамический сосуд-приставка и было совершено конское захоронение, от которого сохранились лишь зубы с удилами. Поскольку урны таких больших размеров крайне редки для самбийско-натангинской культуры, а само погребение сопровождалось большим количеством «воинских» предметов и конским захоронением, можно предполагать, что погребенный имел достаточно высокий социальный (воинский?) статус.

Методический подход послойной разборки урновых захоронений, впервые примененный для памятников Калининградской области, позволил выявить некоторые общие характеристики обрядности, дал возможность более детально реконструировать сложную и многоступенчатую процедуру последовательности погребальных действий, восстановить «микростратиграфию» заполнения урны. Отработанные методические подходы при изучении материалов могильника Романово-Пугачевский пруд могут быть в дальнейшем успешно использованы для изучения других погребальных комплексов на территории Самбии.

Скопление предметов, извлеченных из урны

Керамическая миска, стоявшая внутри урны

Мастыкова А.В. О происхождении янтарных грибовидных бус-подвесок римского времени в Понто-Кавказском регионе // *Stratum plus*. 2016. № 4. С. 173–189.

Peregrinatio Gothica. Jantarová stezka. Supplementum ad Acta Musei Moraviae Scientiae Sociales LXXXII / Eds. J. Čižářová, Z. Měchurová. Brno: Moravské Zemské Muzeum, 1997. 220 s.

Skvortsov K. “The Amber Coast Masters”: Some Observations on Rich Burials in the Sambian-Natangian Culture ca. AD 500 // *INTER AMBO MARIA. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea* / Eds. I. Khrapunov, F.-A. Stylegar. Kristiansand; Simferopol: Dolya, 2013. P. 352–364.

О.А. Радюш

Северо-восточное пограничье черняховской культуры в России

*Лепной горшок in situ в раскопе 3.
III–IV вв. Поселение Пены*

*Справа: Поселение и грунтовый
могильник Выдрин, княжеское
погребение у д. Большой Каменец
в верховьях р. Суджа*

*Лепной и круговой горшки. III–IV вв.
Поселение Выдрин*

На территории России памятники черняховской культуры второй половины III – рубежа IV/V в. занимают значительную часть современных Курской и Белгородской областей. Эта сложная археологическая общность – наиболее крупное полиэтничное образование в Восточной Европе позднеримского времени. Привнесенные ее населением технологические и материальные новшества оказывали огромное влияние на все окружающие территории. Несмотря на значительный объем данных, полученных за более чем 100-летнюю историю изучения данной культуры, дискуссия по поводу этнокультурных элементов этих древностей, характера экономики и общественно-политического устройства ее общества не прекращается.

Систематическое исследование памятников черняховской культуры на территории России прекратилось по объективным причинам к середине 1990-х годов, было возобновлено в 2005 г. С тех пор проводится их ежегодное обследование в верховьях рек Сейм, Псёл, Ворскла, Оскол – левобережных притоков Днепра. На новом этапе открыто более 150 новых поселений, позволивших значительно уточнить карту распространения черняховских древностей, плотность заселения, размеры памятников и их культурно-хронологические различия. Наиболее крупные по размерам поселения могут достигать 30–40 га. В регионе известно три разрушенных погребения знати и несколько монетно-вещевых кладов, относящихся к концу IV – началу V в., т.е. к началу эпохи Великого переселения народов (Gavritukhin, Radyush, 2018). Впервые открыты могильники, связанные с поселениями.

Сейминско-Суджинской экспедицией проводились раскопки пяти памятников черняховской культуры в Курской области: поселение Пены 1 (Радюш, 2010); могильник Пены 3; поселения Выдрин, Глушково, Николаевка. Отметим первые три. На поселении Пены в 2011–2014 гг. исследовано свыше 1000 м², выявлено три усадьбы (шесть построек); на

Костяной многочастный гребень. Вторая половина III – начало IV в. Поселение Пены

Орнаментированное чернолощенное пряслице. IV в. Поселение Выдрин

Рукоять от кругового орнаментированного кувшина, использованная как точильный камень. IV в. Поселение Выдрин

Клинок с вырезами, вторая половина IV в., железный ключ, вторая половина III – IV в., поселение Пены; бронзовая «воинская» фибула, вторая половина IV в., поселение Выдрин

могильнике открыто четыре погребения по обряду кремации. На поселении Выдрин в 2013–2018 гг. исследовано свыше 2500 м², единым раскопом вскрыта производственная площадка. Изучены две полужемлянки, пять наземных столбовых построек, пять наземных печей, очевидно, использовавшихся для металлообработки и ювелирного промысла. В 2017 г. открыт некрополь, расположенный в традиционном для черняховской культуры ландшафте, выше по склону над поселком. В непосредственной близости от поселения продолжалось изучение места «княжеского погребения» конца IV – V в. (у д. Большой Каменец). Материалы раскопок самого поселения позволяют предполагать синхронность финального этапа жизни поселка и совершения захоронения. На других памятниках также зафиксированы яркие комплексы предметов.

На поселениях получены материалы, традиционные для классической черняховской культуры: круговая черняховская керамика (преобладает), лепная керамика различных этнокультурных традиций (раннеславянская, вельбаркско-пшеворская, позднескифская); связанные с домашним ремеслом пряслица, грузила и пр.; инструменты, орудия труда; оружие; детали одежды, украшения, подвески, ключи от шкатулок. Многочисленные находки предметов-хроноиндикаторов позволяют датировать большинство поселений второй половиной III – концом IV в., перерывы в их существовании не фиксируются.

Среди находок многочисленны античные импорты. Амфорная тара обнаружена на всех раскопанных в последние годы поселениях. В Курской и Белгородской областях зафиксировано более 80 местонахождений римских монет, как единичных, так и в кладах (Gavritukhin, Radyush, 2018). Обычно они представлены денариями I – начала III в., которые в значительном количестве находят и на поселениях.

В результате исследований экспедиции выявлена серия памятников к северу от среднего течения Сейма, получившая условное название «Львовско-фатежская группа», расположенная за пределами черноземной зоны. Традиции черняховской материальной культуры на этих памятниках сохраняются, но датирующие находки на них относятся к концу IV – началу V в. По всей видимости, эти поселения являются финальными для культуры и, вероятно, гибнут после разгрома в начале V в., на что указывают предметы вооружения, найденные на многих исследованных поселениях (Радюш, 2018).

Римские денарии. Вторая половина II в. Поселение Пены

Радюш О.А. Поселение черняховской культуры у пос. им. Карла Либкнехта (Пены) // *Germania–Sarmatia II*. Курск; Калининград: КГОМА–КОИХМ, 2010. С. 179–213.

Радюш О.А. Львовско-фатежская группа памятников финала черняховской культуры в верховьях реки Сейм (Курская обл., Россия) // *Studia Barbarica. Professorovi Andrzejowi Kokowskiemu w 65 Rocznicę Urodzin*. T. I. Lublin, 2018. S. 570–591.

Gavritukhin I., Radyush O. A Polychrome Brooch from Konevo and its Context // *Lebenswelten zwischen Archäologie und Geschichte festschrift für Falko Daim zu seinem 65. Geburtstag*. T. 1. Mainz, 2018. S. 137–160. (Monographien des RGZM. Bd. 150).

А.М. Обломский

Памятники верхневоронежской культурной группы эпохи раннего средневековья

Антропоморфный амулет. Стаево 5

В Верхнем Подонье до недавнего времени древности VI–VII вв. были представлены лишь единичными комплексами и отдельными находками. Планомерное исследование данной территории началось только в 2010 г. работами Раннеславянской экспедиции. С определенностью к раннему средневековью можно отнести 16 памятников и случайные находки. Они распространены, в основном, в верхней и средней частях бассейна р. Воронеж, но известны и далее к востоку вплоть до р. Цна, и к югу (Терешковский вал, Острогжский клад). Все поселения – неукрепленные, большинство занимает первые надпойменные террасы рек или останцы в поймах. Селища на коренных берегах относительно редки.

Памятники верхневоронежской группы обычно бедны находками. Судя по данным раскопок, на поселениях, которые были кратковременными, могли располагаться от одной (преимущественно) до двух (Ярок 9) или трех (Кривец 4) усадеб. На общем фоне резко выделяется группа поселений у с. Стаево. Культурный слой раннего средневековья зафиксирован на селищах Стаево 3, 4, 5, отделенных друг от друга оврагами. Общая площадь комплекса без учета оврагов – 9,2 га, т.е. значительно больше, чем у остальных одновременных поселений лесостепного Подонья. В 2015–2018 гг. проводились раскопки на участках Стаево 4 и 5 – поселок имеет ярко выраженный ремесленный характер (Гавритухин, Обломский, 2018).

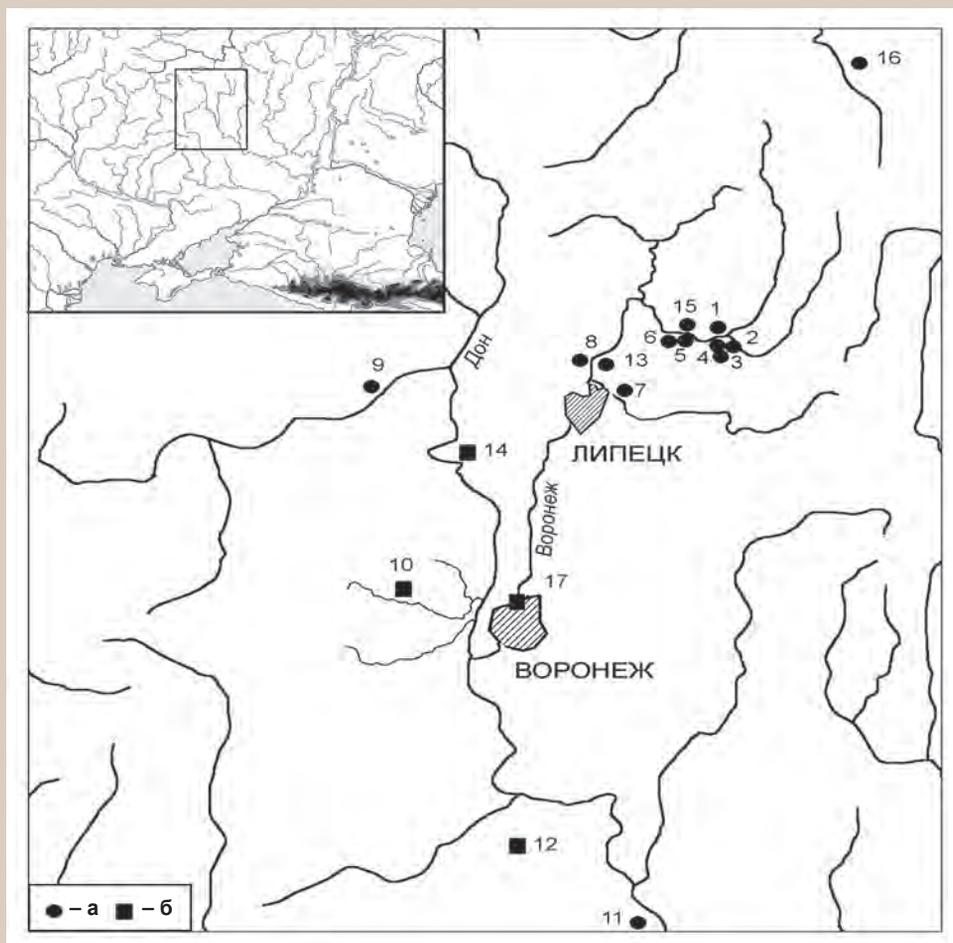
В Стаево 4 вскрыто 644 м², большинство обломков сосудов и вещей относятся к раннему средневековью. Культурный слой обильно насыщен остатками производства черного металла: кусками бурого железняка, шлаками. Интересно скопление (у печи постройки-полуземлянки) мелких обломков обогащенной железной руды, смешанной с углем и известняком, очевидно, представлявшее собой массу, подготовленную для загрузки в горн. Среди находок преобладали изделия из железа. Из глины изготовлены конические грузила для ткацких станков, пряслица.

Поселения Ставо 4 и 5. Вид с юга

Карта памятников верхневоронежской группы и случайных находок этого периода:
 а – поселение; б – случайная находка.

- 1 – Ставо 3, 4, 5;
- 2 – Красный Городок 2;
- 3 – Красный Городок 4;
- 4 – Новоникольское 8;
- 5 – Ярок 9;
- 6 – Кривец 4; 7 – Ярлуково;
- 8 – Большая Кузьминка 4А;
- 9 – Елец, Лавский комплекс;
- 10 – р. Ведуга;
- 11 – Терешковский вал;
- 12 – Острогожский клад;
- 13 – Капитаницино;
- 14 – устье р. Репец;
- 15 – Ярок 5, 10;
- 16 – Коровий Брод;
- 17 – г. Воронеж

*Бронзовые матрица фибулы; зеркало;
матрица ременной накладки; солярный
амулет; железные клещи. Стаево 5*

В Стаево 5 вскрыто 1378 м², исследованы три площадки, на которых работали мастера-бронзолитейщики. Каждая из них представляла собой навес или легкую постройку с очагами или небольшими печами, ямами для брака и хранилищами специально помещенной в ямы глины, очевидно, для изготовления тиглей и литейных форм. К остаткам бронзолитейного ремесла, кроме тиглей, относятся выплески бронзы, пластинки и бронзовые прутки, железные инструменты (клещи, сверла, долотца и т.п.), бронзовые матрицы для изготовления пальчатых фибул и деталей ременной гарнитуры так называемого геральдического стиля.

Широкой площадью бронзолитейные мастерские раннего средневековья в лесостепной зоне Восточной Европы исследованы впервые. Набор украшений показывает тесные связи обитателей поселка с югом Восточной Европы – степной зоной, Крымом, Северным Кавказом. В отношении южных связей показательны бронзовые гирька-экзагий, предназначенная для взвешивания византийской золотой монеты – солида, и антропоморфные амулеты, аналогии которым известны, в основном, на Боспоре, в Юго-Западном Крыму, на Кавказе и в причерноморских степях (Обломский, Швырёв, 2018). Хронология раннесредневекового горизонта Стаево 4 и 5 определяется по изделиям из цветного металла в рамках конца V – VII в. (Обломский, 2018).

Набор лепной посуды поселка очень близок к керамике памятников гуннского времени в долине Дона. Основные этнокультурные компоненты – раннеславянский и восточно-финский. Вероятно, в конце V – VI в. верховья р. Воронеж и прилегающие территории были зоной колонизации населением разного происхождения.

По данным разведок, материалы раннего средневековья в округе Стаево происходят всего из шести пунктов – небольших кратковременных селищ. По всей видимости, ремесленники из Стаево работали не столько на ближайшую округу, сколько на более отдаленные территории.

Бронзовый экзагий. Стаево 5

Гавритухин И.О., Обломский А.М. Пальчатые фибулы с ромбами на ножке, происходящие из ремесленного центра Стаево на р. Воронеж // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. 2018. Вып. XXIII. С. 135–206.

Обломский А.М. Раннесредневековое поселение Стаево-4 в Верхнем Подонье // *Древности. Исследования. Проблемы*. Кишинев; Тирасполь: Приднестр. ГУ им. Т.Г. Шевченко; Науч.-иссл. лаб. «Археология»; Высшая антропол. школа, 2018. С. 355–388. (Библиотека Stratum).

Обломский А.М., Швырёв А.Д. Византийская гирька для взвешивания монеты, найденная в верховьях р. Воронеж // *КСИА*. 2018. Вып. 250. С. 307–326.

В.Ю. Малашев, Р.Г. Магомедов, Ф.С. Дзуцев, Х.М. Мамаев, М.В. Кривошеев

Ранние аланы Среднего Терека

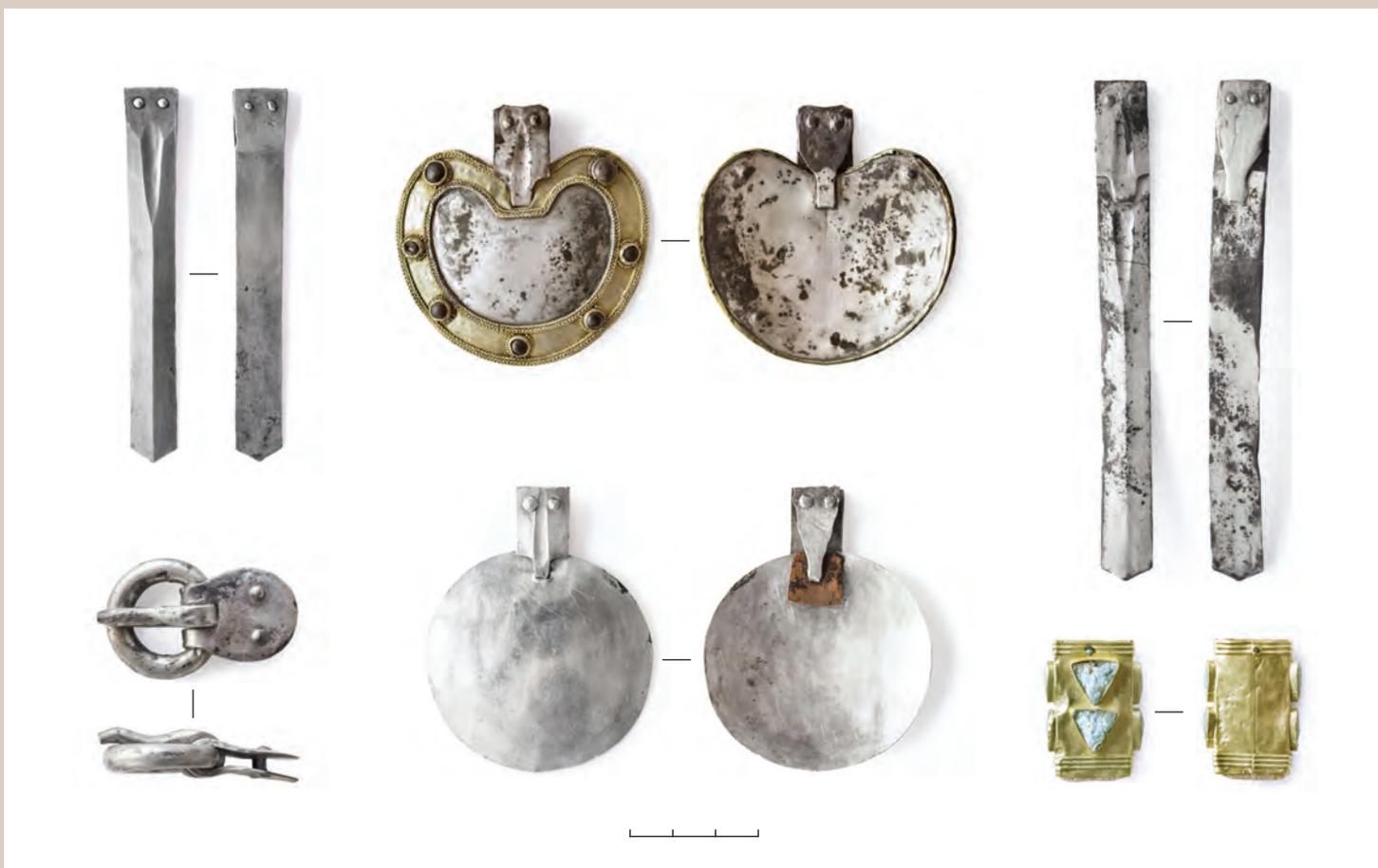
Детали парадного сбруйного набора (см. также с. 129) из тайника во входной яме кургана 63. Середина III в. н.э.

Справа: Могильник Братские 1-е курганы. Общий вид с востока исследованного участка

Совместная экспедиция ООО «НПЦ ДАРС», Института археологии РАН и Института гуманитарных исследований АН Чеченской Республики на средства ПАО «Газпром»/ООО «Газпроминвест» и ООО «Кирус» (Грозный) провела охранно-спасательные раскопки могильника раннего этапа аланской культуры Северного Кавказа «Братские 1-е курганы» в зоне строительства магистрального газопровода «Моздок – Грозный». Могильник принадлежит Братскому 1-му городищу, расположенному на высоком правом берегу р. Терек на территории с. Братское. В результате работ на участке площадью 6,2 га исследовано 162 курганных и бескурганных погребальных комплексов, датирующихся от первой половины III до середины–третьей четверти IV в. н.э.

Подкурганные погребения окружены ровиками округлой или прямоугольной в плане формы, как правило, с двумя разрывами в контуре в северной и южной частях. Большинство погребений совершено в Т-образных катакомбах (длинная ось камеры перпендикулярна длинной оси входной ямы), характерных для аланской культуры. Входные ямы ориентированы длинной осью широтно, камеры – меридионально и находились у западных стенок входных ям; ориентировка погребенных – в южном секторе. Помимо катакомб исследовано 17 захоронений в подбоях и ямах.

Погребальный инвентарь содержал наборы керамической посуды, импортные бронзовые сосуды, украшения (стеклянные и каменные бусы, серьги, нашивные бляшки, гривну и др.), металлическую гарнитуру костюма (пряжки, наконечники ремней, фибулы, петли), предметы вооружения (мечи, кинжалы, наконечник копья), уздечные наборы и др. Обращает на себя внимание парадный сбруйный набор из тайника у задней стенки входной ямы кургана 63. Судя по конструкции и стилистике ременных гарнитур, а также по изображениям волка на накладках, он напрямую соотносится

с серией подобных сбруйных наборов из Бесланского могильника первой половины–середины III в. н.э., выполненных в «зверином стиле аланской культуры Северного Кавказа» (Малашев, Дзуцев, 2016. С. 179).

Могильник Братские 1-е курганы можно считать опорным для раннего этапа аланской культуры территории Среднего Терека. Особенностями памятников данного района является широтная ориентировка входных ям, что отличает их от некрополей городищ предгорной полосы, где доминирует меридиональная ориентировка. Отличия также фиксируются в расположении перемычек у рюх, нахождении под одной насыпью

двух или трех погребений и, в ряде случаев, использовании катакомб для многоразовых захоронений, что неизвестно в контексте некрополей данной культуры предгорной полосы. Есть различия, касающиеся набора форм в керамическом комплексе и присутствия в погребениях лепной посуды, которой нет в памятниках предгорной полосы.

Данные особенности свидетельствуют о том, что население Среднего Терека мигрировало с территории предгорной полосы Северного Кавказа. Об этом говорит и меньшая степень унификации в обряде по сравнению с некрополями жителей предгорий. Население, оставившее памятники Среднего Терека, активно участвовало в исторических процессах на территории Западного Прикаспия, где их присутствие фиксируется в Терско-Сулакском междуречье в середине–второй половине III в. н.э., а с середины IV в. н.э. – в Южном Дагестане, где, судя по письменным источникам, локализуется «Страна маскутов» (Малашев и др., 2015).

Малашев В.Ю., Гаджиев М.С., Илюков Л.С. Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. н.э. Махачкала: Изд. дом Мавраевъ, 2015. 452 с.

Малашев В.Ю., Дзуцев Ф.С. Приложение 2. Парадные сбруйные наборы III в. н.э. из Бесланского могильника и проблема сложения аланской культуры Северного Кавказа // Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – середины V в. н.э. М.: ИА РАН, 2016. С. 164–206.

Парадный сбруйный набор in situ из тайника во входной яме кургана 63

Серебряная сильнопрофилированная фибула. Курган 53. Первая половина III в. н.э.

Слева: Камера погребения 1456. Вид сверху

Находки из погребений могильника: золотые бляшки; бронзовая ситула; керамическая кружка. Первая половина–середина III в. н.э.

Д.С. Коробов

Изучение следов средневекового скотоводства в Приэльбрусье

Раннесредневековый бронзовый бубенчик из шурфа на загоне Зубчихинский 1

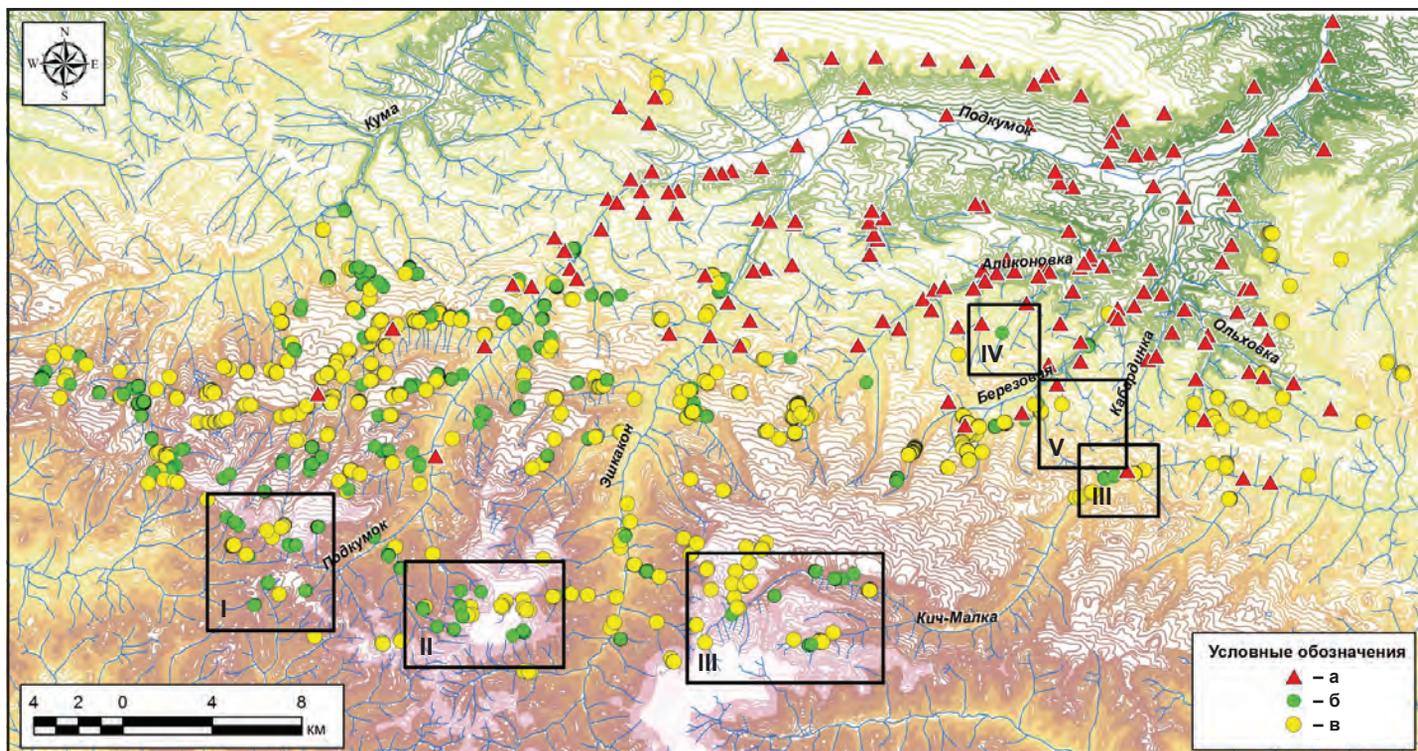
Справа: Каменный загон Гуд-Гора. Вид сверху (аэрофотоснимок)

Карта расположения каменных загонов и раннесредневековых укреплений в Кисловодской котловине

Кисловодской экспедицией института осуществлялась работа по мультидисциплинарному изучению мест содержания скота на средневековых поселениях Кисловодской котловины и в высокогорной зоне на ее периферии. Исследование было посвящено изучению следов скотоводства, которым занималось население Кисловодской котловины (Северный Кавказ) в раннем средневековье (Коробов и др., 2018). К этому времени относятся многочисленные укрепленные поселения (Коробов, 2017), занимающие горные долины внутри Кисловодской котловины, на абсолютной высоте от 600 до 1800 м, которые зачастую сопровождаются сооружениями для содержания скота – каменными загонами. Подобные загоны встречаются также вне мест проживания населения котловины в средние века, в альпийской зоне, на высотах до 2500 м над уровнем моря. Данные сооружения никогда не были объектами специальных научных исследований, поэтому попытка выяснить время использования каменных загонов для содержания скота и особенности горного скотоводства того времени проводится впервые.

Проведено полевое обследование каменных загонов в двух ландшафтных зонах – в верхней части Кисловодской котловины на абсолютных высотах от 2000 до 2500 м и в нижней ее части (900–1400 м), в окрестностях раннесредневековых поселений. На памятниках проведены инструментальная тахеометрическая съемка и шурфовка, сбор подъемного материала, устраивались почвенные разрезы с отбором проб на химические и микробиологические анализы. Новый технологический прием – проведение низковысотной аэрофото- и видеосъемки с беспилотного квадрокоптера. По результатам таких съемок были получены фотограмметрические изображения сооружений.

Для определения времени сооружения каменных загонов изучены объекты в окрестностях перевала Гум-Баши, Гуд-Горы, горы Б. Бермамыт

Каменные загоны и раннесредневековые укрепления в Кисловодской котловине: а – укрепленные поселения I тыс. н.э.; б – «древние» загоны; в – «современные» загоны; прямоугольниками обозначены обследованные участки: I – возле пер. Гум-Баши; II – возле Гуд-Горы; III – на р. Кич-Малка; IV – в балках Зубчихинская и Беловодская; V – в балке Медовая

и в верховьях р. Кич-Малка, а также в нижней части котловины в среднем течение рек Аlikоновка, Березовая, Кич-Малка. Внутри некоторых загонов устраивались шурфы для получения датирующего материала, а также почвенные разрезы и микрозондажи для отбора почвенных образцов. В результате установлено, что каменные загоны возникают в эпоху позднего бронзового – раннего железного века и/или раннего средневековья и переиспользуются в Новое и новейшее время.

Анализировались морфолого-генетические, химические и микробиологические свойства почв в загонах. Специалистами в области палеопочвоведения А.В. Борисовым и Е.В. Чернышевой установлено, что во всех загонах эпохи бронзы и средневековья наблюдается высокая активность фермента уреазы, что связано с поступлением мочевины в почвы и может рассматриваться как надежный индикатор долговременного присутствия скота внутри подобных сооружений. Был разработан новый индикатор определения мест содержания скота или внесения навоза на удобряемые поля – число термофильных бактерий, специфической группы микроорганизмов, которая развивается в навозе при компостировании, когда температура достигает 60–70° С (Чернышева и др., 2016. С. 152–172).

В результате полевых и лабораторных работ получены новые сведения о форме скотоводства у аланских племен Кисловодской котловины в раннем средневековье и особенностях использования каменных загонов для скота как внутри Кисловодской котловины вблизи поселений, так и в альпийской зоне Приэльбрусья. Сейчас можно с уверенностью утверждать, что для населения микрорегиона в I тыс. н.э. была характерна альпийская (яйлажная) форма отгонного скотоводства с содержанием домашних животных возле поселений в осенне-зимний период и сезонные выпасы стад в среднегорной и высокогорной зонах в течение весны и лета.

Коробов Д.С. Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н.э. (ландшафтная археология Кисловодской котловины). М., СПб.: Нестор-История, 2017. Т. 1, 384 с.; Т. 2, 312 с.

Коробов Д.С., Борисов А.В., Бабенко А.Н., Сергеев А.Ю., Чернышева Е.В. Комплексное исследование каменных загонов в окрестностях Кисловодска // РА. 2018. № 2. С. 113–129.

Чернышева Е.В., Борисов А.В., Коробов Д.С. Биологическая память почв и культурных слоев археологических памятников. М.: ГЕОС, 2016. 240 с.

Беспилотный квадрокоптер DJI Phantom 4 Pro на фоне Эльбруса, процесс съемки

Слева: Вид на каменную кладку постройки в заgone Зубчихинский I

Материалы из шурфа на заgone Зубчихинский I: железные наконечники стрел и колчанная скоба. Вторая половина I тыс.

Работа в шурфе внутри каменного загона Кич-Малка I

У.Ю. Кочкаров

Хумаринское городище в Карачаево-Черкесии

Средневековая амфора. Глина

Хумаринское городище VIII–X вв. расположено возле аула Хумара на правом берегу р. Кубань, в 11 км к северу от г. Карачаевск. Памятник занимает плоскую вершину горного отрога (более 1000 м над уровнем моря), его планировка строго подчинена рельефу местности и соответствует функциональному назначению городища как крупной военной крепости.

В ходе работ Карачаевской экспедицией ИА РАН в 2015–2018 гг. вскрыт участок (32 м) стены, где на плитах кладки обнаружены знаки-тамги. Исследовано два участка внутренней части памятника общей площадью 256 м². Помимо обычных находок фрагментов амфор впервые на городище обнаружены целые формы. Среди находок – большое количество костей животных; значительное количество бытового и военного инвентаря. Исследована косторезная мастерская, на сегодняшний день единственная на территории Хазарского каганата (Кочкаров, 2014). В двух раскопах зафиксировано 12 хозяйственных ям. В северо-западной части городища обнаружены орудия труда по деревообработке (Кочкаров, Шаманов, 2014), а также наконечник стрелы раннего железного века, керамика.

В рамках исследовательского проекта сотрудниками лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН Л.В. Яворской и Е.Е. Антипиной проведено исследование фрагментов костей со следами обработки из раскопок на Хумаринском городище. Определена анатомическая и таксономическая принадлежность поделочного сырья для 12 индивидуальных находок из косторезной мастерской.

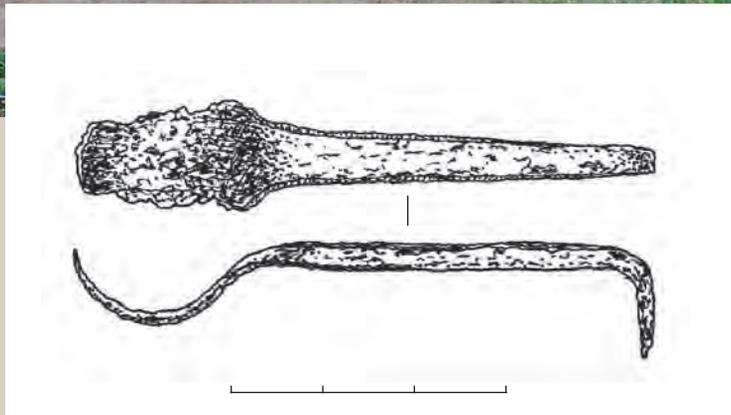
В ходе работ 2017–2018 гг. осуществлена низковысотная аэрофото-съемка территории памятника на площади, превышающей 50 га (Жуковский и др., 2018). Съемка велась мультироторным БПЛА на полнокадровую камеру, обеспечившую высочайшее качество изображения. Благодаря применению сети опорных точек на поверхности получен геометрически кор-

*Вид на Хумаринское городище
с северо-востока*

*Теневая высотная модель
поверхности Хумаринского городища*

ректный ортофотоплан городища в локальной метрической системе координат, что позволяет использовать его как основу для консолидации всех имеющихся в распоряжении исследователей картографических и планиграфических материалов: от архивных схем территории памятника до планов отдельных раскопов и шурфов, исследованных в его пределах за годы научного изучения.

Компьютерная модель позволяет наметить основные принципы, положенные в основу организации пассивной обороны крепости и ее планировочной структуры, определить основные пути подъезда к городищу и входа на его территорию, а также предусмотренные строителями крепости защитные меры и сооружения. Много информации получено в отношении цитадели Хумаринского городища – прослежены искусственное эскарпирование его склонов, следы формирования площадки на вершине и зафиксированы возможные следы фундамента венчавшей холм цитадели постройки.

Виртуальная модель микрорельефа городища позволяет подсчитать число башен (бастионов), включенных в основной оборонительный контур крепости. Их было не менее 19, учитывая цитадель. Отметим, что строителями был в полной мере использован естественный фортификационный потенциал места расположения крепости, которая в прямом смысле этого слова «встроена» в ландшафт. Примечательно, что даже камень для сооружения стен мог добываться прямо на месте – из края скального останца, по периметру которого с помощью компьютерной модели зафиксированы вырубы правильной прямоугольной формы с четкими гранями, однако это предположение еще ждет дальнейшего подтверждения полевыми работами.

Жуковский М.О., Кочкаров У.Ю., Чагаров О.С. Использование высокоточной компьютерной модели поверхности Хумаринского городища для анализа его планиграфии и системы укреплений // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения». Карачаевск, 2018. С. 337–339.

Кочкаров У.Ю. К развитию ремесла на Хумаринском городище, Карачаево-Черкесия // КСИА. 2014. Вып. 236. С. 240–244.

Кочкаров У.Ю., Шаманов И.М. Промыслы и ремесла // Карачаевцы. Балкарцы. М.: Наука, 2014. С. 171–188. (Народы и культуры).

Изделия из косторезной мастерской

Слева: Металлические предметы бытового и военного назначения

Графическая реконструкция инструмента по деревообработке «ложкарь»

Тамги на плите кладки оборонительной стены

А.В. Мاستыкова

Новые данные о средневековом храме и могильнике Горзувиты на Южном берегу Крыма

*Горзувиты-2017 г. Поливная чаша
из храмовой гробницы*

Впервые упоминание о Горзувитах появляется в трактате Прокопия Кесарийского «О постройках» в середине VI в., в котором рассказывается о сооружении по указанию императора Юстиниана двух крепостей – Горзувиты (Гурзуф) и Алустон (Алушта) (Procopius, De Aedificiis, III.VII.11). Руины средневековой генуэзской крепости на склонах горы Дженевет-Кая в юго-восточной части Гурзуфа всегда привлекали внимание ученых, и локализация именно здесь юстиниановской крепости Горзувиты ни у кого не вызывала сомнений.

Первым исследователем памятника был А.Л. Якобсон. В 1951 г. им были выявлены руины храма, который перекрывался более поздней церковью. Нижний храм А.Л. Якобсон датировал VI–VII вв., возможно отчасти VIII в.; верхний – IX–X вв. К западу от храма был открыт могильник и исследовано 10 захоронений, из них 9 отнесено к VIII–IX вв., одно – к VI–VII вв. В X в., как считал исследователь, на могильнике захоронения прекратились, и эта территория стала застраиваться поселением (Якобсон, 1954).

В 2017 г. Гурзуфский отряд Крымской новостроечной археологической экспедиции на территории молодежного центра «Артек» начал спасательные работы на памятнике Горзувиты. Вновь открыты остатки стен двух небольших церквей, из которых верхняя, более поздняя, возведена на развалинах нижней, более ранней. В западной половине храмовой постройки открыта гробница, перекрытая массивными обработанными плитами и выложенная внутри блоками ракушечника. Гробница относится к нижнему, раннему, храму. В ней было похоронено около 20 человек – мужчины, женщины, дети. Все захоронения, за исключением верхнего, были сдвинуты, иногда перемешаны и сопровождались небогатым и малочисленным инвентарем. Возле левой тазовой кости верхнего погребенного лежала перевернутая фрагментированная поливная чаша середины–третьей четверти XIII в. (Голофаст, Мاستыкова, 2018. С. 366, 367).

Гурзуф. Вид на гору Дженеветз-Кая и гору Аю-Даг

Горзувиты-2017 г. Общий вид храма с востока

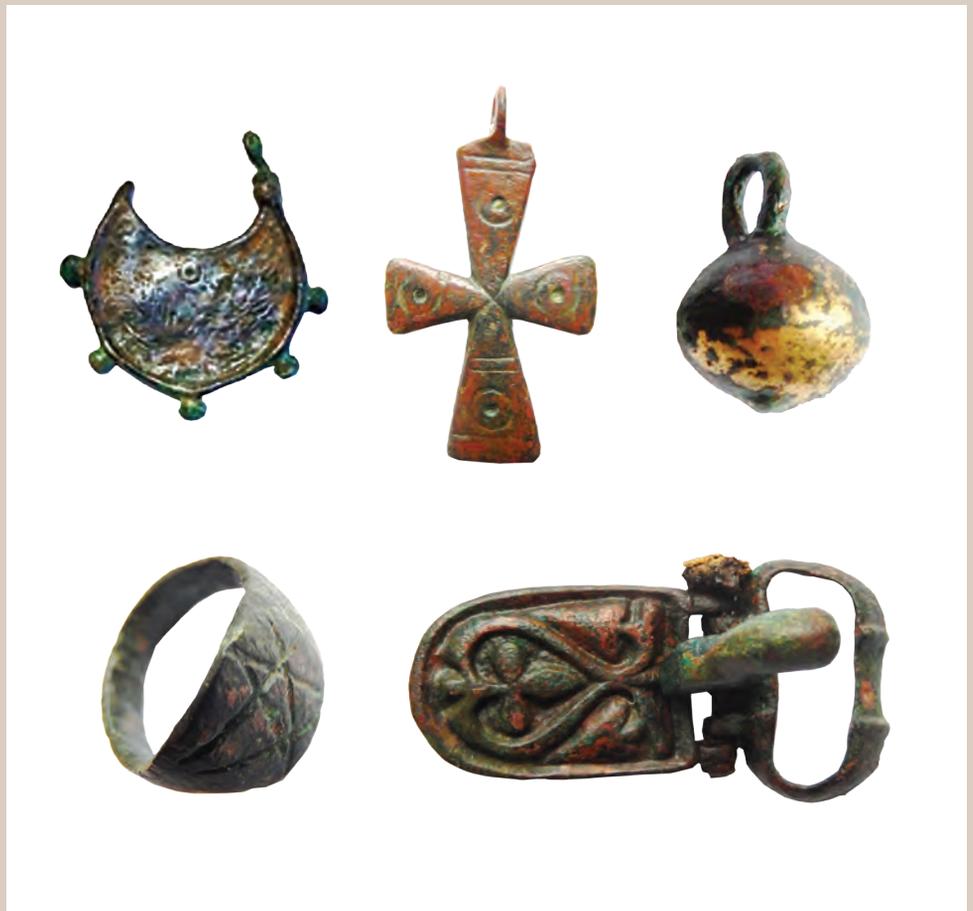
Горзувиты-2017 г. Храмовая гробница в процессе разборки. Вид с юга

Горзувиты-2018 г. Могильник, погребение 12

Горзувиты-2018 г. Погребальный инвентарь из разных захоронений могильника: серьга с пластинчатым щитком в виде лунницы, крестик, бубенчик-пуговка с позолотой, перстень с пентаграммой, пряжка

Новые исследования позволили пересмотреть прежние датировки храмовых построек. Нижняя церковь функционировала еще в XIII в., и вряд ли дата ее постройки может приходиться на VI–VII вв. Верхняя церковь была построена еще позже, о чем свидетельствует найденная в 1951 г. монета золотоордынского хана Узбека (1313–1341) (Мастыкова, 2018. С. 188, 189).

В 2018 г. у западной стены храма открыты две гробницы, перекрытые массивными обработанными плитами. Могилы не содержали вещей, но одна из них имеет конструкцию, аналогичную гробнице в храме, поэтому можно предположить, что данные захоронения также относятся ко второй половине–концу XIII в. Новые раскопки позволили уточнить дату храмовых построек, завершить создание целостного восприятия храмового и околохрамового пространства. Однефный храм с полукруглой абсидой в Горзувитах – рядовой памятник византийской храмовой архитектуры, хорошо известной на Южном берегу Крыма и в Херсонесе. Такие малые храмы, скорее всего, предназначались для нужд только одной общины или рода, выполняли роль домашней церкви и семейной усыпальницы.

В 2018 г. начались планомерные раскопки могильника, открытого в свое время А.Л. Якобсоном западнее храма. Исследовано 24 грунтовых погребения. Они подпрямоугольные в плане, перекрыты массивными плитами, фрагментами черепицы или пифосов; стены могильных ям выложены обработанными плитами, «рваными» необработанными камнями, обработанным ракушечником, целыми керамидами или их фрагментами. Только одно погребение совершено в грунтовой могиле. Поскольку на территории памятника активно проявляются эрозионные, гравитационные и сейсмические процессы, у многих могильных сооружений конструкция нарушена, положение костяков сдвинуто. Выяснено, однако, что умерших хоронили на спине, головами на северо-запад или запад. Обнаружены могилы как с погребальным инвентарем, так и безынвентарные. Предметы погребального инвентаря (пряжки, серьги, перстни, нательные крестики и пр.) относятся к типам, характерным для ранневизантийской традиции.

Могильник, судя по найденным вещам, существовал уже со второй половины VII – начала VIII в., т.е. задолго до времени строительства церкви, и, по всей видимости, функционировал продолжительное время, возможно, вплоть до закладки нижнего храма. Вероятней всего, некрополь на всем протяжении его существования принадлежал одной и той же группе населения, поскольку погребальный обряд оставался практически неизменным.

Горзувиты-2018 г. Стекланные браслеты из погребения 14

Голофаст Л.А., Мастыкова А.В. О поливной чаше в контексте погребального обряда средневековой храмовой гробницы в Горзувитах // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2018. Вып. XXIII. С. 359–395.

Мастыкова А.В. Средневековый комплекс (поселение, базилика, могильник) в Гурзуфе (Республика Крым, Ялтинский округ) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. М.: ИА РАН, 2018. С. 186–191. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 25).

Якобсон А.Л. Разведочные раскопки средневекового поселения Горзувиты // КСИИМК. 1954. Вып. 53. С. 109–120.

Г.В. Требелева

Маркульское городище в Восточной Абхазии

Фотограмметрическая съемка храма и его территории. 2017 г.

Справа: Престол в храме

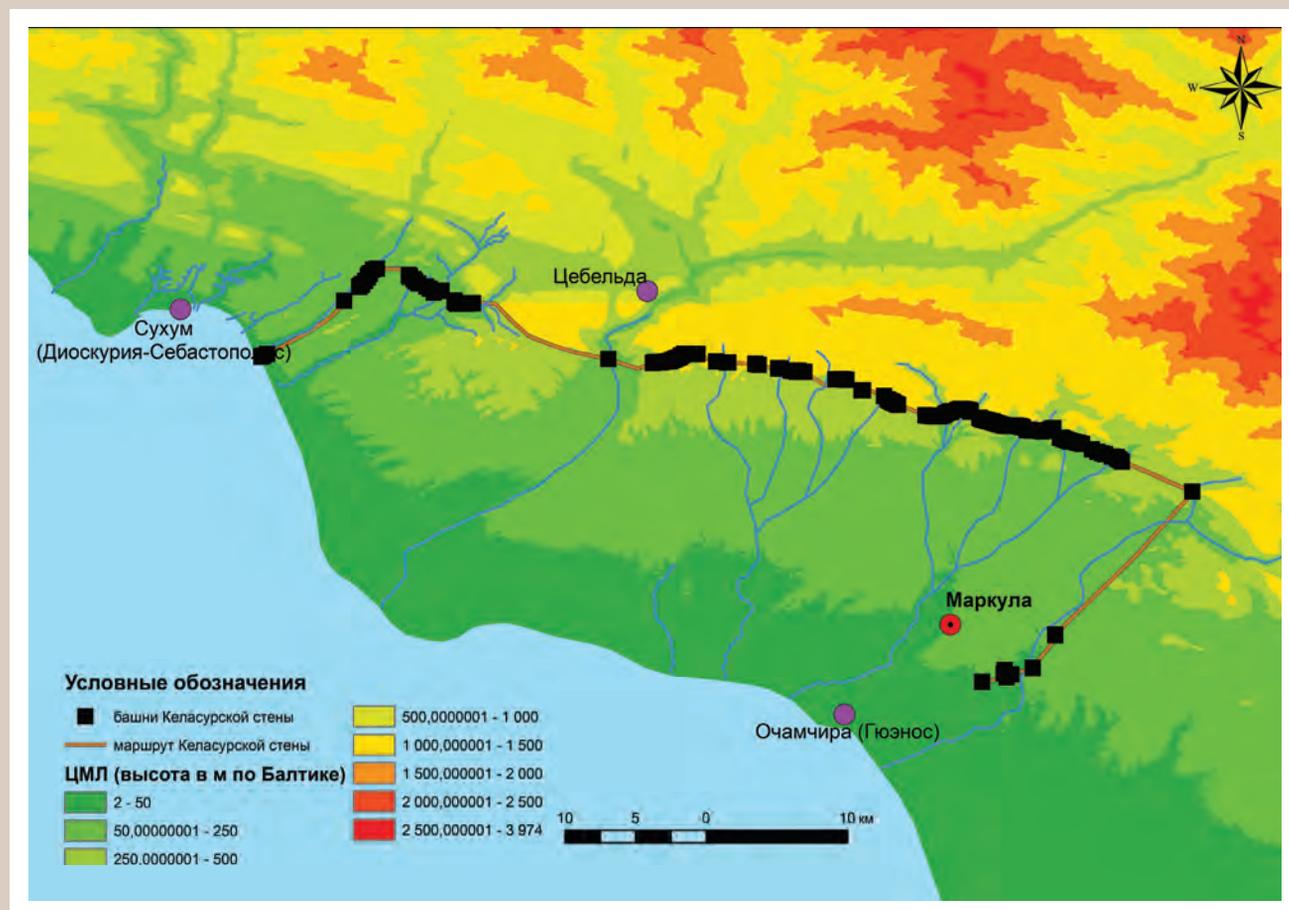
Карта расположения памятника

На территории Восточной Абхазии, в с. Маркула Очамчирского района, в ходе археологических разведок в 2013 г. был обнаружен на двух плато неизвестный ранее комплекс архитектурных остатков. Памятник, представленный храмом и оборонительными сооружениями, был назван «городище Маркула» (Требелева и др., 2015).

Археологический объект расположен на гребне узкого хребта, протянувшегося по линии ЮЮЗ–ССВ на 450 м. С южного и северного краев хребта комплекс ограничивали оборонительные башни: северная в настоящее время разрушена, а южная сохранилась. В центральной части памятника расположены руины одноапсидного храма-базилики. Обнаружены также оборонительные стены: у подножия южного склона и у его края, в конце первого плато и с восточной стороны второго плато. По сообщениям местных жителей, раньше стена располагалась и на западном краю первого плато. Остатки этой стены обнаружены в ходе разведок 2016 г.

Храмовая постройка и ее территория исследованы в 2014–2017 гг. Тогда же заложены разведывательные шурфы на башнях и на юго-восточном склоне городища. Храм общей площадью 17 м² представляет собой небольшую зальную церковь (однефная базилика) с полукруглой апсидой, переходящей в продольные стены без заплечиков. Подобные церкви-часовни с выступающими полукруглыми апсидами встречаются в Абхазии и за ее пределами в IV–VI вв. Кладка нерегулярная, бутовая, с двусторонней обкладкой слегка обработанными блоками. Максимальная высота сохранившихся стен – до 1,5 м. Раскопки храма проводились в 2014 г., при этом вскрыта территория памятника до уровня пола.

В 2015–2017 гг. раскопки продолжены на территории вокруг культового сооружения (внутри храмовой ограды и за ее пределами), где исследованы групповые и индивидуальные погребения. Общими

*Ритуальный керамический сосуд
из погребения. IV–V вв.*

Бусины из захоронений в храме. IV–VIII вв.

*Ювелирные украшения из раскопок храма:
золотое украшение с камнем, серебряная
серьга, медный перстень, серебряный
перстень-печатка*

задачами антропологического исследования на первом этапе стали оценка сохранности костного материала, половозрастная идентификация, оценка встречаемости патологических признаков, определение минимального количества индивидов в коллективных захоронениях, а также изучение степени мобильности группы и рациона питания населения при помощи изотопного анализа зубной ткани.

Храмовые находки представлены наконечником копья в престоле храма, остатками строительной керамики и керамических сосудов из погребений, украшениями, монетами и металлическими предметами быта. В целом храмовый комплекс датируется IV–XIV вв.

Для исследования оборонительных сооружений применен метод фотограмметрии, который позволил подробно исследовать геометрические размеры и архитектурные особенности сооружения, и в первую очередь – хорошо сохранившейся южной башни. В процессе ее исследования выявлены специфические строительно-архитектурные элементы деревянных балочных продольных укрепительных поясов сооружения. В настоящее время балочный каркас не сохранился, но по форме оставшихся проемов можно установить, что балки имели прямоугольное сечение по всей длине размерами 20 × 25 см. Продольные пояса брусьев располагались с внешней и внутренней сторон стены друг напротив друга и были перевязаны через 2,5–2,8 м поперечными балками, от которых в стенах также сохранились сквозные отверстия.

Данную технологию подробно изложил римский архитектор Витрувий в своем труде «Десять книг об архитектуре» (Vitr. De architectura I, V, 3). И точно такой же строительный прием был отмечен при раскопках западного участка приморской стены римской крепости Себастополис (Трапш, 1969. С. 300). В средневековых фортификационных сооружениях Абхазии, относящихся к местной школе, такой прием, как усиление стен продольными поясами балок, на данный момент не зафиксирован. В разведывательных шурфах на башнях городища превалирует керамика позднеантичного–раннесредневекового времени.

Разведывательные шурфовки, проведенные на юго-западном склоне городища в 2016–2018 гг., вскрыли слои некрополя цебельдинского времени (II–VII вв.) и следы поселения эллинистического и римского времени, датированного по немногочисленным находкам чернолаковой керамики и ручкам античных амфор. Чернолаковая посуда и амфоры попали в поселение, по всей идимости, в ходе торговых контактов с античным городищем Гюэнос, расположенным на берегу Черного моря в 20 км к югу от Маркульского городища. Исследование памятника предполагается продолжить.

Фотограмметрическая съемка южной башни городища: снаружи и внутри (см. с. 146). Вид с востока

Серебряная монета Кирманеули из раскопок храма. XIII–XIV вв.

Трапш М.М. Труды. Т. 2: Древний Сухуми. Сухуми: Алашара, 1969. 375 с.

Требелева Г.В., Сакания С.М., Юрков Г.Ю. Маркульский археологический комплекс // КСИА. 2015. Вып. 237. С. 292–301.

Л.А. Беляев, А.Н. Ворошилов, Л.А. Голофаст, С.Б. Григорян

Древности Иерихона: византийский и омейядский периоды на Русском участке

*Светильник с греческой надписью:
ΦΩΣ ΧΡΙΣΤΟΥ ΦΕΝΙ ΠΑΣΙΝΙ
(Свет Христов просвещает всех). Глина.
Середина VI – начало VII/конец VIII в.*

*Музейно-парковый комплекс РФ
в Иерихоне. Вид с юго-востока.
На первом плане – конструкция
над раскопом Иерихонской экспедиции
ИА РАН. 2019 г.*

*Работы по консервации полихромной
мозаики. 2013 г.*

Иерихонская экспедиция ИА РАН работает в Музейно-парковом комплексе Российской Федерации в Иерихоне с 2010 г. Это Иоасафовский участок, полученный в 1880-х годах архимандритом Антонином (Капустиным) и возвращенный России в 1995 г. Здесь открыт комплекс крупного (церковного?) хозяйства византийского и раннего арабского периодов, в состав которого входили монументальные сооружения из кирпича-сырца и тесаного камня с мозаичными полами, бытовые зоны, участок гончарных мастерских. Этот период в Иерихоне изучен недостаточно, и проводимые раскопки стали важной ступенью в развитии исследований.

Экспедиция с 2010-х годов взяла на себя работу по оформлению музейной экспозиции, консервации мозаики, превращению раскопанных участков в музей под открытым небом. При ее консультациях, в целях дальнейшего развития научного и культурного присутствия на Святой Земле, Управление делами Президента РФ и ФГУП «Госзагрансобственность» создали над раскопом постоянную шатровую конструкцию со специальной подсветкой и демонстрационным обходом, построили археологическую лабораторию.

Монографическая публикация первых результатов (Беляев, 2016б) заняла достойное место в ряду трудов по археологии Сиро-Палестинского региона. Осмысление материалов существенно повысило их значимость, были уточнены многие даты и атрибуции, например, базальтовый «лутерий» заново определен как римский мортарий; стилиевой анализ полихромной мозаики дополнил редкие пока в этой области науки литологическое и химическое исследования.

Во второй половине 2010-х годов продолжались камеральные работы с полученными коллекциями и велись точечные натурные исследования с целью прояснить вопросы хронологии, топографии, функции ком-

плексов (Беляев, 2016а). В 2017 г. удалось достичь уровня материка и установить общую глубину слоя (3–3,5 м на южном краю раскопа), выявить промежуточные уровни освоения индустриальной зоны, служившей на протяжении 300–400 лет. Производственные объекты неоднократно перестраивали, они проникают друг в друга, образуя смесь технических инсталляций и слоев отходов. Локусы в большинстве своем дают хронологически и типологически однородные комплексы местной керамики с небольшими включениями привозной и типов, появившихся только в эпоху Омейядов. Мастерские, несомненно, работали и в VI в., в конце византийского (христианского) периода, и после арабского завоевания, в ранний исламский период, до середины VIII в. Установлено, что на участке нет новых форм. Они появляются при династии Аббасидов (750–1258) в связи с проникновением аграрных культур Индии, Персии и Месопотамии, переменами в рационе, способах приготовления пищи и ее подачи.

Особое значение имеет выделение «локуса 12» со слоем, сформированным во второй половине VI – первой половине VII в. Он предварительно определен как выравнивание поверхности для продолжения производства после разрушительного землетрясения 659 г. В этом слое много привозной керамики VI в. средиземноморского происхождения: краснолаковой из района Фокеи, распространенной в VI в. во всем византийском мире, амфоры конца IV – середины VII в., производившиеся на Кипре, Родосе, в Антиохии и Киликии; амфоры типа Газа; полусферические кастрюли и др. Гончарная мастерская (Голофаст, Ворошилов, 2018) возникла не позже второй половины VI в., ее позднюю стадию отмечает слой локуса 12 (после 659 г.), на который поставлен один из последних горнов.

Мастерские появились позже, чем статусный соседний комплекс с многоцветной мозаикой. Нумизматика свидетельствует об освоении участка, по крайней мере, в позднюю римскую эпоху: найдены монеты Хасмонеев и даже более ранние, а древнейшие фрагменты привозной керамики восходят к середине IV – третьей четверти V в., хотя слои или остатки зданий этого времени пока не выявлены.

За прошедший период удалось утвердить археологическое присутствие России в Палестине; ввести в научный оборот гончарный комплекс VI – первой половины VIII в., реконструировав его ассортимент; определить один из участков застройки центра Эр-Рихи (средневекового Иерихона).

Беляев Л.А. Башня Иерихона: объект средневековой археологии в свете традиционных источников // Иерусалимский православный семинар. Т. 6. М.: Индрик, 2016а. С. 15–34.

Беляев Л.А. Византийский Иерихон: раскопки спустя столетие. Материалы Российско-Палестинской археологической экспедиции 2010–2013 гг. М.: Индрик, 2016б. 500 с.

Голофаст Л.А., Ворошилов А.Н. О времени функционирования гончарной мастерской в Иерихоне (по материалам раскопок 2017 г.) // РА. 2018. № 3. С. 97–110.

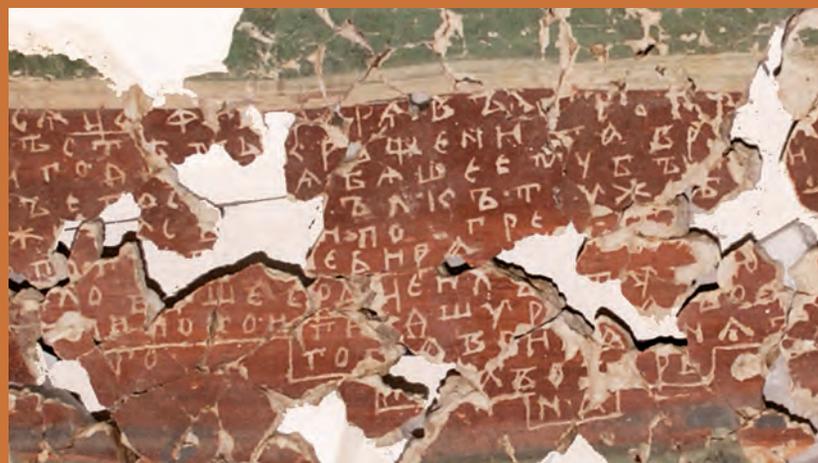

Монета (фоллис) императора Констанция II (337–347), лицевая сторона

Слева: Южная часть раскопа. Слои конца византийского и омейядского периодов. Состояние на 2017 г.

Амфориск. Глина. VI – первая половина VIII в.

Ручка светильника в форме креста. VI – первая половина VIII в. Керамический штамп. VI–VII вв. (?)

Средневековье

Н.А. Макаров, А.В. Энговатова, В.Ю. Коваль

Исследования в восточной части Московского Кремля

*Подковообразная фибула из белого металла.
XI – первая половина XII в.*

В 2014–2018 гг. институтом проведены масштабные изыскания в восточной части Московского Кремля. Выявлены и документированы фундаменты ряда исторических зданий: церкви Благовещения и Алексия Митрополита и Трапезной палаты Чудова монастыря (1680–1686), Малого Николаевского дворца, церкви св. Екатерины Вознесенского монастыря (1817 г., архитектор Карло Росси) (Макаров и др., 2018). По мере прояснения состояния культурного слоя и архитектурно-археологических остатков на разных участках, археологические работы, первоначально имевшие конкретные задачи обеспечения сохранности и документирования отдельных объектов, переросли в крупный исследовательский проект, ориентированный на получение надежных и представительных материалов для реконструкции исторической топографии Московского Кремля и культурного облика средневековой Москвы.

Главным открытием при этих исследованиях стало обнаружение в подвале корпуса № 14 большого участка, непосредственно примыкавшего с запада к несохранившемуся храму Чуда архангела Михаила в Хонех (построен в 1365 г., полностью перестроен в 1503 г.), где сохранились самые нижние горизонты культурного слоя, датирующиеся в интервале второй половины XII – XV в. Наибольший интерес представляет ряд крупных (размерами до 5 x 5 и глубиной до 2 м) погребов, вырытых во второй половине XII в. и прекративших существование в начале XIII в. (но до 1237 г.), с остатками столбовых конструкций крепления стенок. Погребов были перекрыты культурным слоем первой половины XIII в. и отложениями более позднего времени. В домонгольских слоях собрана обширная коллекция обломков стеклянных браслетов, металлических украшений, среди которых выделяется подковообразная фибула из белого металла, датирующаяся по новгородским аналогиям не позже первой половины XII в.

Комплекс Малего Николаевского дворца, Чудова и Вознесенского монастырей до разрушения в 1929 г. Вид с юга

Каменно-кирпичный фундамент Малего Николаевского дворца. XIX в.

Фундамент церкви Благовещения и Алексия Митрополита (1680–1686), сложенный из белокаменных надгробий XVII в.

Разрез погребя второй половины XII в., с перекрывающими слоями XIII–XV вв., просевшими в котлован

Погреб домонгольской эпохи, в заполнение которого впущен белокаменный фундамент XVI–XVII вв. от пристройки к Михайлоархангельскому собору

Часть фундамента XVI–XVII вв. с обломком белокаменного наличника от храма XIV или XV в.

Справа: Белокаменная литейная формочка с кириллическими буквами (домонгольской эпохи) и белокаменный гадательный кубик с гравированными сакральными знаками

Обломки импортной поливной (из Ирана, Золотой Орды и Крыма) и тисненой хорезмийской керамики. XIV в.

Однако другой столь же ранний материал здесь не выявлен, что не позволяет датировать отложение слоя ранее второй половины XII в.

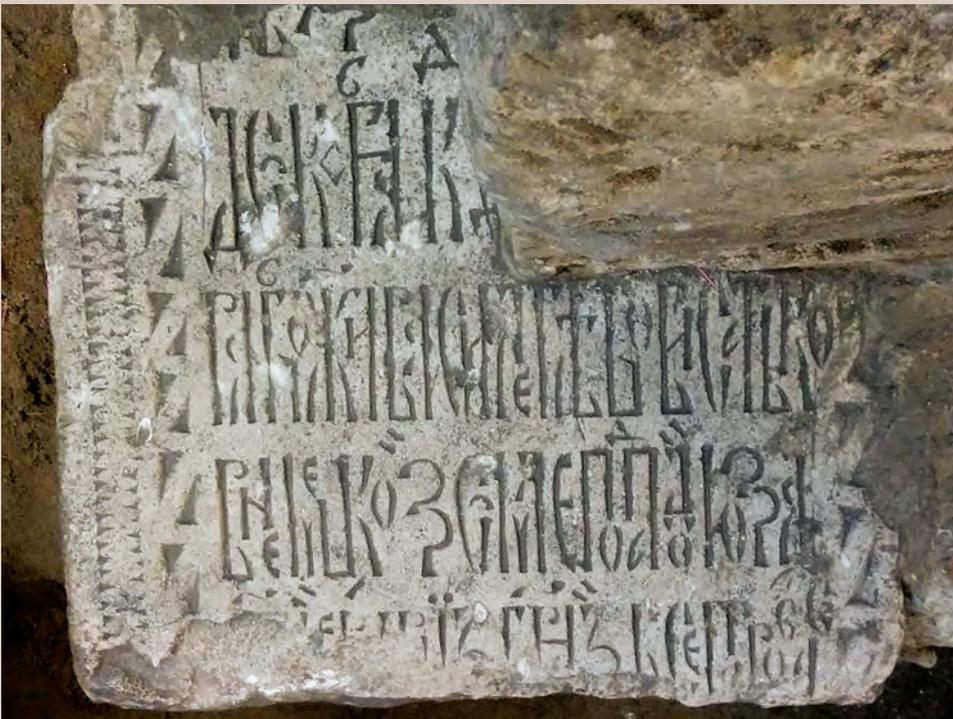
Чрезвычайно интересна белокаменная литейная формочка с прорезанными буквами, обнаруженная в слое домонгольской эпохи, – древнейший памятник письменности и грамотности на территории Москвы. Неподалеку от нее в том же слое найден другой уникальный белокаменный предмет – гадательный кубик с отверстием и гравированными знаками (свастика, спираль, решетка).

В слоях и остатках сооружений золотоордынской эпохи на той же территории найдены предметы импорта – свинцовая текстильная пломба из западнофландрского города Диксмёйде, обломки восточной импортной керамики из золотоордынского Поволжья, Крыма, Хорезма, Ирана, а также фрагмент сирийского стеклянного кубка с росписью полихромными эмалями и золотом. Таких вещей не настолько много, чтобы рассматривать изученный участок в качестве сколько-нибудь выделяющегося на фоне других

кремлевских усадеб. Скорее можно говорить о среднем для Кремля уровне насыщенности импортами. Таким образом, жизнь в этом месте не только не приостановилась после разорения 1238 г., но продолжалась с ничуть не меньшей интенсивностью.

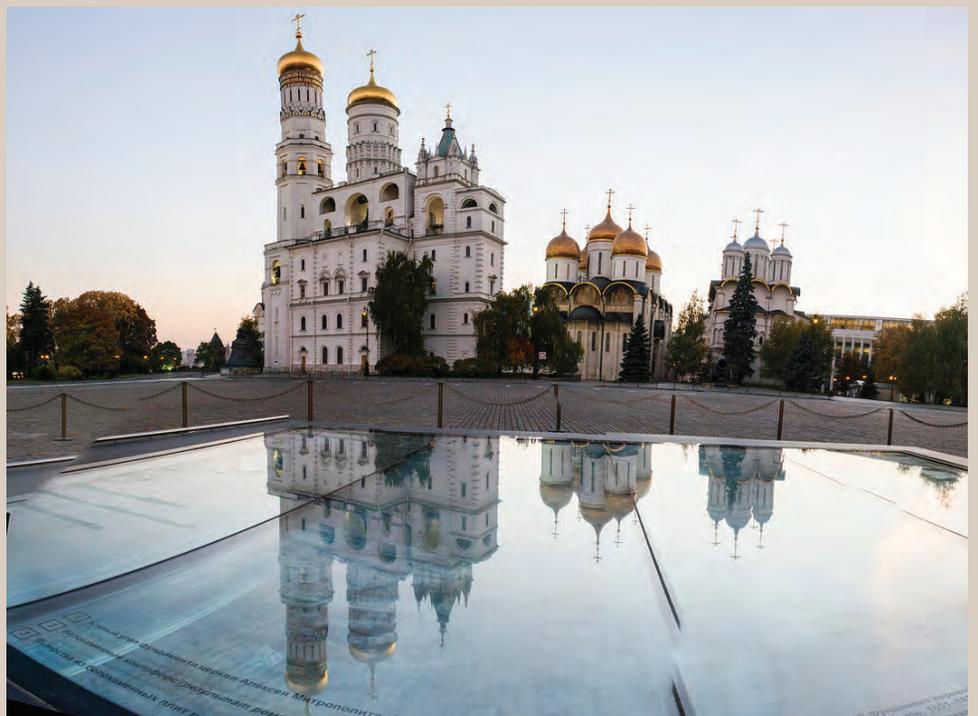
Этап строительства Михайлоархангельского собора в 1365 г. удалось зафиксировать по прослойке белокаменных отёсков, перекрывших более ранние напластования. От более поздних периодов жизни Чудова монастыря на исследованном пространстве сохранилось только два вида древностей – части белокаменных фундаментов от пристроек к собору, создававшихся в XVI–XVII вв., и погребения монастырского кладбища. Среди фундаментов особенно интересен один – в нем вторично был использован белокаменный наличник окна с килевидным завершением, который можно связывать с остатками одного из ранних соборов, разобранных при позднейших перестройках.

*Белокаменный саркофаг XVI в.
с захоронением*

*Надгробие Василия Салтыкова (1572 г.)
в фундаменте колонны 1929–1932 гг.*

*Музейные окна на Ивановской площади
Московского Кремля*

В числе 120 погребений монастырского кладбища второй половины XIV – XVII в. выявлена серия захоронений с керамическими поливными чашечками-елейницами, характерным атрибутом московской погребальной традиции. Обнаружены также части пяти белокаменных саркофагов XV–XVI вв. и два женских захоронения XVII в. с волосниками, украшенными вышивками (с изображениями единорогов, оленей, павлинов). Начатое антропологическое изучение костных останков из погребений позволило установить, что большинство похороненных у стен собора (90%) были мужчинами с выраженными признаками занятий военным делом (характерные травмы, деформации костей). Солидный для того времени возраст погребенных (40–50 лет) свидетельствует о высоком качестве их жизни. На элитарность данной группы указывали и следы заболеваний, связанных с нарушениями обмена веществ, вызванных преобладанием мясной пищи в рационе питания.

Таким образом, не остается сомнений в том, что на исследованной части кладбища были захоронены представители старомосковской военно-служилой аристократии (Добровольская и др., 2017). Персональная идентификация погребенных невозможна, поскольку белокаменные надгробия, отмечавшие могилы, были сняты со своих первоначальных мест, часть из них была использована в кладках фундаментов Военной школы имени ВЦИК. Среди них – надгробие Василия Глебовича Салтыкова, убитого в декабре 1572 г. при взятии крепости Пайда (Вейсенштейн, в Ливонии, на территории современной Эстонии) в ходе Ливонской войны (1558–1583).

Собранные при археологических изысканиях на месте Чудова и Вознесенского монастырей материалы содержат в себе еще большой информационный потенциал, который предстоит раскрыть в ходе дальнейших исследований.

Остатки разрушенных в советское время кремлевских построек, открытых раскопками Института археологии, экспонируются в музейных окнах на Ивановской площади. В одном из них музейефицированы кладки цокольной части церкви Благовещения и Алексия Митрополита и Трапезной палаты Чудова монастыря (1680–1686), в конструкциях которых использованы надгробия первой половины XVII в., в том числе надгробие «Чудова монастыря слуги» Павла Богдана Родионова (1629 г.) и плита Семена Ратмана Андреевича Вельяминова – представителя аристократического рода Вельяминовых-Зерновых, военачальника эпохи Смуты (1625 г.). В другом музейном окне законсервирован фрагмент цокольного участка западной наружной стены Малого Николаевского дворца с чередованием кирпичных и белокаменных кладок. Создание музейных окон в Московском Кремле – первый в Москве опыт демонстрации в специальных инженерных сооружениях остатков исторических построек, позволяющий вернуть в современную городскую среду подлинные элементы наследия, знаковые для национальной исторической памяти.

Фрагмент волосника с единорогами и реконструкция лица женщины, погребенной в этом волоснике

Алешинская А.С., Борисов А.В., Кочанова М.Д. Результаты палеопочвенных и палинологических исследований культурного слоя в восточной части Кремлевского холма // Материалы междисциплинарной научной конференции «Археология и естественные науки в изучении культурного слоя объектов археологического наследия». М.: Тов-во науч. изд. КМК, 2018. С. 16–23.

Добровольская М.В., Медникова М.Б., Решетова И.К., Тарасова А.А., Васильева Е.Е., Энговатова А.В. Об антропологическом своеобразии людей, погребенных в некрополе Чудова монастыря (предварительное сообщение) // КСИА. 2017. Вып. 249. С. 18–27.

Макаров Н.А., Энговатова А.В., Коваль В.Ю., Модин Р.Н. Раскопки в восточной части Московского Кремля в контексте изучения городов Северо-Восточной Руси XII–XIII вв. // РА. 2018. № 4. С. 95–113.

П.Г. Гайдуков, О.М. Олейников, А.В. Богомолов

Новейшие археологические открытия в Великом Новгороде

*Квадрифолий-реликварий
с перегородчатой эмалью. XII в.*

С 2008 г. экспедиция института проводит раскопки в Великом Новгороде. В 2018 г. археологические работы были сосредоточены на Торговой стороне города. Наиболее значимые результаты дал раскоп по ул. Знаменская, 15. Площадь его – 144 м² при мощности культурного слоя до 5,3 м. Вещевая коллекция раскопа насчитывает более 5600 индивидуальных находок из черного и цветного металлов, кости, янтаря, стекла, камня и глины. Собрано около 300 тыс. массовых находок, в числе которых фрагменты керамических сосудов, обрезки кожи и разнообразный остеологический материал. Изучение культурных напластований дало значительную и разнообразную информацию о времени первоначального освоения и заселения этой части средневекового Новгорода; получены новые данные о планировке усадеб и особенностях материальной культуры жителей XI–XVIII вв.

Начало освоения территории, впервые разделенной плетневыми оградами на участки, относится к концу X в., а первоначальное разграничение на усадьбы датируется первой половиной XI в. Проведенные исследования позволили не только наметить трассы двух средневековых улиц (Варяжская, Блудова). Кроме того, в южной части исследуемого участка обнаружена мостовая древней улицы Павлова, которая в средневековье, согласно летописным источникам, пересекала Торговую сторону Великого Новгорода от р. Волхов до Павлова монастыря. Открытие средневековых улиц и оборонительных сооружений XIV в. в южной части Славенского конца позволило уточнить историческую топографию этой части средневекового Новгорода (Гайдуков, Олейников, 2018; Гайдуков и др., 2019).

На раскопе прослежено две усадьбы, выгороженные частоколом, вдоль которого располагались жилые и хозяйственные постройки. Об интенсивной жизни на усадьбах в XI–XII вв. свидетельствуют многочисленные находки, в том числе арабские и западноевропейские монеты. Редкая

Раскоп Знаменский 15. Слой середины XIV в.

План расположения средневековых улиц.
Культурный слой середины XI в.

— примерное прохождение средневековых улиц — наблюдения С.Н. Орлова

находка – заготовка деревянной церы, дощечки, покрываемой воском и используемой как поверхность для письма.

В начале XIII в. произошло запустение территории, связанное, вероятно, с мором 1216 г. В середине XIII в. вновь возникает деление участка на усадьбы. Хозяйственные и жилые постройки на них примыкали к оградкам, образуя внутренний двор со следами мощения.

Собрана представительная коллекция находок второй половины XIII – XV в., в том числе 11 вислых свинцовых печатей: новгородских архиепископов и их наместников, новгородского посадника и городской администрации, князей и их представителей. В слое XIV в. найдена уникальная печать княжеской сотни с надписью: КНЯЖА СЪТА – ФЕДОВА ПЕЧАТЬ. Впервые обнаружены русские свинцовые товарные пломбы конца XIII – XIV в. Из слоя начала XIV в. происходит вдвунная трубка средневековой волынки и скопление западноевропейских зеркал в деревянных оправках. В слое середины XIV в. впервые в Новгороде найдены два пеннинга короля Магнуса Эрикссона – яркие свидетельства новгородско-шведской войны 1348–1349 гг.

Судя по значительной концентрации статусных находок (берестяные грамоты, монеты, вислые свинцовые печати, товарные русские и западноевропейские пломбы, зеркала, оружие, музыкальные инструменты), можно заключить, что на исследуемой территории проживали зажиточные люди, имевшие отношение к торговле и властным структурам.

Заготовка церы из дерева

Нательный крест

Слева: Находки из слоев XII–XIV вв.: амулет-топорик, накладка; булавка, вдвунная трубка волынки; западноевропейское зеркало; дирхем и подражание дирхему, западноевропейские денарии, свинцовые вислые печати, древнерусские пломбы

Гайдуков П.Г., Олейников О.М. Великий Новгород. Торговая сторона (2017 г.) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. М.: ИА РАН, 2018. С. 90–97. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 25).

Гайдуков П.Г., Олейников О.М., Богомолов А.В., Исаев А.А., Короткова Е.В., Чайковский О.Л. Археологические исследования на Торговой стороне Великого Новгорода в 2017 г. (раскопы: Посольский-2016; на ул. Маницына, 9А; в южной оконечности Славенского конца; на наб. Ал. Невского; на территории парка 30-летия Октября) // Новгород и новгородская земля. История и археология. Вып. 32. Великий Новгород: Новгород. музей-заповедник, 2019. С. 60–65.

П.Г. Гайдуков, О.М. Олейников, А.А. Исаев

Древнейший некрополь в Великом Новгороде

*Печать князя Ярополка (Ивана)
Владимировича (1082–1139)*

*Справа: Раскоп на ул. Обороны, 2.
Могильные ямы первой половины XI в.*

Древнерусские пломбы. Конец XI – XII в.

*Византийские свинцовые печати.
Вторая половина XI – XII в.*

В 2017 г. экспедиция института проводила исследования в южной части Софийской стороны, за пределами вала и рва Окольного города на ул. Обороны, д. 2. Эта территория в источниках XVI–XVII вв. называлась Алексеевской слободой или Алексеевским запольем.

Площадь раскопа составляла 560 м² при мощности культурного слоя около 1 м. В ходе археологических работ выявлены древнейшие грунтовые погребения, датирующиеся первой половиной XI в. Они находились в северо-западной части раскопа, где обнаружено шесть могильных ям, расположенных в ряд с небольшим изгибом, повторяющим, вполне вероятно, линию ограды. Можно предположить, что западнее от могильника было некое строение, возможно, часовня или церковь.

Могильные ямы имели прямоугольную в плане форму и были углублены в материк на 30–50 см. От погребенных сохранились только зубы и зубная эмаль. Однако антропологические исследования, проведенные д.и.н. М.В. Добровольской, позволили установить, что среди погребенных были дети 6–7 и 10–12 лет, подросток 15–19 лет, а также взрослые. В пяти захоронениях сохранился погребальный инвентарь: фрагменты лепных керамических горшков; два целых стеклянных сирийских браслета, шаровидные бусины из зеленого стекла и горного хрусталя; бронзовый шаровидный бубенчик с крестовидной прорезью; серебряные серьга в виде проволочного кольца с сомкнутыми концами, круглая подвеска, выполненная в технике зерни и скани с орнаментом из четырех волют, круглая пластина, вырезанная из арабского дирхема, проволочное кольцо с завязанными концами и с тремя бусинами (стеклянной и двумя сердоликовыми), еще от одного проволочного кольца с заходящими концами сохранился только окисел.

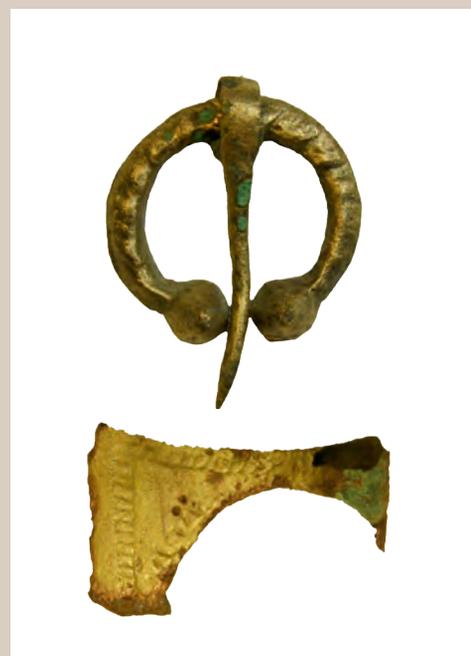
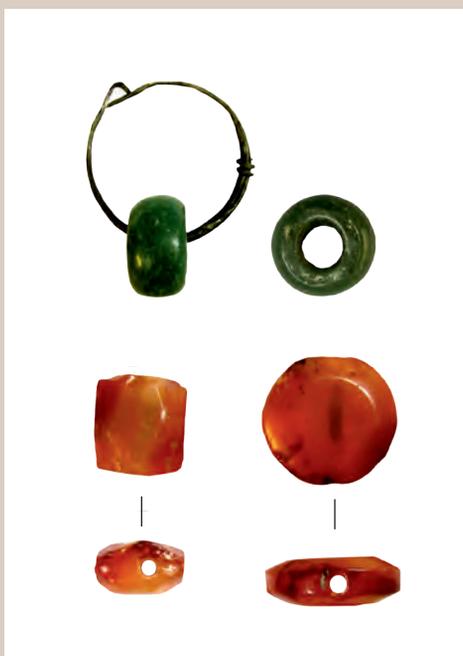
Уже к концу XI в. кладбище было забыто, и на этом месте возникли усадьбы, выгороженные частоколами. Археологические исследования

Погребение 2. Рабочий момент расчистки могильной камеры

Находки из погребений: стеклянные сирийские браслеты; проволочное кольцо с стеклянной бусиной, сердоликовые бусины; бронзовые фибула и амулет-топорик

показали, что в конце XI – XII в. здесь, на некотором удалении от городских кварталов, существовало небольшое поселение, связанное с торговой или таможенной деятельностью. В процессе раскопок на этой территории собраны разные украшения, предметы личного благочестия. В богатую сфрагистическую коллекцию вошли 18 печатей (3 древнерусских и 15 византийских) и 28 пломб конца XI – XII в.

Древнерусские печати с изображением на одной стороне св. Иоанна Крестителя, а на другой – четырехстрочной греческой надписи «Господи помоги рабу твоему Иоанну», принадлежат переяславскому и киевскому князю Ярополку (Ивану) Владимировичу (1082–1139), сыну Владимира Всеволодовича Мономаха и младшему брату новгородского князя Мстислава Владимировича (1096–1117). В Новгороде печати этого князя обнаружены впервые, ранее их находили преимущественно в Южной Руси.

Византийские печати на северо-западе России находят довольно редко. В Новгороде и его окрестностях до 2017 г. их зарегистрировано около 50. Тем больший интерес представляет скопление из 15 византийских булл, обнаруженных на поселении вне городской территории. Подобная концентрация византийских печатей зафиксирована в Новгороде впервые.

Древнерусские пломбы – частые находки в Новгороде (Олейников, Гайдуков, 2018). На некоторых предметах из рассматриваемого раскопа помещены изображения святых в полный рост, что большая редкость для изобразительных сюжетов этого вида древностей.

Вероятно, уже во второй половине XII в. поселение прекратило свое существование. Запустение обнаружено на многих новгородских раскопах (Гайдуков, Олейников, 2011. С. 42; Олейников, 2016. С. 86). На изучаемой территории лишь в конце XIV в. возобновляется усадебная застройка. В поздних слоях собрана коллекция находок, среди которых выделяются печати великого князя Василия Дмитриевича (1389–1425) и Кирилла Дмитриевича (†1415) – новгородского тысяцкого, в конце жизни – посадника.

Подвеска серебряная из погребения 2 и ее аналогия из Гнездовского клада 1868 г.

Нательный крест

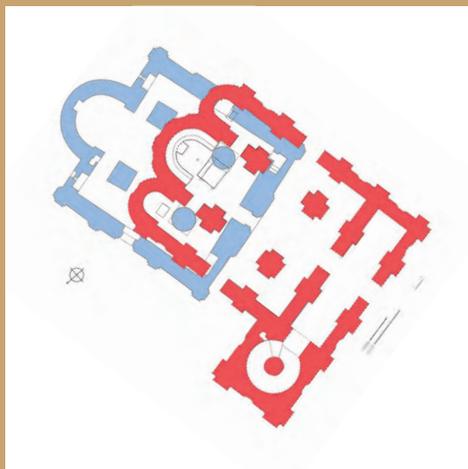
Гайдуков П.Г., Олейников О.М. Работы в северо-западной части Людина конца Великого Новгорода в 2010 г. (Десятичный IV раскоп) // Новгород и новгородская земля. История и археология. Вып. 25. Великий Новгород: Новгород. музей-заповедник, 2011. С. 40–43.

Олейников О.М. Исследования в северо-западной части Неревского конца средневекового Новгорода в 2011 г. (раскоп Конюшенный-1) // КСИА. 2016. Вып. 243. С. 77–91.

Олейников О.М., Гайдуков П.Г. Древнерусские пломбы и торгово-хозяйственные связи Новгорода с восточными районами новгородской земли (по материалам Лукинского-2 раскопа 2012 г.) // Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Свод источников и исследований. Ч. I. Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург: Институт археологии Севера, 2018. С. 274–303.

Вл.В. Седов, М.В. Вдовиченко

Работы архитектурно-археологического отряда в Великом Новгороде

Совмещение планов храмов Благовещения на Городище: красным – храм XII в., синим – храм XIV в.

Церковь Благовещения на Городище: храм XIV в. и раскрытые раскопками фундаменты храма XII в. Фото 2016 г.

Фрагменты фресок с личным письмом. Церковь Благовещения на Городище. Начало XII в.

Основные работы Новгородского архитектурно-археологического отряда ИА РАН с начала 2000-х годов сосредоточены в новгородских пригородных монастырях. В 2016–2017 гг. отряд выполнил комплексные исследования церкви Благовещения на Городище в качестве начального этапа работ по музеефикации памятника XII–XIV вв. Раскопки велись также в одном из древнейших, но малоизученных археологами монастырей Северной Руси – Юрьевом, и на территории совсем неизвестного с археологической точки зрения Ситецкого Андреевского монастыря XIV в., расположенного в юго-восточных пригородах Новгорода.

На территории церкви Благовещения на Городище были раскрыты и изучены находившиеся под землей кладки храма 1103 г. – второго по древности после новгородского Софийского собора каменного храма Новгорода, построенного и богато декорированного по заказу новгородского князя Мстислава Великого (Седов, 2019). Особенностью работ стало расположение половины исследуемого участка внутри сохранившихся стен храма Благовещения 1340-х годов, сооруженного по повелению московского князя Симеона Гордого на месте разрушенного древнего здания.

В результате расчищены и законсервированы сохранившиеся на глубине 1,5 м фундамент и нижние части стен наоса (Вдовиченко, 2019), очертания абсид, крещатые столбы, нижние фрагменты двух первоначальных престолов и епископского места с сохранившимися на них фресками, а также первоначальный пол храма начала XII в. Раскрытые кладки дали возможность значительно дополнить реконструкцию плана домонгольского памятника, выполненную первым исследователем Благовещения на Городище – М.К. Каргером. Этот величественный шестистолпный храм, возвышавшийся некогда на берегу Волхова над деревянными строениями княжеской резиденции, ставший начальным и ключевым сооружением новгородской архитектуры XII в., теперь можно увидеть.

Составленный фрагмент фрески с граффити. Надпись повествует о смерти князя Всеволода Мстиславича в Пскове. Церковь Благовещения на Городище. Начало XII в.

Гробница святителя Феоктиста в Георгиевском соборе Юрьева монастыря. XVIII в. Фото 2015 г.

Справа: Интерьер Георгиевского собора. Вид на восточную часть. 2016 г.

В процессе раскопок собрана уникальная многотысячная коллекция фрагментов первоначальной фресковой росписи начала XII в., включающая как личное, так и орнаментальное письмо. Неожиданным стало обнаружение на фресках большого числа ранних надписей-граффити, среди которых филологам удалось прочесть самую длинную из известных до сих пор глаголическую надпись, а также корректирующую летописные сведения надпись об обстоятельствах смерти в 1138 г. в Пскове сына основателя храма – князя Всеволода Мстиславича. Раскрытые конструкции 1103 г. стали основой для музеефикации церкви Благовещения на Городище, а собранная коллекция фресок и других археологических находок может послужить поводом для новой волны изучения новгородской княжеской резиденции и ее художественной и бытовой жизни начала XII в.

Исследования Георгиевского собора Юрьева монастыря, ведущиеся отрядом ИА РАН с 2013 г. на средства грантов РГНФ–РФФИ (Седов, Вдовиченко, 2019), принесли новые сведения о ранней истории новгородских монастырей и их архитектуре. В интерьере собора под поздней засыпкой, полностью состоявшей из фрагментов сколотых со стен фресок XII в., обнаружены относящиеся к первоначальному устройству

богослужебного пространства конструкции – синтрон, престолы, следы иконостасов, а также полиогромных белокаменных плит. Одно из интереснейших открытий интерьерных работ – гробница новгородского святителя Феоктиста, в 1310 г. погребенного в Благовещенском соборе монастыря на Мячине, а в 1786 г. перезахороненного в Георгиевском соборе. Место его упокоения в советское время было утеряно. При понижении пола в соборе гробница была расчищена, в ней обнаружены останки святителя в том виде, в котором он был положен на новое место упокоения в 1786 г. Кости лежали на шелковой ткани с вышитым золотой нитью крестом и укрыты парчовым платом. Сама гробница XVIII в. была устроена в виде двухступенчатой конструкции, снаружи украшенной росписью, имитирующей декорацию розовым мрамором. Сверху была положена белокаменная плита с надписью, повествующей об обстоятельствах перезахоронения святителя Феоктиста.

Археологические работы, выйдя за пределы интерьера собора на участки, примыкающие к его фасадам, показали наглядную картину бытования многовекового монастырского кладбища (Седов, Вдовиченко, 2019). Под фундаментными конструкциями северного придела раскрыты погребения XVIII–XIX вв., ниже которых – средневековое кладбище. С северной и южной сторон от собора вдоль его стен с XII в. устраивались грунтовые захоронения под каменными плитами со своеобразными «каннелюрами» и без них, а также захоронения в каменных сборных саркофагах. На кладбище вокруг Георгиевского собора были погребены как мужчины, так и женщины, как люди в монашеском чине, так и умершие в миру. Таким образом, в Юрьевом монастыре обнаружено и изучено одно из мест упокоения членов виднейших боярских новгородских фамилий.

Начатые в 2013 г. раскопки руин церкви Андрея на Ситке постройки 1371 г. еще продолжают, раскрывая ежегодно небольшие участки сохранившихся под землей кладок. Миниатюрный шедевр новгородской архитектуры времени расцвета, разрушенный в начале Великой Отечественной войны, совершенно исчез с поверхности земли к 2000-м годам. Раскопки памятника дают объективное представление об особенностях его архитектуры и вводят церковь Андрея на Ситке в научное пространство архитектурной истории Новгорода XIV в.

Руины церкви Андрея на Ситке в весеннее половодье. 2016 г.

Церковь Андрея на Ситке. Южная часть интерьера храма. 2015 г.

Вдовиченко М.В. Фундаменты древней церкви Благовещения на Городище в контексте новгородского и южнорусского строительства рубежа XI–XII вв. // Архитектурная археология. Вып. 1. М.: ИА РАН, 2019. С. 70–81.

Седов Вл.В. Основные результаты раскопок церкви Благовещения на Городище в 2016–2017 гг.: археология и архитектура // Архитектурная археология. Вып. 1. М.: ИА РАН, 2019. С. 10–34.

Седов Вл.В., Вдовиченко М.В. Археологические работы в церкви Благовещения на Городище и Георгиевском соборе Юрьева монастыря в 2017 году // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 32. Великий Новгород: Новгород. музей-заповедник, 2019. С. 40–59.

А.В. Энговатова

Рубленый город: исследование городища и некрополей средневекового Ярославля

Костяной резной крест из раскопок на территории Рубленого города в Ярославле. Фото находок: А. Бронников

С 2004 г. Институт археологии РАН проводит исследования в историческом центре Ярославля. Спасательные археологические работы ведутся на мысу при слиянии рек Волга и Которосль, где в начале XI в. был основан город. В письменных источниках XVII в. изначальный детинец древнего Ярославля именовался «Рубленным городом». Изучены археологические комплексы и объекты, позволившие существенно дополнить и уточнить летописные свидетельства, внести ясность в отдельные проблемы истории разных периодов существования города, в том числе датировку фортификации (Энговатова, 2015).

С 2017 г. продолжены исследования, проводившиеся в 2007–2012 гг. в северной части городища (раскоп «Волжская набережная, д. 1»), где выявлено большое количество артефактов, позволяющее говорить о статусности данного участка в пределах Ярославля. Это фрагменты импортных стеклянных сосудов, впервые найденные в Ярославле княжеские вислые свинцовые печати. В 2017 г. здесь же обнаружена пятая печать, принадлежавшая женщине.

Три из печатей связаны с известными по письменным источникам историческими личностями конца XII – первой половины XIII в.: первым ярославским князем Всеволодом Константиновичем (1210–1238), его матерью, женой великого князя Константина Всеволодовича (1216–1218) Марией. Еще одна печать, владельца которой удалось установить, принадлежала смоленскому епископу Афанасию (Энговатова, Гайдуков, 2016).

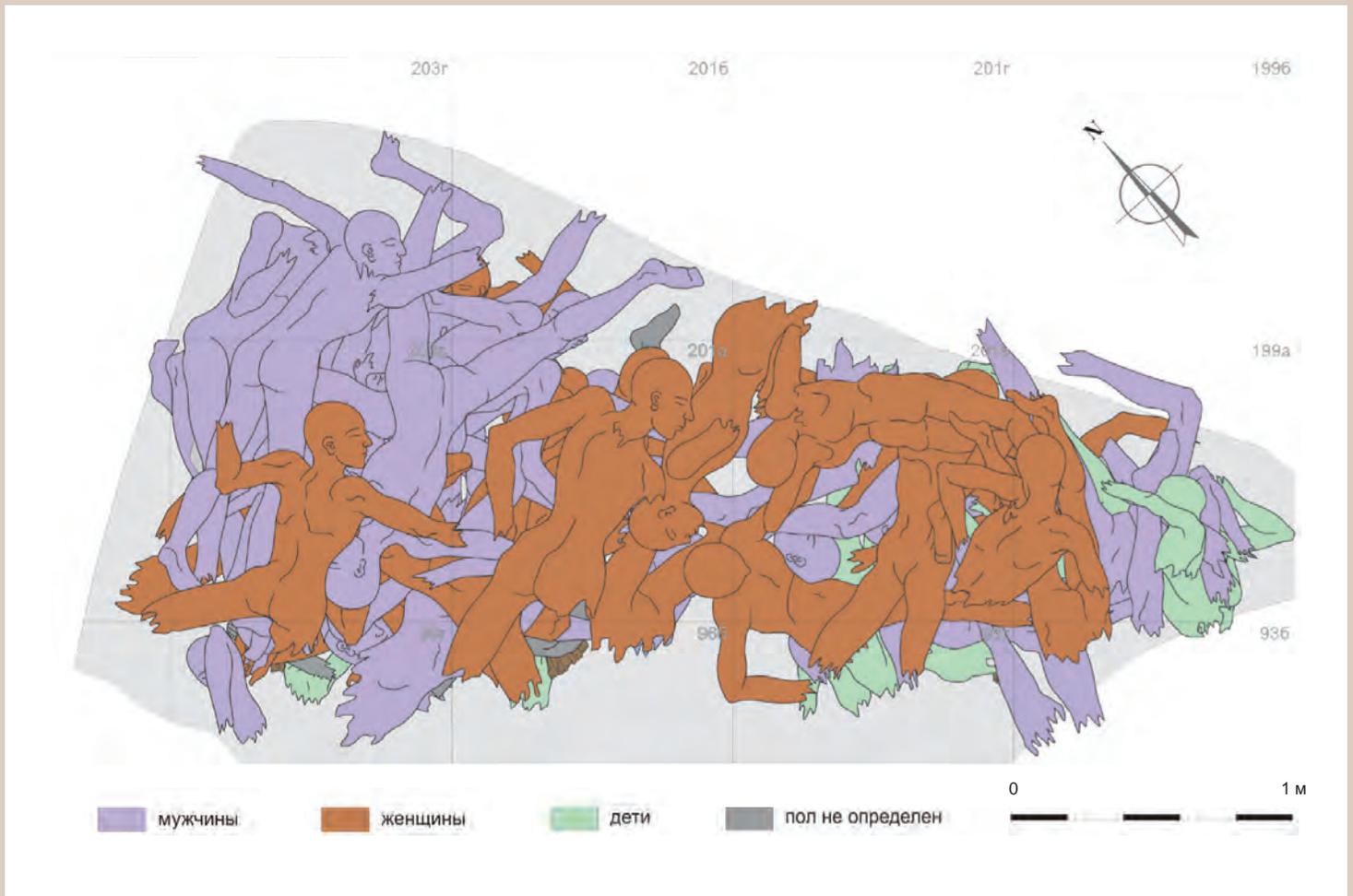
Продолжены исследования выявленного в пределах раскопа некрополя ц. Иоанна Златоуста, которая была построена в 1690 г. (на месте ранее стоявшей здесь деревянной) и снесена в 1931 г. На этом кладбище до второй половины XVIII в. погребались прихожане церкви, жившие на территории Рубленого города (изучено 280 могил). Некрополь характеризуется высокой плотностью захоронений, расположенных в 5–7 ярусов.

Вислые печати из раскопок на территории Рубленого города в Ярославле: слева – первого ярославского князя Всеволода (Иоанна Константиновича); справа – смоленского епископа Афанасия. Начало XIII в.

Костяные шахматные фигурки из раскопок на территории Рубленого города в Ярославле

Стеклянные бусины и пронизки. Конец X – начало XII в.

Судя по стратиграфии, планиграфии погребений, а также по типологическим особенностям погребальных конструкций и анализу инвентаря, некрополь функционировал с конца XV в.

Благодаря «мокрому» слою в нижних ярусах сохранились деревянные гробы, что позволило провести дендрохронологические исследования и подтвердить датировку начального этапа формирования некрополя. Получена представительная антропологическая выборка, характеризующая городское население исторического города на протяжении средневековья и Нового времени.

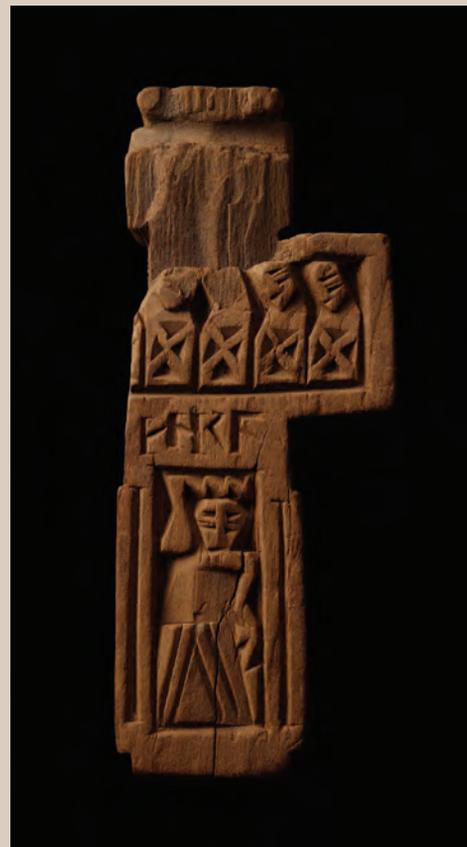
В древнем центре Ярославля собрано несколько тысяч индивидуальных археологических находок. Раскопки проводились с ручной переборкой, также была организована промывка грунта на участках, представлявших наибольший научный интерес. В разных частях детинца выявлены материалы XI в. В двух случаях локализованы стоянки эпохи неолита, относящиеся к позднему этапу льяловской культуры.

В ходе исследований установлено, что в начале XIII в. Рубленый город был занят плотной жилой застройкой. Домонгольские слои оказались не только не разрушены позднейшими перекопами, но и довольно хорошо сохранились на отдельных участках. Многочисленные вещевые материалы свидетельствуют о расцвете Ярославля в этот период.

Найдены фрагменты первого каменного здания Ярославля – Успенского собора, построенного князем Константином Всеволодовичем в 1215 г. Среди находок – крупные блоки плинфяной кладки, поливные плитки пола, фрагменты белокаменной резьбы. Локализовано место расположения первого каменного Успенского собора, поиски которого велись разными исследователями в течение нескольких десятилетий.

Значительная керамическая коллекция домонгольского периода представлена в том числе и материалами из закрытых комплексов (коллективные захоронения 1238 г.), что позволило выделить специфические черты ярославской керамики этого времени: большой процент чаш, стаканов и крышек; наличие значительного количества венчиков некоторых вариантов; малая доля орнаментированной посуды (Энговатова, Кадиева, 2018).

Работами Ярославской экспедиции выявлены следы городской застройки XII–XVIII вв., исследованы деревянные конструкции (срубы, настилы, частоколы и др.), заглубленные в землю объекты (хозяйственные ямы, подклеты, ледники, колодцы), развалы печей. В настоящее время раскопки в Ярославле продолжаются.

Деревянный резной нательный крест из раскопок на территории Рубленого города в Ярославле

Слева: Графическая реконструкция коллективного захоронения жителей и защитников Ярославля 1238 г.

Одно из коллективных захоронений жителей и защитников Ярославля 1238 г.

Череп ребенка с рубленой раной из коллективного захоронения

Энговатова А.В. Новые данные о датировке фортификации древнего Ярославля (по материалам раскопа «Рубленый город II – 2008 г.») // Города и веи средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию Н.А. Макарова. М.: Вологда: Древности Севера, 2015. С. 53–68.

Энговатова А.В., Гайдуков П.Г. Вислые акты печати из раскопок Ярославля // РА. 2016. № 1. С. 60–69.

Энговатова А.В., Кадиева Е.К. Круговая керамика Ярославля первой половины XIII в. из заполнения комплексов массовых захоронений 1238 г. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 11. Тверь: ТНИИР-Центр, 2018. С. 23–60.

Н.А. Кренке, И.Н. Ершов, Е.К. Столярова, В.А. Раева

Изучение центра и ремесленных окраин древнерусского Смоленска

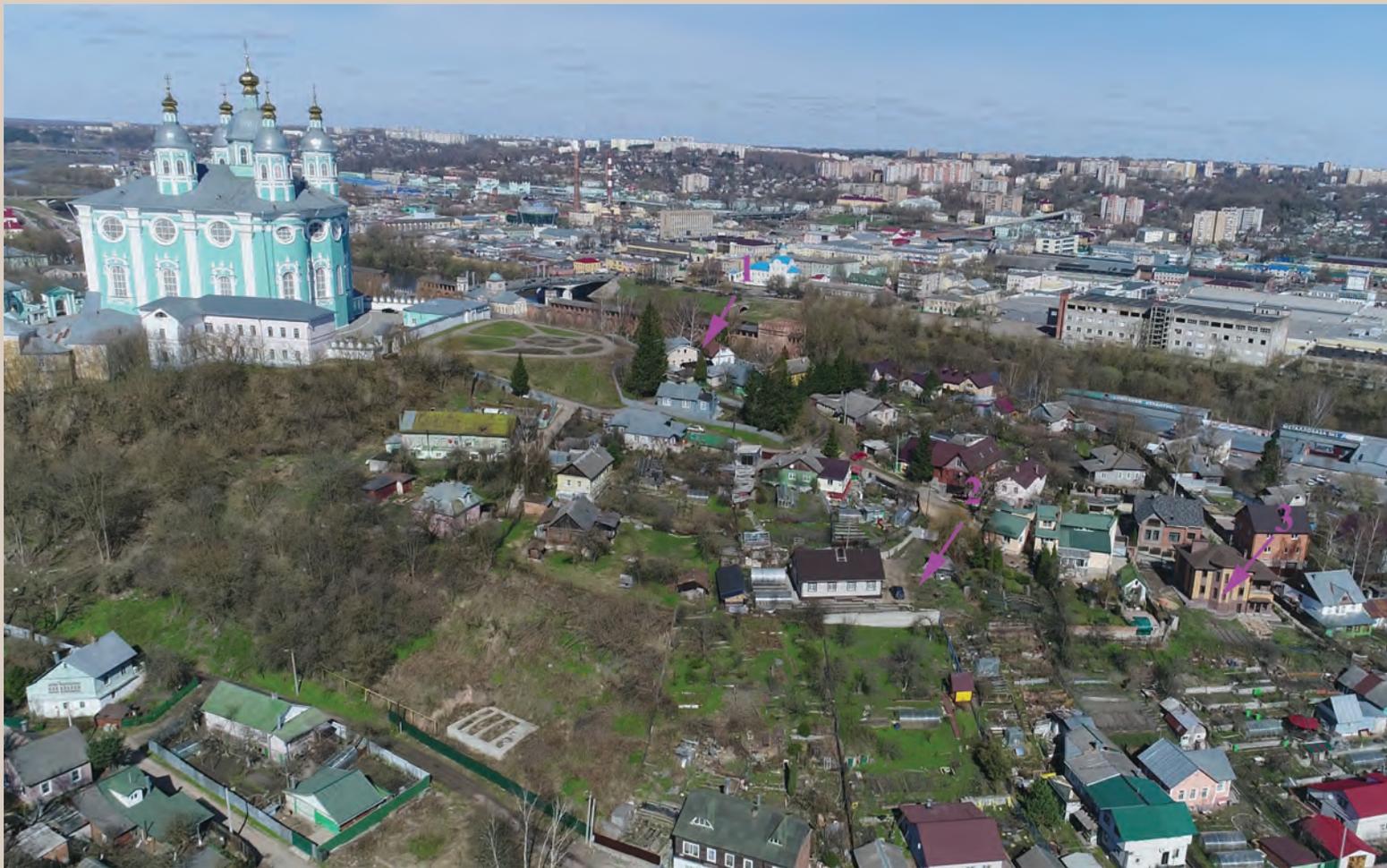

*Бронзовый амулет-конек
смоленского типа. Вторая половина XI в.*

Смоленская экспедиция продолжала многолетние работы по изучению Смоленска. Главные ее достижения – обнаружение на Соборной горе и на примыкающей к ней с юга Васильевской горе древнего поселенческого центра с находками VIII–XI вв.; выяснение границ древнерусского города в период его максимального развития в конце XII – начале XIII в., раскопки двух ремесленных мастерских – стеклоделательной на западной и ювелирной на восточной окраинах (Кренке и др., 2016, 2019).

Древний культурный слой на Соборной горе имел мощность не более 20 см. Обнаружена частично углубленная в землю постройка. Комплекс вещевых находок и керамики типичен для культуры смоленских длинных курганов. Среди них – бронзовые трапециевидные привески, 14-гранные синие стеклянные бусины. Редкая находка – сасанидская драхма. Время отложения культурного слоя подтверждают радиоуглеродные даты, полученные по обугленным зернам культурных злаков. Две даты – по образцам из раскопа 1 (ГИН-154096, Геологический институт РАН, и УОС-7993, и Университет г. Оттава, Канада). Их калиброванное значение находится в интервале между 710 и 880 гг. н.э. Одна дата получена по образцу из шурфа 1 (УОС-4840). Ее калиброванное значение – в интервале между 675 и 775 гг. н.э.

В X в. данное поселение переживает кризис, его площадь сокращается; на Соборной горе на месте сгоревших построек существовало поле. В XI в. Смоленск стремительно растет. На его восточной окраине в пойме Днепра за речкой Рачевка обнаружено два двора мастеров ювелиров (Кренке и др., 2016). Отходами деятельности мастерских были многочисленные тигли, заготовки вещей, бракованные вещи, капли и слитки бронзы, литники со следами от снятых готовых изделий. Среди изделий мастерских – амулеты, христианские крестики, украшения. Все эти предметы, как и сопровождав-

Вид на Соборную гору Смоленска. Стрелками показаны участки археологических работ

Фрагмент лепного сосуда и 14-гранные стеклянные бусины из раскопа на Соборной горе. VIII – середина X в.

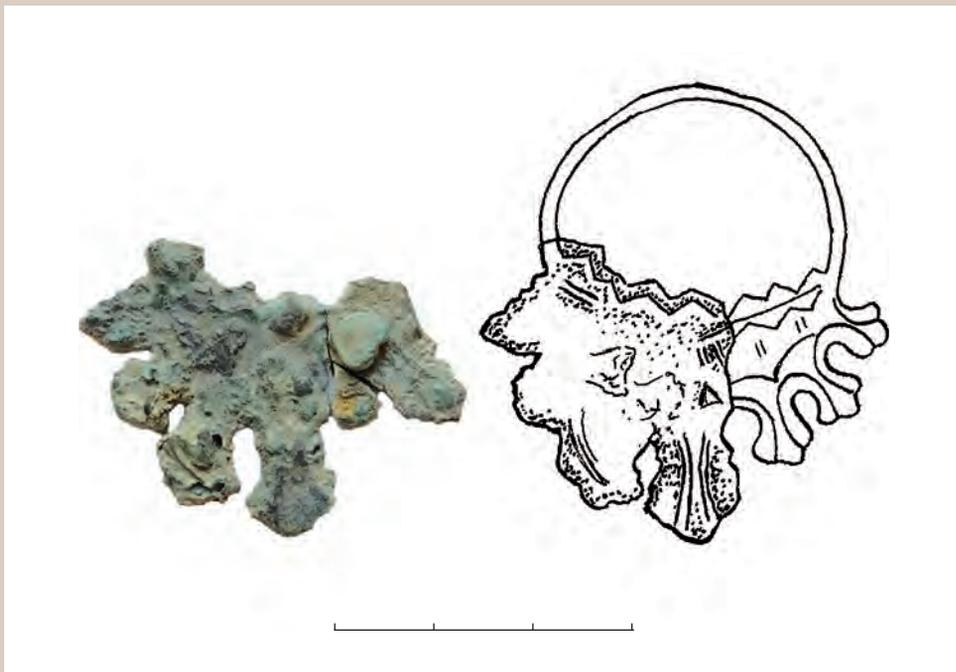
Серебряная сасанидская драхма из раскопа на Соборной горе. Середина VII в.

Тигель керамический с остатками металла для литья бронзовых изделий. Ювелирная мастерская на Рачевке. Вторая половина XI в.

Исследование остатков стеклоделательного производства середины XII – начала XIII в. в Заднепровье

Фрагменты оконниц, цветного стекла, куски стеклянной массы; гончарный сосуд. Стеклоделательная мастерская. Середина XII – начало XIII в.

шая их керамика, относятся ко второй половине XI в. Среди амулетов – изображение фантастического зверя «левкрота», которого иногда называют «ко-нек» или «подвеска смоленского типа».

На противоположной, западной окраине города, недалеко от ц. Петра и Павла обнаружены ямы, куда попали отходы деятельности стеклоделательной мастерской – куски стеклянной массы, не взятой в работу; фрагменты горшков, в которых варили стекло; кирпичи от печи, на которых сохранились капли пролитого стекла; стеклянная «сосулька», возможно, проба, снятая мастером. Также найдены стеклянные изделия, в основном фрагменты разноцветных (рубиновых, голубых, зеленоватых) круглых оконниц.

Находка стеклоделательной мастерской – редкое явление. Это серьезный аргумент в пользу версии, что в некоторых городах Киевской Руси было собственное стекловарение. Время существования смоленской стеклоделательной мастерской – XII в., что доказывается обнаруженными горшками в яме со стеклянными отходами.

Бронзовые височное кольцо деснинского типа и амулет-ложечка. Ювелирная мастерская на Рачевке. Вторая половина XI в.

Кренке Н.А., Ершов И.Н., Муренцева Т.Ю., Хаврин С.В. Ювелирная мастерская XI в. на Рачевке в Смоленске // КСИА. 2016. Вып. 245. Ч. 2. С. 7–28.

Кренке Н.А., Ершов И.Н., Платоновский Р.Б., Раева В.А. Ремесленные окраины древнерусского Смоленска // РА. 2019. № 3. С. 158–170.

Н.А. Макаров, А.Н. Федорина, А.М. Красникова

Суздальское Ополье: усадыбы знати на селищах XII–XIII вв.

Круглая иконка с изображением святого всадника. XII–XIII вв.

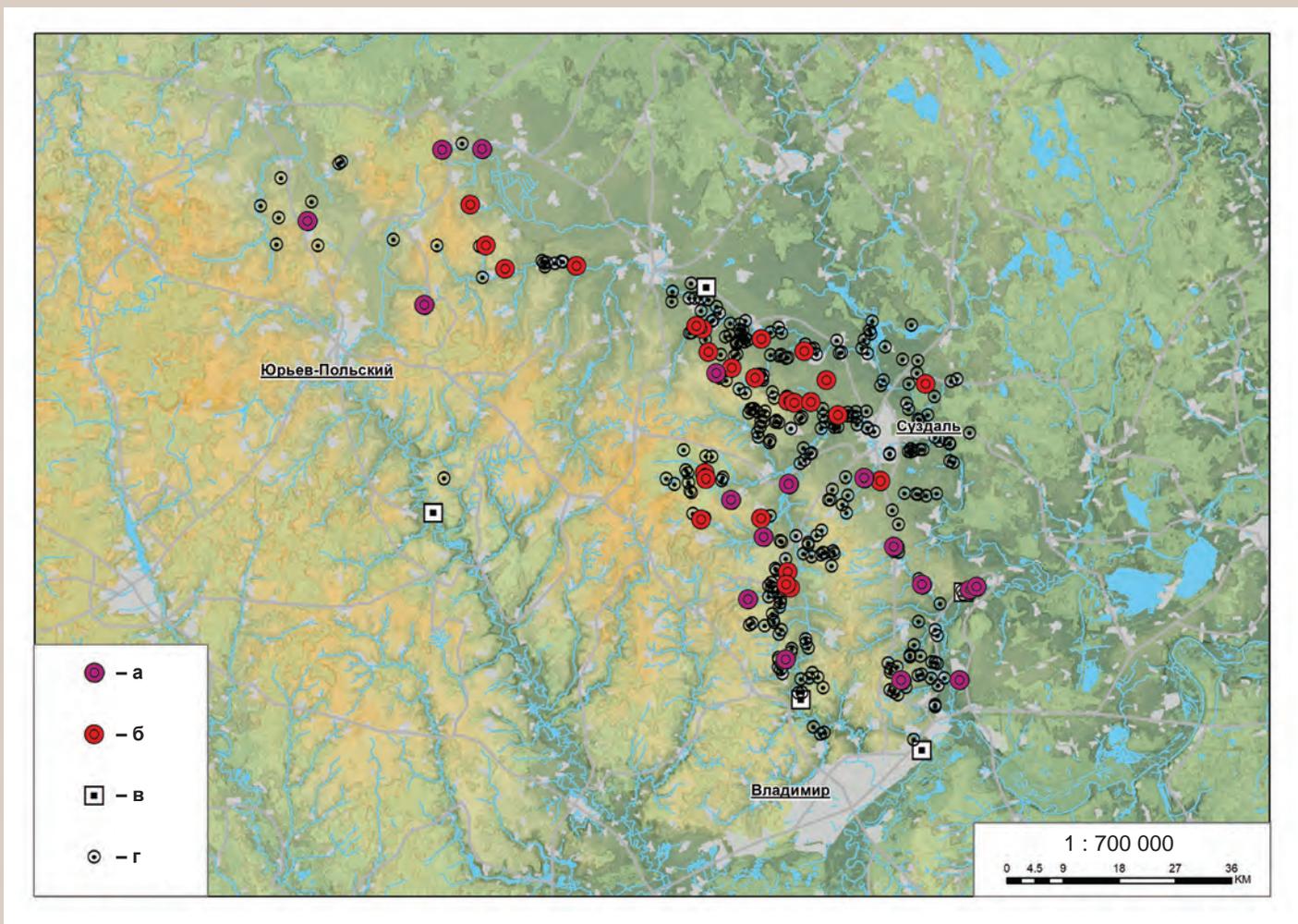
Справа: Вид на Суздаль с высоты птичьего полета с юго-востока. На переднем плане – Михайловский курганный могильник

План-карта «Элитные» вещевые комплексы XII–XIII вв. на селищах Опожья: а – памятники, где престижные вещи образуют скопления; б – памятники с отдельными находками престижных вещей; в – городища; г – прочие селища

Суздальское Ополье – едва ли не единственная историческая область средневековой Руси, где Институт археологии ведет систематическое выявление и обследование средневековых сельских поселений на большой территории для решения фундаментальных научных задач: реконструкции общей динамики расселения и состояния его в разные хронологические периоды. Это, с одной стороны – изучение средневековой деревни и сельских культурных ландшафтов, с другой – исследование центрального ядра Суздальской земли, состояние которого во многом определяло общий ход и характер развития Северо-Восточной Руси в X–XIII вв.

Сплошные разведки в Ополье были начаты в 2001 г. и продолжаются Суздальской экспедицией без перерывов. В результате на территории Суздальского и Юрьевского районов Владимирской области и Гаврилово-Посадского района Ивановской области обследовано и документировано 368 поселений с культурными напластованиями и отдельными артефактами средневековья и раннего железного века, от первых веков н.э. до XV в. Большинство памятников выявлено впервые. При обследовании селищ, основная масса которых находится на современных пахотных полях, собрана вещевая коллекция (более 15 тыс. ед.), приобретающая основополагающее значение для характеристики культуры, хозяйства и повседневной жизни сельских территорий центра Северо-Восточной Руси в X–XIV вв.

За почти 20-летний период обследований конкретные задачи менялись – в фокусе преимущественного внимания были локальные группы поселений в различных районах Опожья, селища с вещевыми находками первой половины – середины I тыс. н.э., «большие поселения» X–XI вв., малодворные поселения XII–XIV вв. на овражных системах в глубине водоразделов, современные села со средневековыми культурными напластованиями. В условиях интенсивной распашки селищ и грабительской активности менялись и

Стили для письма и книжные застежки
(селища Вышеславское 18, Сунгирь, Михали 3,
Сорогужино 5, Скомово 2, Васильково 1)

совершенствовались и методики полевых археологических работ – главным образом в сторону подробного документирования памятников и сбора представительных вещевых коллекций.

Полевые работы 2016–2018 гг. были нацелены на поиск средневековых селищ в северо-западной части Ополья, на территории современного Юрьев-Польского района, который до последнего времени оставался мало затронут разведками, и на сплошное обследование ближайшей округи Суздаля, территории в радиусе 15 км от города, изобилующей «белыми пятнами». Выявлено более 50 ранее неизвестных селищ. Главные результаты работ – документирование в Юрьев-Польском районе серии поселений XII–XIV вв., близких по своему облику к суздальским, с выразительными вещевыми находками, в том числе предметами христианского культа и украшениями костюма; дополнение археологической карты ранее неизвестными памятниками конца I – первой половины II тыс., раскрывающими высокую плотность средневековых поселений в ближайшей округе Суздаля.

Особая задача – обследование селищ с некоторыми категориями вещевых находок XII – первой половины XIII в., связанными со специфическими занятиями и образом жизни социальной элиты. В качестве таких предметов ранее было предложено рассматривать вислые печати, пломбы, книжные застёжки, стили для письма, предметы из драгоценных металлов, фрагменты амфорной керамики, предметы вооружения и парадного конского снаряжения, предметы личного благочестия со сложной религиозной символикой (Макаров, 2013). При этом достаточным основанием для выделения части селищ как поселений с усадьбами знати следует считать не отдельные предметы из этого перечня, а комплексы с разными категориями предметов. Значимость разных категорий находок как археологических маркеров элиты неодинакова, принадлежность некоторых из них к обиходу знати может быть неоднозначной.

Наиболее очевидными археологическими индикаторами усадеб знати можно считать вислые печати (4 селища), стили для письма (9 поселений), книжные застёжки (9 селищ), каменные образки (1 поселение), фрагменты защитного доспеха (4 селища), фрагменты украшений и предметов христианского культа из золота (3 селища). Представляется корректным связывать с элитой находки некоторых редких типов украшений, сделанных из недорогих материалов, но выделяющихся высоким качеством работы, например бронзовые позолоченные колты с эмалью. Очевидно, с элитой связаны и некоторые находки предметов христианского культа со сложной символикой, например змеевики (4 селища), хотя все они – грубые отливки, изготовлены из цветного металла.

Существенное увеличение числа селищ с вещевыми коллекциями, которые могли бы быть рассмотрены в контексте социальной атрибуции их

Христианская металлопластика: золотой крест с инкрустацией; крест-тельник, украшенный чернью

обитателей, и выявление новых выразительных комплексов дорогих и престижных предметов XII – первой половины XIII в., позволяет аргументированно выделить среди общей массы опольских селищ серию неукрепленных поселений указанного периода с «усадьбами знати». В обновленном перечне 26 памятников с представительными сериями артефактов – археологических индикаторов элиты, включающими предметы нескольких категорий, в том числе наиболее значимые маркеры занятий и повседневной жизни знати. И еще 18 памятников с менее репрезентативными наборами, в которых артефакты, связанные со сферой управления и письменностью, отсутствуют. В перечень не включены селища с отдельными находками, которые можно связывать с занятиями и стилем жизни элиты (в том числе с находками фрагментов амфор, кистеня, псалиев с инкрустацией, товарных пломб). Хотя вполне вероятно, что продолжение изучения памятников с подобными находками принесет более весомые и убедительные свидетельства локализации здесь усадеб знати.

Пример поселения, относящегося к группе «владельческих сел», – селище Михали 3 вблизи южных окраин Суздаля. По актовым материалам установлено, что это поселение, известное как «Мининское селище», в XV в. находилось во владении Ногтевых, младшей ветви суздальских князей, и было передано ими в суздальский Васильевский монастырь (Кучкин, 1984. С. 220). Небольшие раскопки 2018 г. и сборы находок в распахке (около 280 предметов) показали, что поселение возникло не позднее второй половины XI в. Этот период маркируют находки западноевропейского денария, фрагмента подвески скандинавского типа, лепная керамика в сочетании с ранними типами посуды, сделанной на круге. Наиболее яркие образцы в коллекции подъемного материала относятся к концу XII – первой половине XV в. Площадь поселения в это время составляла 3,6 га. В раскопе зафиксировано несколько параллельных рядов частокольных канав – свидетельства усадеб-

ной застройки. Ранее они были выявлены лишь на четырех суздальских селищах (Васильково 1, Кибол 5, Кидекша, Кистыш 3).

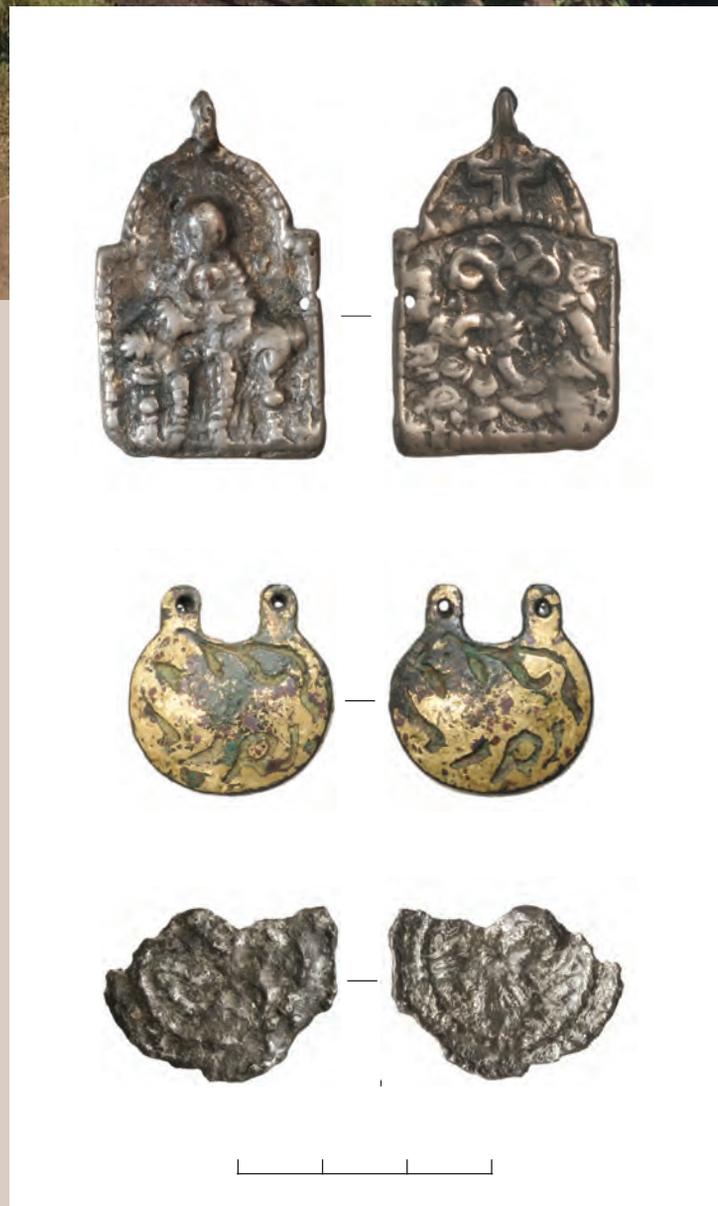
Среди находок, указывающих на присутствие элиты на поселении, позолоченный колт с эмалевым декором, серия псалиев, в том числе декорированных, целый энколпион и два оглавия, несколько иконок, в том числе с изображением святых Космы и Дамиана. В коллекции присутствуют находки деталей замков (5 шт.) и ключей, стеклянных браслетов. В числе социально значимых предметов удельного времени – три книжных застёжки и фрагменты бронзовых зеркал.

Один из наиболее ярких комплексов предметов, связанных с обиходом знати, собран в 2018 г. при обследовании селища Вышеславское 3 к юго-западу от Суздаля. В составе коллекции (около 140 предметов) – вис-

Бронзовые колт (со следами позолоты) и шумящая зооморфная подвеска. Селище Михали 3

Слева: Раскоп на селище Михали 3. Видны параллельные ряды частокольных канав

Ключ; замок; детали булавы: декор, шип, реконструкция (без масштаба); крест-энколпион; обломок стеклянного браслета; псалий с медным декором. Селище Михали 3

Печать Дамиана. Селище Вышеславское 3

Змеевик криволинейной формы; позолоченный колт; подвеска с изображением св. Георгия, имитирующая сребреник Ярослава. Селище Вышеславское 3

лая печать, бронзовый позолоченный колт с изображением фантастического зверя, змеевик кривой формы с изображением Богородицы с младенцем на престоле, круглая подвеска с поясным изображением св. Георгия и княжеским знаком на обороте (копия сребреника Ярослава), свинцовая пломба, накладка на сумку с плетеным орнаментом.

Свинцовая подвесная печать несет на лицевой стороне четырехстрочную греческую надпись, а на оборотной – погрудные изображения двух святых, по сторонам изображений – колончатые надписи, у левого святого – КОСМ[Α], у правого – ΔΑΜΙΑΝ. Парные изображения мучеников Космы и Дамиана, почитавшихся как целители бессеребренники, хорошо известны в византийской и русской иконографии. Греческая надпись «ΚΕΒΟ | ΝΥΝΤΥΣ | ΔΩΛΥΔΑ | ΜΙΑΝΟ (Κ[ρ]ι[ε] βο[ε]ι τ ο[ω] δ[ο]υλω Δαμιανο)» переводится как «Господи, помоги рабу своему Дамиану» и дает ясное указание на имя лица, скреплявшего документы печатью.

Две находки подобных печатей, происходящие с Новгородского (Рюрикова) городища и из Белоозера, находятся в музейных собраниях, еще три (грабительские находки) – из частных коллекций. Печать из Вышеславского – единственная булла этого типа, полученная в результате легитимных археологических исследований и единственная находка, контекст которой надежно документирован. Хотя достоверность определения четырех других булл Дамиана как находок из Северо-Восточной Руси не может быть строго доказана, представляется, что деятельность владельца печати была связана преимущественно с ростово-суздальскими землями. Косвенное свидетельство этого – находки на Северо-Востоке Руси круглых металлических образков с погрудным изображением парных святых, точно копиравших изображения святых на печати.

Учитывая особенности оформления буллы и общую датировку культурного слоя на поселении, печать Дамиана может быть датирована второй половиной XI – началом XII в. Князья с крестильным именем Дамиан неизвестны в летописях, рассказывающих о событиях XI–XII вв. Очевидно, обладатель печати – высокопоставленный представитель княжеской власти, в управлении которого могли находиться суздальские земли, советник князя или церковный иерарх. В истории Ростовской епархии и списке епископов, занимавших ростовскую кафедру, есть значительные пробелы, приходящиеся на конец XI – начало XII в., период между последним упоминанием в летописи епископа Исаяи (1089 г.) и первым упоминанием епископа Нестора (1147 г.). Оформление буллы дает равную возможность для атрибуции ее как печати светского и духовного лица.

Выявление выразительных комплексов артефактов XII–XIII вв. – маркеров элиты – на суздальских селищах, не имеющих внешних признаков «усадеб знати», меняет сложившиеся представления об устройстве таких усадеб исключительно на поселениях, защищенных деревоземляными укреплениями, и задает новое направление для поиска дворов бояр и княжеских слуг на неукрепленных поселениях в других областях Руси. Будущие исследования покажут, отражает ли эта форма организации расселения и повседневной жизни элиты особенности социального устройства центра Суздальской земли или более универсальную модель, распространенную и в других древнерусских землях.

Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984.

Makarov N.A. Social elite at rural sites of Suzdal region in North-Eastern Rus' // *Ruralia IX. Hierarchies in rural settlements* / Ed. J. Klápště. Praha; Brepols, 2013. P. 371–386.

Металлический образец с погрудным изображением парных святых (Космы и Дамиана?). Селище Михали 3

Железная булавка. Селище Вышеславское 3

А.В. Кашкин, А.Е. Леонтьев, Н.Г. Самойлович

Соборная площадь и Успенский собор в Ростове Великом

*Обрушенная кладка
северной стены собора XIII в.*

В 2017–2018 гг. Волго-Окская экспедиция проводила археологические исследования в ростовском Успенском соборе и на прилегающей к нему площади, связанные с проектом устройства отопления собора. Построенный в 1510–1512 гг. собор – не только интереснейший образец русской архитектуры XVI–XVII вв., но и уникальный археологический объект. Под современным соборным полом в четырехметровой толще строительных остатков и разновременного насыпного грунта скрыты остатки трех предшествующих храмов, начиная с деревянной церкви Успения Богородицы. Эта церковь, по преданию, была построена в 991 г. (по археологическим данным – в середине XI в.), сгорела в 1160 г. Выше пожарища находятся фрагменты стен, столбов и полов белокаменных церквей, возведенных в 1162 и 1231 гг., сохраняются захоронения ростовских князей и церковных иерархов XIII–XVIII вв. (Леонтьев, 1993; Иоаннисян и др., 1999. С. 257, 258).

Работы 1990-х годов показали, что около собора в земле остались части обрушенных перед строительством начала XVI в. стен прежнего белокаменного собора. Несколько таких участков удалось обследовать в 2017 г. (Леонтьев и др., 2018. С. 175). У северо-западного угла собора в слое остатков забутовки сохранился фрагмент лицевой белокаменной кладки стены из трех смещенных рядов блоков. Разрозненные остатки той же кладки были выбраны при работах 1992 г., но на сохранившемся участке культурного слоя в северную стенку траншеи вошли торцами девять колонок аркатурно-колончатого пояса стены, сохранившие порядок своего расположения.

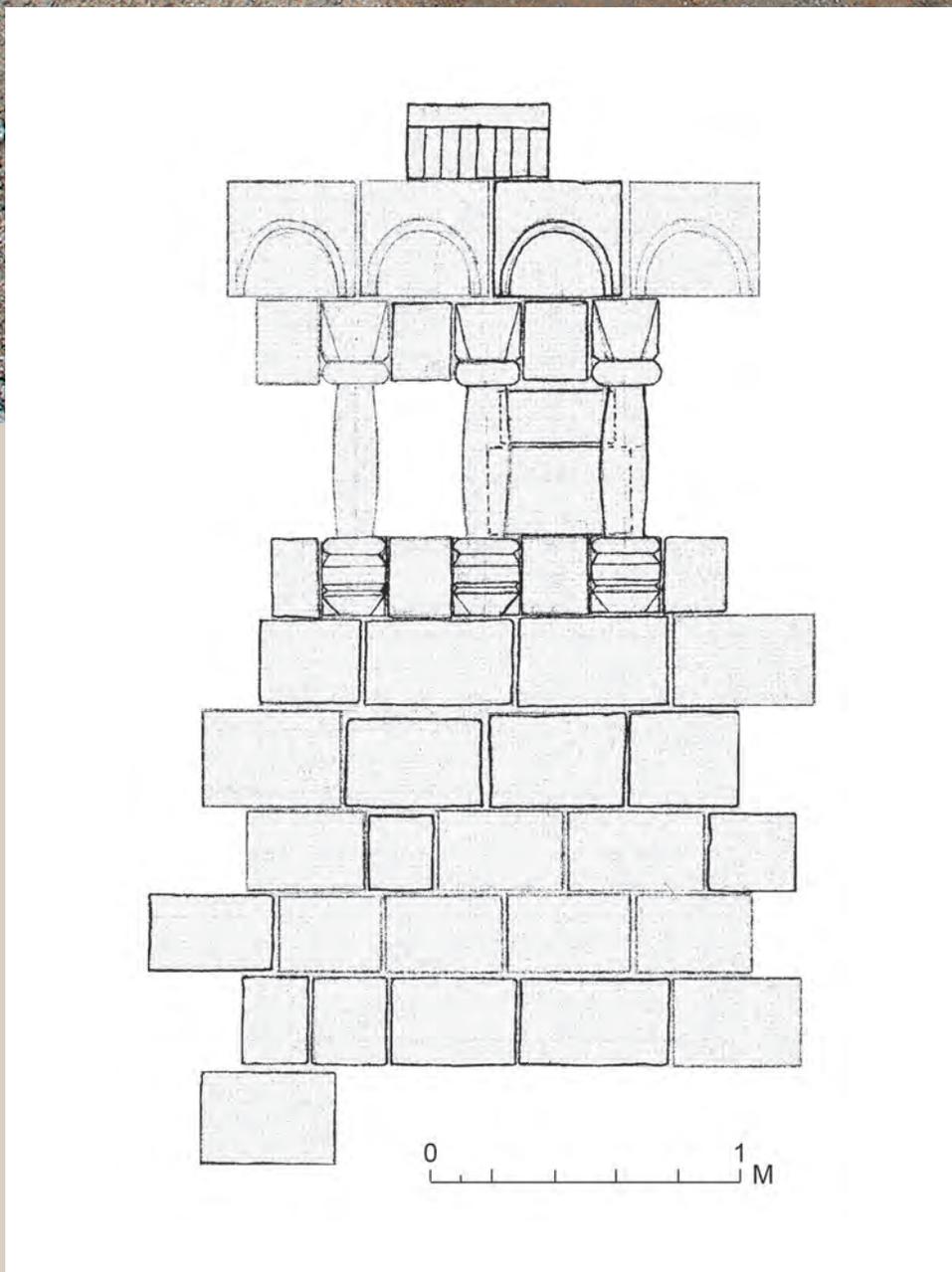
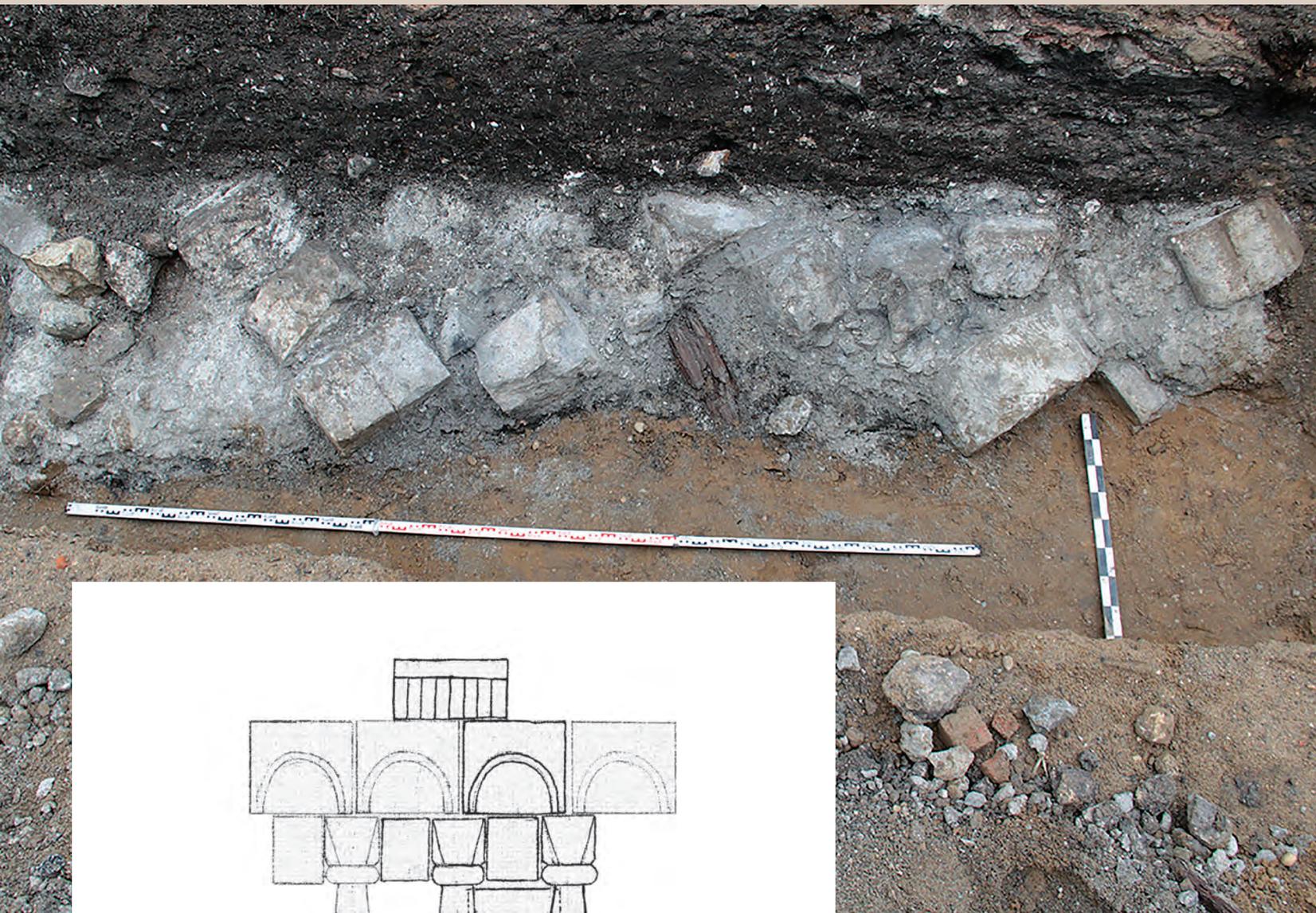
Восточнее северного портала обнаружен второй фрагмент стены, сохранивший пять рядов белокаменной кладки. Формат камней позволяет опознать их внешний вид и назначение. Найденные архитектурные детали, их расположение на расчищенных участках с привлечением

*Успенский собор и Соборная площадь
в Ростове*

*Сохранившиеся колонки собора XIII в.
в профиле северной стенки траншеи*

*Обрушенная кладка стены
у северо-западного угла собора XIII в.*

*Реконструкция
фрагмента стены собора XIII в.*

данных раскопок 1992 г. позволяют создать графическую реконструкцию верхней части северной стены собора 1231 г.

В интерьере собора, под чугунными плитами пола XIX в. и песчаной подсыпкой, были раскрыты сохранившиеся участки мощения из известковых плит у западного портала. За деревянным киотом юго-восточного столба четверика обнажилось белокаменное основание, в кладке которого использованы характерные крупные блоки собора XII в. В северо-западном углу раскрыто известное по раскопкам Н.Н. Воронина в 1955 г. основание каменной лестницы собора XIII в.

В алтаре расчищены белокаменный пол и основание кирпичного портала Царских врат XVII в., а также сложенные из фигурного кирпича столбики основания первоначального иконостаса собора XVI в.

В северной апсиде на глубине 2 м (уровень пола собора XIII в.) в небольшой нише обследован не содержащий захоронения белокаменный саркофаг с редкой для Северо-Восточной Руси орнаментацией стенок и крышки композициями из концентрических кругов по центральной оси и лентами с чередой треугольных выемок по периметру плоскостей. Саркофаг обнаружен экспедицией Государственного Эрмитажа в 1995 г. и с тех пор сохранялся под временным деревянным настилом. Работы 2018 г. позволили сделать его полные обмеры – установлено, что массивная крышка гробницы по длине превышала размер каменного ящика и, возможно, заменила первоначальную. Следы копоти на поверхности позволяют предполагать, что саркофаг пережил известный по летописи большой пожар 1408 г.

Сохранившийся в храме пустой гроб – явление необычное, требующее объяснения. Обращение к письменным источникам позволяет рассмотреть две версии, но обе не кажутся очевидными. Согласно первой гробницу можно рассматривать как место захоронения умершего в 1288 г. ростовского епископа Игнатия, мощи которого после канонизации были перемещены в аркосолий южной апсиды, а в XVIII в. в раку у северной стены собора. Согласно второй саркофаг мог быть предназначен для умершего в 1279 г. ростовского князя Глеба Васильковича, тело которого, по летописным свидетельствам, через несколько месяцев после захоронения в Успенском соборе по указанию того же епископа Игнатия было перезахоронено в Спасском монастыре на окраине Ростова.

Саркофаг в северной апсиде Успенского собора. Вид с юго-востока

Иоаннисян О.М., Леонтьев А.Е., Зыков П.Л., Торшин Е.Н. Памятники древнерусского зодчества XII–XIII вв. в Ростове Великом // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 5. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 252–264.

Леонтьев А.Е. Археологические наблюдения в ростовском Успенском соборе // Сообщения Ростовского музея. Вып. V. Ростов, 1993. С. 162–171.

Леонтьев А.Е., Кашкин А.В., Орлов В.Н., Самойлович Н.Г. Успенский собор и Соборная площадь в Ростове Великом // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. М.: ИА РАН, 2018. С. 174–179. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 25).

С.И. Милованов

Средневековый Гороховец

Обломок белокаменного креста

*Справа: Вид на городище
с северо-востока*

*Раскоп II после завершения работ.
Вид с востока*

Гороховец в средние века был одним из малых городов, расположенных на восточных рубежах Владимирского княжества. Исследования второй половины XX в. носили эпизодический разведочный характер. Новый этап изучения города начался в 2015 г. с исследований экспедиции института (Бейлекчи, 2017; Милованов, 2017, 2018). За четыре полевых сезона изучена площадь около 1000 м².

Центральное место в планиграфической структуре средневекового Гороховца занимает городище, расположенное в северной части современного города на площадке высокого мыса, образованного разветвленной системой оврагов. В настоящий момент вся площадка городища внутри оборонительных укреплений занята Свято-Троицким Никольским мужским монастырем. Площадка городища имеет овальную в плане форму. В юго-западной части сохранились руинированные оборонительные укрепления, представленные валобразной насыпью. В 2017 г. получены данные о существовании оборонительных укреплений по всему периметру города. Общая площадь городища вместе с сохранившимися оборонительными укреплениями – около 2,2 га.

Дата основания Гороховца точно не известна. Первое упоминание о нем в письменных источниках относится к 1239 г. Анализ индивидуальных находок и массового керамического материала, выявленного в ходе исследований, позволяет определить время возникновения города в середине XII в. Подтверждает это и радиоуглеродный анализ образца угля сгоревших конструкций оборонительных укреплений, проведенный в центре изотопных исследований Университета Джорджии (США) – IGANAMS-6385, 1033–1150 гг. (1σ), 1028–1154 гг. (2σ).

Удалось локализовать территорию посадской части средневекового Гороховца, расположенной у подножия Пужаловой горы, занятой городи-

щем. Посад занимал обширную территорию (около 8,4 га) и протянулся вдоль р. Клязьма узкой полосой.

В ходе раскопок на территории городища и посада найдены многочисленные предметы, всесторонне характеризующие жизнь и занятие древних гороховчан. Большинство находок традиционны для древнерусского города – стеклянные браслеты, плетеный браслет, железное кресало, крестовидная подвеска из цветного металла, предметы вооружения (железные наконечники стрелы и сулицы). Среди предметов отметим находки каменных крестиков (целый и шесть обломков) из одного раскопа. Обнаружение такого количества данной категории предметов на небольшом участке уникально для малых городов средневековой Руси. Ярко выраженные материалы второй половины XIII – XV в. не обнаружены. По-видимому, в первую очередь это объясняется разгромом города монголо-татарскими войсками.

На протяжении XVI–XVII вв. город смог восстановиться и активно развиваться, что нашло отражение в развернувшемся каменном строительстве середины XVII – начала XVIII в. Многочисленные материалы этого времени зафиксированы на всех исследованных участках. Наиболее яркая находка – обломок большого белокаменного креста с рельефным изображением распятия.

Археологические раскопки дали не только представление о древней истории города, но и о предшествовавшей ему эпохе. Уникальным открытием работ 2017 г. стал грунтовый могильник I тыс. в центральной части Гороховца. В одном из раскопов исследовано три погребения, совершенные по обряду ингумации в грунтовых ямах. Погребенные лежали вытянуто на спине, головой ориентированы на запад, в одном случае – на восток. Антропологический материал не сохранился, но судя по сопровождавшему инвентарю, все погребения принадлежали мужчинам. Найдены железные топор-кельт, наконечник копья, кольчатые удила, ножи, пряжки, а также две фибулы из цветного металла. В одном из захоронений – украшения из цветного металла: умбоновидная подвеска, скулгама, ременная пряжка, коромысловидная привеска, а также железный нож с горбатой спинкой и каменный оселок. Погребальный инвентарь находит аналогии в грунтовых погребениях Андреевского кургана, исследованного на территории Мордовии в середине XX в. Открытый в Гороховце могильник имеет ключевое значение для изучения процессов этногенеза финских племен в I тыс. н.э. на территории Волго-Окского междуречья.

*Находка древнерусского периода:
крестовидная подвеска*

*Слева: Разрушенные оборонительные
укрепления в шурфе 4. Вид с северо-востока*

*Обломок колокола с колокольни
Благовещенского собора*

*Находки из погребений: наконечник копья,
подвеска, деталь застежки. I тыс. н.э.*

Бейлекчи Вал.В. Могильник на Пужаловой горе (археологические исследования 2015 г.) // Гороховец и земли Окско-Клязьминского междуречья в XII–XVII вв.: история и археология. М.: ИА РАН, 2017. С. 56–62.

Милованов С.И. Город Гороховец по данным археологических исследований на территории городища // Гороховец и земли Окско-Клязьминского междуречья в XII–XVII вв.: история и археология. М.: ИА РАН, 2017. С. 45–55.

Милованов С.И. Городище и посад города Гороховца (Владимирская область) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. М.: ИА РАН, 2018. С. 212–219. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 25).

П.Д. Малыгин, Н.А. Сарафанова, А.В. Вяземский

Новейшие открытия в Торжке

*Керамический штамп с изображением
воина с мечом из шурфа 2018 г.*

Археологический культурный слой Торжка, занимающий площадь около 300 га, следует считать ценнейшим и уникальным историческим источником. Новоторжский отряд Новгородской экспедиции института обнаружил и исследовал в этом древнейшем городе Тверской области следующие объекты: плинфяной храм с фресками, единственный на пространстве от Новгорода до Ростова; комплекс 19 берестяных грамот XI – начала XIII в., включающий древнейший литературный текст на бересте; каменную башню и две известеобжигательные печи XIV в., позволяющие говорить о значительном средневековом каменном строительстве и дающие полное право включить Торжок в число древнерусских дерево-каменных крепостей; уникальный сфрагистический комплекс из канцелярии новоторжских владычных наместников XIV в.; клад домонгольских украшений, обнаруженный в слое пожара 1238 г., и мн. др. Каскаду этих открытий есть объяснение – географическое и культурно-политическое положение Торжка в средневековье. Располагаясь на стыке двух могучих культурно-политических регионов Древней Руси (Новгорода и Владимира) и оправдывая свое торговое имя, этот крупный город в средневековье служил центром встреч, обменов, взаимосвязей.

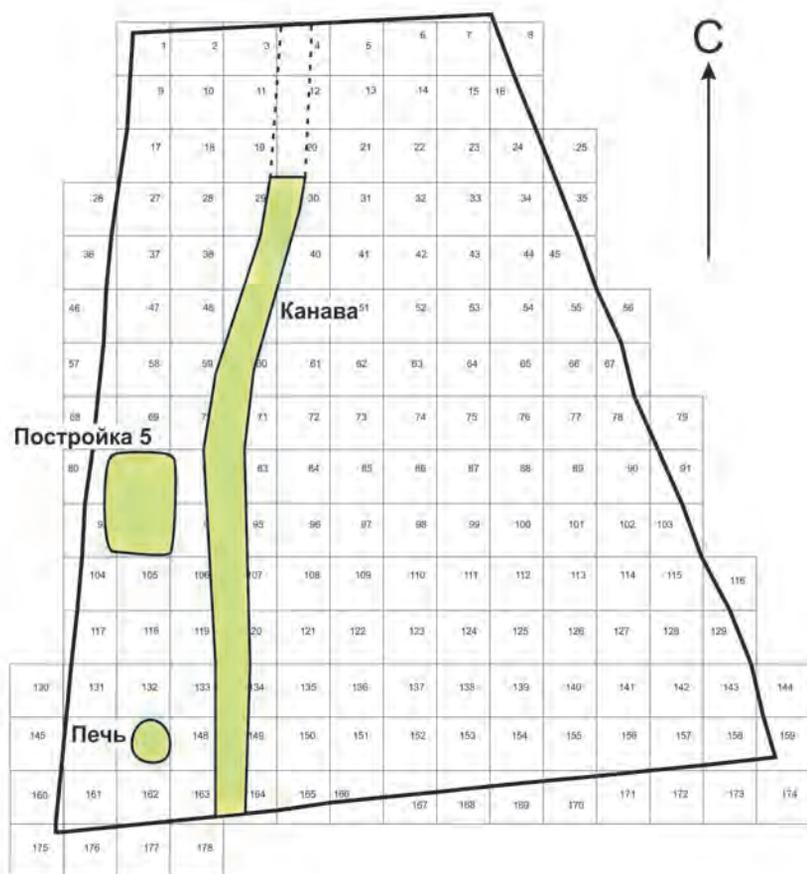
В 2017 г. у склона рва Верхнего и Нижнего городищ был заложен раскоп Гребля-1 («греблей» называли ров Новоторжского кремля письменные источники) площадью 1000 м² (Малыгин и др., 2018). Территория, на которой располагался раскоп, с юга и севера как бы зажата между двумя древнейшими объектами Торжка – Борисоглебским монастырем, основанным в 1038 г., и Новоторжским кремлем. Данное пространство по отношению к городской крепости всегда оставалось напольной стороной и было плацдармом для девяти захватов и разорений средневекового Торжка: в 1167 (князь Святослав Ростиславич), 1178 и 1181 (Всеволод Большое Гнездо), 1238 (хан Батый), 1316 (тверской князь Михаил Ярославич с татарами),

Общий вид раскопа Гребля-1. 2017 г.

*Глиняная фигурка солдата (гренадера).
Раскоп Ильинский-1. 2017 г.*

*Остатки придорожной канавы
средневековой дороги
Москва – Новгород на плане
сооружений XVI – начала XVIII в.,
исследованных в 2017 г.*

*Детское и женское погребения
средневекового некрополя*

1372 (тверской князь Михаил Александрович с литовцами), 1445 (тверской князь Борис Александрович), 1569/1570 (Иван Грозный) и 1609 (польско-литовские интервенты) годах.

Ряд источников свидетельствует, что напольная сторона новоторжских городищ не была застроена вплоть до первой половины XX в. Исследования на раскопе Гребля-1 подтвердили данные об отсутствии постоянной средневековой застройки на напольной стороне новоторжских городищ.

Раскопом частично исследован городской домонгольский некрополь, третий в Торжке. Надо полагать, что на напольной стороне крепости, где сосредотачивались войска осаждавших Торжок неприятелей и делались вылазки оборонявшихся, некрополь мог появиться лишь до 1139 г. Исследования Торжка, где христианство распространяется с начала XI в., позволяют датировать некрополь XI – началом XII в.

Прорезкой вскрыт напольный склон рва в длину на 12 м, в ширину на 8 м в верхней части и на 1 м в нижней. Мощность культурного слоя в нижней части прорезки рва составила 9, а в верхней 0,8 м. По напольному склону рва на материке залегает влагонасыщенный слой, в котором обнаружена керамика XII–XIV и XV–XVII вв.

Раскоп Ильинский-1 2017 г. располагался в центральной части левобережья р. Тверца (площадь 350 м², мощность слоя до 1 м). Его наибольшая часть попала на трассу средневековой дороги Москва – Новгород, которая с XV в. была главным сухопутным путем Русского государства (Сарафанова, Малыгин, 2018). Всего в раскопе зафиксировано 132 материковые ямы, большая часть из которых относится к XIX–XX вв., в том числе постройка 4, из которой происходит фигурка глиняного солдата (гренадера).

Исследования 2018 г. на территории слободы Соминка Рождественского монастыря, известного с середины XII в., выявили значительные повреждения культурного слоя при сооружении в начале XVIII в. дороги-бечевника вдоль левого берега р. Тверца – важнейшего участка Вышневолоцкой водной системы. Среди находок – керамический штамп с изображением воина с мечом (Никола Можайский?).

Малыгин П.Д., Сарафанова Н.А., Банников (Вяземский) А.В. Некоторые итоги историко-археологического изучения напольной части Верхнего городища г. Торжка // КСИА. 2018. Вып. 251. С. 291–302.

Сарафанова Н.А., Малыгин П.Д. Посад 2 города Торжка (Тверецкая сторона) XI–XVII вв. (раскопы Ильинский-1 и Ямской-2) (Тверская область, г. Торжок) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. М.: ИА РАН, 2018. С. 316–323. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 25).

В.Ю. Коваль, П.Е. Русаков

Ростиславль Рязанский: новые открытия

Бронзовая фибула с эмалью. IV–V вв.

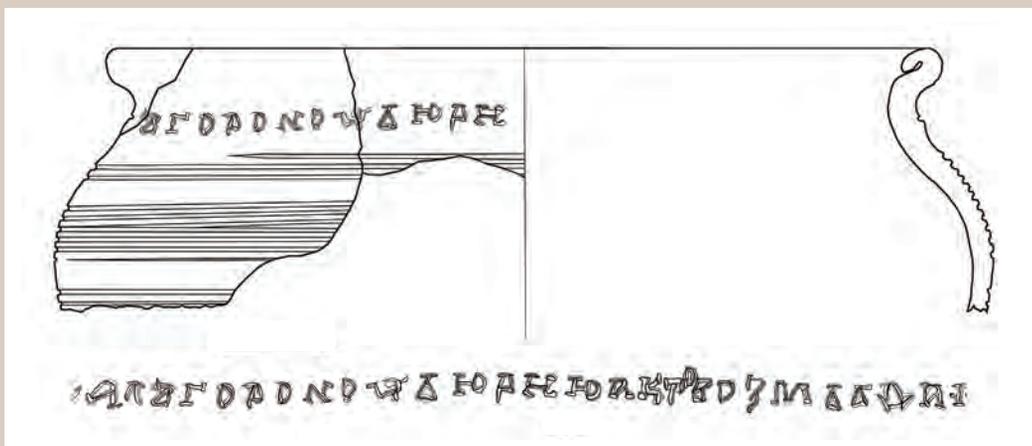
*Справа: Погреб от постройки XIV в.
на стрелке мыса Ростиславля*

*Обломок горшка с надписью
по сырой глине*

Раскопки на Ростиславльском городище (Озерский район Московской области) проводятся с 1994 г. Городище размещается на правом берегу р. Ока и является остатками летописного города Ростиславля, основанного в 1153 г. рязанским князем Ростиславом Ярославичем на северо-западном рубеже своих владений. Главная цель экспедиции – изучение остатков «малого города» средневековой Руси, относившегося к группе «мысовых» городищ и существовавшего с середины XII до начала XVII в. (Куза, 1989; Макаров, 2017). Ростиславль стал наиболее полно исследованным памятником такого рода: здесь уже изучено более 1/5 территории детинца (городища).

Интересные находки дали раскопки в центре города, неподалеку от церковного места (изучено в прошлые годы). Здесь исследованы остатки крупных погребов XII–XIV вв., размещавшихся, вероятно, под жилыми срубными постройками. В верхнем горизонте одной из них, в культурных отложениях первой половины XIII в. обнаружены обломки изготовленного на гончарном круге горшка, по краю которого еще до обжига была процарапана отчетливо читаемая надпись кириллическими буквами. Сохранилась лишь часть, но все же можно понять, что она была сделана от имени человека, предполагавшего подарить этот горшок некому «Юрию». Дальнейший текст содержал начало формулы заклęcia: «а кто возме, да и...» Далее, вероятно, должна была быть названа кара, которая постигнет того, кто украдет («возьмет») горшок (Коваль и др., 2013). Данная находка горшка с надписью по сырой глине – третья на территории домонгольской Руси.

На стрелке мыса городской площадки исследован погреб размера 6 × 6 м с тамбуром-входом длиной до 4 м – самое крупное сооружение такого рода на всем городище. Погреб имел срубный крепеж стенок, в центре его сохранился прокол от разобранной печи (?). Несомненно, над погребом возвышалась жилая наземная постройка, размеры которой были, вероят-

но, очень большими (не менее 8 × 12 м). Судя по материалу из засыпки, постройка существовала в первой половине XIV в.: на это указывает уникальная находка – обломки от иранской чаши с люстровой росписью, рассыпанные по полу погребя, из которых удалось собрать почти весь сосуд. Чаши этого типа составляли большую ценность, поэтому их находки чрезвычайно редки (целых форм на территории Руси известно пока только две, и обе они происходят из Ростиславля). Владельцами такой посуды могли быть представители знати русских княжеств или ордынской администрации, действовавшей на Руси. Последнее предположение кажется в данном случае весьма вероятным. На это указывает само размещение постройки, полностью перекрывавшей вход на городище со стороны мыса, что говорит о ее особом статусе. В заполнении погребя собран комплекс железных ременных воинских накладок, наконечник стрелы, присутствовали также христианские древности (обломок креста-тельника). Неподалеку найдены и другие предметы мелкой христианской пластики.

Исследования у подножия мысовой площадки городища на берегу реки позволили обнаружить под 1,5-метровыми наносами и завалами глыб известняка культурный слой середины–второй половины XII в., свидетельствующий о существовании здесь Подола – прибрежной части города, связанной, вероятно, с обслуживанием речной пристани на Окском торговом пути. Прекращение жизни на этом поселении было связано с экологической микрокатастрофой: вероятно, в связи с уничтожением травяного покрова на береговом склоне произошел оползень и значительные массы глинистого материала и камней завалили жилую площадку, сделав дальнейшую жизнь тут невозможной.

На оконечности мысовой площадки будущего Ростиславля размещаются остатки городища раннего железного века (дьяковской культуры V в. до н.э. – V в. н.э.). Здесь завершено исследование «длинного дома» середины–второй половины I тыс. до н.э., прослеженного на 45 м вдоль склона, обращенного к Оке. В перекрывавших эту постройку слоях найдены древности раннесредневекового времени, в том числе бронзовые фибулы «мощинского» времени (IV–V вв.), третья на площадке городища «окская» фибула с «кнопкой» и первая фибула с эмалью. Кроме того, исследовано несколько неглубоких ям, заполненных обгоревшими обломками лепных горшков IV–V вв. Эти ямы могли образоваться только после сильного пожара, уничтожившего городище в V в. Вероятно, уцелевшие жители поселка собрали на пожарище все самые крупные обломки сосудов и захоронили их. Возможно, это действие носило ритуальный характер – сакральный акт прекращения жизни на данном месте. И действительно, вновь люди пришли сюда жить только через 500 лет.

Коваль В.Ю., Мединцева А.А., Еремеев А.А. Горшок с надписью из Ростиславля Рязанского // РА. 2013. № 3. С. 134–145.

Куза А.В. Малые города Древней Руси. М.: Наука, 1989. 167 с.

Макаров Н.А. Урбанизация Северо-Восточной Руси в XI – первой половине XIII в.: размеры городских территорий // РА. 2017. № 4. С. 34–44.

Бронзовая иконка-подвеска. XIII–XIV вв.

Бронзовая «окская» фибула с «кнопкой». IV–V вв.

Слева: Иранская люстровая чаша. Конец XIII – XIV в.

Железные накладки, наконечник стрелы. XIV в.

В.В. Миненко, И.Н. Разумов

Посад древнерусского города Вщиж

Амфорка. Вторая половина XII – первая половина XIII в.

Справа: Участок проведения спасательных исследований. На переднем плане (справа) – раскоп 2. Вид с юго-востока

Выборка и зарисовка археологических объектов. Вид с юга

Древнерусский город Вщиж упомянут в летописи под 1142 г. и уже в 1156 г. становится столицей удельного княжества на чернигово-смоленском пограничье. Середина XII в. – время активного расширения территории Вщижа, превращения его в «подлинный» город с трехчастным делением на детинец, окольный город и посад. Последний разросся до внушительных размеров (13 га), после возможного разгрома города войсками Батыя в 1238 г. сохранился как владельческое поселение.

Изучение комплекса археологических памятников в окрестностях с. Вщиж началось в 40-е годы XIX в. местными помещиками и сельским духовенством. В последующие 100 лет здесь работали археологи и краеведы. По-настоящему научные исследования проведены Б.А. Рыбаковым в 1940 и 1948–1949 гг. На рубеже 1980–1990-х годов работы по определению границ посада Вщижа и небольшие охранные раскопки выполнены Деснинской экспедицией ИА РАН и экспедицией Брянского государственного педагогического института, позже – университета. С начала 2000-х годов спасательные исследования ведутся экспедициями ИА РАН и рядом других организаций.

В 2015 г. на посаде проведены наиболее масштабные с 1940-х годов раскопки, общей площадью 133 м², при мощности культурного слоя до 1,8 м. Раскопы и траншея заложены в северной части посада, в 45–110 м к северо-северо-востоку от храма Тихвинской иконы Божьей Матери, на правом берегу р. Десна. Удалось выяснить, что территория заселяется в середине XII в. и поселение активно функционирует здесь, вероятно, до конца 30-х годов XIII в. Изучены участки усадебной застройки XII–XIII вв. с остатками построек, хозяйственных и столбовых ям, частокольных канавок (Миненко и др., 2017).

Ямы и частокольные канавки на дне траншеи 1. Вид с востока

Стеклянные обломки браслетов, бусина, фрагмент перстня

Круговой горшок XIV–XV вв. и фрагмент медного котла середины XIII в.

Среди находок этого времени – железные черешковые ножи, швейные иглы и шилья, дверные пробой, детали навесных цилиндрических замков и ключей от них, серп, кольца от конских удил и фрагменты подков. Также в культурном слое и заполнении некоторых ям найдены куски металлургического шлака (вероятно, недалеко от реки располагалась кузница).

Изделия из цветного металла – обломки решетчатых перстней XI–XIII вв., которые считаются одним из индикаторов вятичского славянского населения, рубчатый перстень общеславянского типа, разные виды браслетов. Найдены гладкая эллипсоидная бусина свинцово-оловянистого сплава XII–XIV вв., пуговицы-гирьки XI–XV вв., бубенчики XI–XIII вв., товарная пломба «дрогичинского типа» XII–XIII вв., свинцовый грузик. Находки предметов личного благочестия (нательных крестов) свидетельствуют об активной христианизации городского населения.

В заполнении ямы хозяйственного назначения с деревянной конструкцией стен был найден медный котел. По результатам радиоуглеродного анализа (IGAN AMS 5699, 5700) пригоревшей на дне котла пищи, проведенного в Лаборатории Института географии РАН и в центре изотопных исследований Университета Джорджии (США), получена наиболее вероятная дата 1238–1239 гг.

Среди изделий из стекла – обломки более 30 браслетов XII–XIII вв. (в том числе и византийского производства), фрагмент перстня с овальным щитком (XII–XIV вв.) и рыбовидная бусина XII–XIII вв.

В ходе работ найдено большое количество фрагментов керамической посуды. Наиболее ранняя представлена немногочисленными обломками лепных сосудов роменской культуры IX–X вв. с характерными отпечатками «веревочного» штампа. Круговая керамика – обломками горшков с традиционным для древнерусского периода линейным или волнистым орнаментом, на днищах ряда сосудов есть отпечатки гончарных клейм. Найдено небольшое количество мисок и крышек. Интересна находка целой амфорки «киевского типа» с двумя ручками конца XI – XIII в. (в письменных источниках того времени этот вид изделий именуется «корчажец»; использовался в качестве столовой посуды для напитков) (Миненко и др., 2015).

Запустение исследованной территории и разрушение некоторых объектов в результате пожара приходится, вероятно, на конец 30-х годов XIII в. Возможно, это связано с нашествием орд Батыя на Русь. Необходимо отметить, что следы военного разгрома здесь не зафиксированы.

Возобновление жизни на этом участке приходится, вероятно, на первую половину XIV в. и связано уже с поселением сельского типа (возможно, владельческим). О довольно высоком социальном статусе части проживавшего здесь населения свидетельствуют находки свинцовой весовой гирьки, а также двух фрагментов иранской кашинной чаши с росписью первой половины XIV в. Хозяйственное освоение продолжалось и в XV–XX вв., что подтверждается находками фрагментов керамики этого времени, мушкетной пули XVI–XVII вв. и медной монеты (пуло?) XV–XVI вв.

Фрагмент иранской кашинной чаши с росписью

Нательный крест

Миненко В.В., Фатьков А.М., Федонин Р.А., Бишутин М.А., Слепова Я.Р. Охранные раскопки на посаде древнерусского города Вщиж // Археологические открытия. 2015 / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2017. С. 159–161.

Миненко В.В., Шинапов Е.А., Петюшко Д.А. Исследования на посаде древнерусского города Вщиж // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований за 2015 г. Брянск: БГУ, 2015. С. 105–113.

Н.Н. Грибов, Т.А. Марьёнкина

Раскопки в Нижегородском кремле

Печной изразец, Вторая половина XVII в.

Археологический облик Нижнего Новгорода, несмотря на интенсивные исследования последних десятилетий, до сих пор пестрит пробелами и загадками. Пока не удастся с желаемой полнотой реконструировать топографию городских укреплений, определить характерные типы построек, выяснить историю застройки на некоторых участках городской территории (Николаенко, 2006. С. 324). Вызывает затруднения и разработка хронологии местных древностей, так как средневековая история города-крепости в устье Оки, поставленной в 1221 г. на восточной периферии русских поволжских земель великим владимирским князем Юрием Всеволодовичем, коротка, а на археологически изученных участках средневековый слой фрагментирован и маломощен.

В 2018 г. в историческом центре Нижнего Новгорода начаты охраняемые раскопки в зоне воссоздания храма св. Симеона Столпника, взорванного в 1928 г. Прежний кирпичный храм в середине XVIII в. был построен там, где стояла главная святыня одного из Нижегородских монастырей, деревянная Симеоновская церковь, сгоревшая вместе с самим монастырем в 1715 г. Сначала в шурфе был локализован фундамент утраченного кирпичного храма, после чего в периметре его стен на смежных участках разбиты раскопы общей площадью 234 м².

Вскрытые культурные напластования разделяются на три горизонта. Верхний горизонт определяют фундаменты разрушенного храма XVIII в. С ним связаны находки фрагментов половой керамической плитки, монет XVIII–XIX вв. Отложение среднего горизонта обусловлено функционированием монастырской деревянной церкви и некрополя конца XV – начала XVIII в. От сгоревшей срубной церковной постройки сохранились нижние венцы двух стен, тяготеющая к ним углистая прослойка и скопление печных полихромно-рельефных изразцов. На некрополе исследовано 302 погребения.

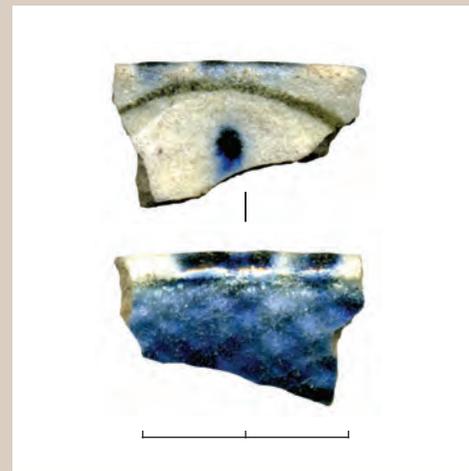
*Храм св. Симеона Столпника. Акварель
А.Ф. Мартынова 1806 г.*

*Раскоп 2. На переднем плане – фундамент
южной стены храма XVIII в. Вид с юго-востока*

*Остатки деревянной церкви Симеоновского
монастыря, сгоревшей в 1715 г. Вид с юго-
востока*

ния. Выяснилось, что кроме монахов здесь хоронили и мирян – всех возрастных групп, как женщин, так и мужчин. Нижний горизонт культурного слоя образован отложениями XIII – начала XV в., перемежаемыми стерильными прослойками грунта, смытого с верхней части берегового склона. От слоя кладбища средневековый горизонт оказался отделен мощной стерильной прослойкой эрозионных наносов, указывающей на перерыв в освоении раскопанного участка в течение большей части XV в. Исследования вскрыли существенное изменение характера освоения раскопанного участка: если средневековые объекты образуют обычный хозяйственно-бытовой комплекс, то в конце XV – XVI в. изученная площадка превращается в кладбище.

Впервые в истории археологического изучения Нижнего Новгорода следы средневековой усадебной планировки зафиксированы в нижней части кремля. Освоение склона Волжского откоса за укреплениями детинца, очевидно, началось еще в XIII в. О занятиях местных насельников ремеслами в это время свидетельствуют отходы разнообразных производств из нижней части средневекового горизонта. Среди них – обрезки лосиных рогов, пластины-заготовки из кости и рога, фрагменты керамических сосудов с потеками желто-зеленой поливы, обломки тиглей, необработанный янтарь, железные кузнечные шлаки.

Средневековый слой оказался разделенным на разновременные не нарушенные на значительной части раскопанной площади прослойки, что в практике археологических работ в Нижнем Новгороде можно рассматривать как уникальное явление (Грибов, 2018. С. 21). Состав находок из разных по глубине залегания прослоек отчетливо меняется, отражая динамику материальной культуры средневековых нижегородцев. Из нижней части горизонта происходит большая часть вещей, выходящих из бытования в течение XIII в.: осколки стеклянных браслетов, железные писало, кресало; фрагменты гончарной посуды, украшенной прокаткой зубчатого колесика. С верхней прослойкой горизонта связаны предметы XIV в. – фрагмент парадного кашинного сосуда восточной работы, плоский свинцовый грузик, железный наконечник стрелы; фрагменты сосудов, близких по облику к московским красноглиняным грубым горшкам XIV – середины XV в. (Бойцов, 1991. С. 35–39).

Расчистка погребений некрополя Симеоновского монастыря. 2018 г.

Фрагмент сосуда из кашина. XIV в.

Слева: Раскоп 1. Следы застройки XIII–XIV вв.: хозяйственная яма и частотельная канавка. Вид с северо-востока

Гребень, фрагмент путной петли из кости. XIII–XIV вв.

Бойцов И.А. Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI в. и возникновение Гончарной слободы в Москве // Московская керамика: новые данные по хронологии. М.: ИА АН СССР, 1991. С. 33–40.

Грибов Н.Н. Нижний Новгород в XV веке: поиски утраченного города. М.: ИА РАН, 2018. 592 с.

Николаенко Т.Д. Основные этапы развития Нижнего Новгорода в XIII–XVII веках // Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К.И. Комарова). М.: ИА РАН, 2006. С. 323–343.

С.И. Милованов, О.В. Зеленцова

Сквозь века: от мордовского городища до Саровской обители

Сюлгaмa лoпaстнaя

Справа: Общий вид раскопа на уровне завершения работ. Фундаменты храма во имя иконы Пресвятой Богородицы «Живородный Источник». Вид с северо-запада

Детали поясного набора

В 2018 г. Волжской экспедицией проведены археологические раскопки на участке восстановления соборного храма во имя иконы Пресвятой Богородицы «Живородный Источник» на территории Свято-Успенского мужского монастыря – Саровская пустынь в г. Саров Нижегородской области.

Саровская пустынь возникла на месте крупнейшего средневекового мордовского городища площадью 44 га. Оно известно еще из документов монастырского делопроизводства XVII–XVIII вв., но археологически впервые исследовано в 1990-е годы Н.Н. Грибовым и Н.В. Ивановой (2016).

В ходе спасательных археологических раскопок 2018 г. изучены участки с сохранившимся культурным слоем эпохи средневековья, содержавшие находки бытового назначения, украшения, фрагменты металлической посуды и керамики. Находки наконечников стрел и копья, гарды от сабли и деталей поясной гарнитуры свидетельствуют об особом социальном и административном статусе Саровского городища.

В раскопе также исследовано погребение, относящееся ко времени существования городища и имеющее, судя по особенностям погребального обряда, ритуальный характер. На дне могилы человеческие кости лежали без анатомического порядка. По определению Н.Н. Гончаровой, кости принадлежали 15–18-летнему юноше, убитому ударом тупым предметом в голову. Человеческие кости были перемешаны с обожженными костями животных. В этом же слое найдены детали костюма, украшения, бытовые предметы, костяное навершие рукояти плети. Все это лежало в темном слое с включениями углей, а также зерен ржи и проса.

Состав индивидуальных находок и характер выявленных объектов позволяют говорить, что исследован еще один участок ритуально-погребального характера, подобный тому, что ранее был раскопан

Останки человека и животных на дне ритуального сооружения

Гарда сабли, костяное навершие палки, наконечник стрелы. XII – первая половина XIII в.

Фрагмент камня для изготовления литографий с изображением «Моления на камне» Серафима Саровского. 1874 г.

Н.Н. Грибовым в восточной части Саровского городища (Грибов, 1999). Полученные материалы свидетельствуют, что мордовское городище существовало на месте слияния рек Саровка и Сатис на протяжении XII в. и погибло в начале XIII в. в результате военного штурма.

После этого на несколько веков территория заустевает, и только в конце XVI – начале XVII в. здесь основывается Саровская пустынь, ставшая важным духовным центром России, неразрывно связанным с именем преподобного Серафима Саровского.

Раскопками удалось восстановить основные этапы строительства храма иконы Пресвятой Богородицы «Живоносный Источник», который был построен в середине XVIII в. из кирпича на месте деревянной церкви. Множество находок свидетельствует о функционировании монастыря в XIX – начале XX в. Среди них выделяется памятная доска из мрамора, на которой золотыми буквами высечена надпись в честь посещения монастыря императорской семьей во время канонизации преподобного Серафима Саровского в 1903 г. Также найден обломок камня для изготовления литографий с изображением «Моления на камне» Серафима Саровского. Камень изготовлен в 1874 г., вероятно, в Санкт-Петербургской или Московской мастерской специально по заказу Саровского монастыря, о чем свидетельствует частично сохранившаяся надпись «издание собственность саровск...»

Исследовано кладбище XVIII – середины XIX в., сведения о котором сохранились в письменных источниках. К востоку от апсиды храма раскопан кирпичный склеп, содержащий мужское и женское захоронения. Мужчина был погребен в военном мундире с эполетами. У погребенных обнаружено по золотому обручальному кольцу с надписью на внутренней стороне – «Л.Ф.К.Г. Б.В.П. ноября 4 дня 1817» у мужчины и «Б.В.П. Л.Ф.К.Г. ноября 4 дня 1817» у женщины. Контекст находки, золотые кольца с инициалами и анализ письменных источников позволили надежно идентифицировать погребенных как генерала от инфантерии Бориса Владимировича Полуектова (1.07.1779 – 6.10.1843) и его супругу княгиню Любовь Федоровну Гагарину (1793 – 21 апреля 1862). Борис Владимирович известен как участник Отечественной войны 1812 г., а его портрет находится в Военной галерее Зимнего дворца в Санкт-Петербурге среди 332 портретов военачальников русской армии – участников кампании 1812–1814 гг.

Таким образом, спасательные археологические раскопки на месте воссоздания соборного храма во имя иконы Пресвятой Богородицы «Живоносный Источник» позволили получить новые данные о истории средневекового мордовского городища, строительстве и функционировании здесь одного из наиболее значимых монастырей – Саровской пустыни.

Грибов Н.Н. Погребально-обрядовый комплекс Саровского городища // Материалы второй и третьей научно-практических конференций по проблемам истории, культуры и воспитания. Вып. 2. Саров: Фонд развития культуры и искусства г. Саров, 1999. С. 199–204.

Грибов Н.Н., Иванова Н.В. О происхождении населения Саровского городища // «Саровский летописец». Материалы и статьи XI историч. конф., посв. 325-летию образования первого поселения на Саровском городище, 310-летию создания монастыря Саровская пустынь, 70-летию образования РФЯЦ-ВНИИЭФ (27 апреля 2016 г.). Саров, 2017. С. 7–14.

Памятная мраморная доска с надписью в честь посещения Саровского монастыря императорской семьей в 1903 г.

Золотые обручальные кольца из захоронения Бориса Владимировича Полуектова и княгини Любови Федоровны Гагариной. 1817 г.

Д.Ю. Бадеев, В.Ю. Коваль

Исследования в центре средневекового Болгара

Литейная форма. Первая половина XIV в.

Раскопки Института археологии РАН (в содружестве с Институтом археологии АН Республики Татарстан) в центре средневекового города Болгара (первой столицы домонгольской Волжской Булгарии, а в XIII–XIV вв. одного из крупнейших городов Золотой Орды в Поволжье) проводятся с 2011 г. В 2016 г. закончено изучение остатков каменно-кирпичного здания Центрального городского базара, предназначенного для торговли дорогостоящими предметами (импортными тканями, украшениями, пряностями, ловчими птицами и т.п.). После этого основной целью работ отряда стало изучение городского квартала, простиравшегося от здания базара к северо-востоку – к Соборной мечети, вдоль улицы, ведущей в этом направлении.

В ходе исследований базара и примыкавших к нему участков сделаны уникальные находки предметов, связанных с торговлей и другой хозяйственной деятельностью: фламандские текстильные пломбы, костяные печати с фигуративными изображениями (Бадеев, Коваль, 2017). На усадьбах, примыкавших к базару, изучены остатки погребов под постройками, уничтоженными пожаром середины XIV в., которые, судя по большому числу импортных изделий, принадлежали купцам или иным представителям элитарных кругов. О материальном достатке и культурном уровне владельцев этих усадеб свидетельствуют разнообразные находки – импортная поливная и тарная керамика, различные высокохудожественные изделия, а также свидетельства грамотности. К числу последних относятся две обгоревшие в пожаре сердоликовые вставки с арабграфическими надписями, включавшими цитаты из Корана. В усадьбах могли проживать и русские люди, присутствие которых маркируют находки крестов (наперсных), кухонной и тарной посуды, привезенной из разных русских земель (преимущественно из Верхневолжья), среди которой интерес представляет обломок корчаги с прочерченной по сырой глине (до обжига) кириллической буквой «Аз».

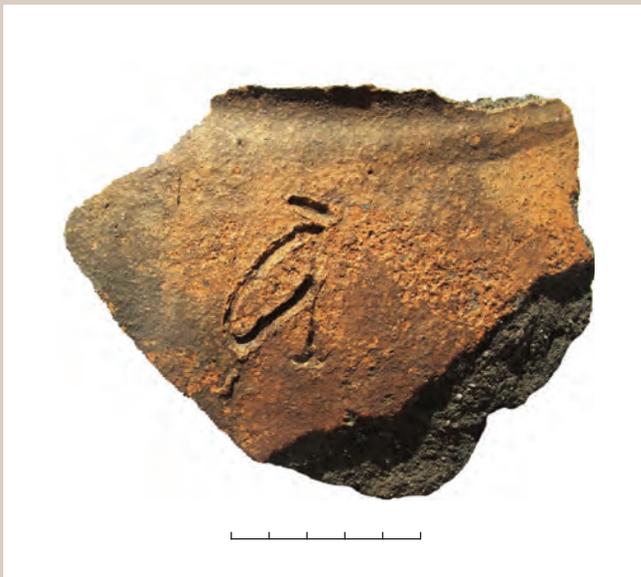
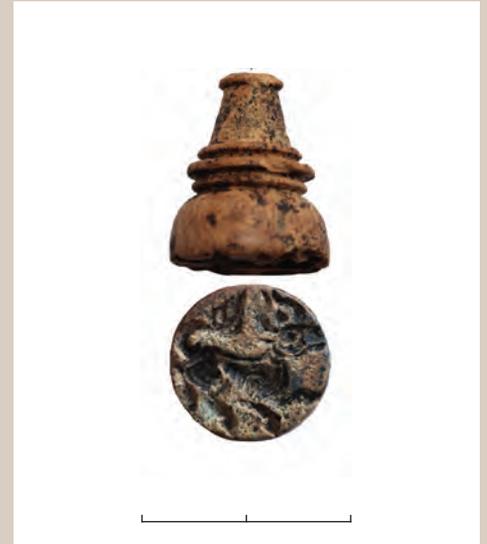

Процесс просеивания грунта из раскопа на металлических ситах

Костяная (бивень моржа) шахматовидная печать

Обгоревшая сердоликовая вставка с резной коранической надписью

Русский наперсный крест из слюды золотоордынской эпохи

Костяная (плотный рог) шахматовидная печать

Обломок древнерусской корчаги с прочерченной до обжига буквой «Аз»

Литейные формы. Первая половина XIV в.

В ходе расширения раскопа полностью исследована восточная периферия усадьбы, на которой размещалась стеклообрабатывающая мастерская первой половины XIV в., выявленная раскопками Н.А. Кокориной и частично опубликованная (Полубояринова, 2006). В мастерской изготавливались бусины, перстни, браслеты, привески и вставки (собрано более 10 тыс. таких предметов). Однако ремесленная деятельность тут не ограничивалась изготовлением стеклянных украшений: на соседней усадьбе существовало, вероятно, ювелирное производство, маркируемое находкой 86 целых и фрагментированных каменных литейных формочек (т.е. больше, чем обнаружено за всю предыдущую историю исследований на всей территории Болгара). Формочки предназначались для отливки разнообразных украшений, на одной из них – надпись, выполненная на тюркском наречии, но кириллическими буквами (Медынцева и др., 2018). Судя по отдельным находкам, можно предположить, что на той же усадьбе занимались косторезным промыслом, а при работах 2018 г. обнаружены следы производства во второй половине XIII в. изделий из янтаря. В одном из подвалов сгоревшего в пожаре дома найдено около 0,7 кг янтаря-сырца, а также производственные отходы (обрезки), заготовки и сами изделия: бусины и подвески разных форм, прямоугольные вставки.

В ранних горизонтах домонгольских культурных отложений обнаружены остатки железоплавильного производства, датируемые, вероятно, X в. К нескольким сыродутным подземным горнам тигельного типа добавились следы наземных горнов-домниц, собраны десятки килограммов обогащенной железной руды, подготовленной к плавке, большое количество железного шлака. Все это свидетельствует о существовании обширного производственного района раннего Болгара.

Городской культурный слой залегал здесь на почвенном горизонте, переработанном в эпоху раннего средневековья, о чем свидетельствуют единичные ямы, заполненные тем же почвенным грунтом, и отдельные находки керамики и вещей именьковской культуры. Видимо, исследованный участок находился неподалеку от поселения этого времени, которое можно искать на мысовой части городища (Коптелов бугор).

Предметы с территории мастерской по обработке янтаря

Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю. Центральный базар города Болгара – итоги изучения в 2011–2016 гг. // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Т. II. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2017. С. 265–269.

Медынцева А.А. Надпись на литейной форме из Болгара // Нескончаемое лето. Сб. статей в честь Е.А. Рыбиной. М.; Великий Новгород: МГУ, 2018. С. 141–145.

Полубояринова М.Д. Стеклоделательная мастерская XIV в. в Болгаре // РА. 2006. № 4. С. 152–158.

А.В. Мастыкова

Средневековые поселения и могильник Су-Баш 1 в Юго-Восточном Крыму

Погребение 671 с одной серьгой *in situ*

Справа: Общий вид исследованного памятника после завершения работ

Погребение 393 в деревянной конструкции

В 2017 г. Гурзуфским отрядом Крымской новостроечной археологической экспедиции института на территории Кировского района Республики Крым проводились археологические исследования поселения и могильника Су-Баш 1 у пос. Приветное, оказавшихся в зоне строительства автомобильной трассы «Таврида». Памятник был обнаружен и локализован А.В. Гавриловым в 1995–1997 гг. и предварительно датирован им XIII–XIV вв. (Гаврилов, 1998). В 2017 г. осуществлены полномасштабные исследования поселения и могильника Су-Баш 1. На площади 17 тыс. м² открыто 1005 погребений и 150 других объектов – хозяйственные ямы, каменные вымостки, участок древней дороги (Мастыкова и др., 2018).

Грунтовый могильник располагался в основном в восточной части археологического объекта, подвергавшейся интенсивной распашке, поэтому сказать, существовали ли какие-либо надмогильные сооружения, не представляется возможным. Концентрация погребений на памятнике достаточно высокая. Погребения – одиночные ингумации – в целом ориентированы по линии З–В. Покойные обращены головой на запад, положение погребенных в могилах достаточно разнообразное, но наиболее часто встречаемая поза – вытянуто на спине с вытянутыми вдоль тела руками и вытянутыми ногами. Лицом покойники обращены вверх или на юг, как того и требовали правила исламского погребального обряда. В одной могиле (погр. 291) обнаружены фрагменты ткани, возможно савана (?), но признаки пеленания (по степени сжатости и по положению костяка) фиксируются во многих захоронениях.

Как правило, погребения не содержат сопровождающего инвентаря, что типично для мусульманских захоронений, кроме четырех случаев: в трех могилах (погр. 426, 671, 934) обнаружены *in situ* возле черепа по одной серьге и в одной могиле (погр. 667) в нижней челюсти погребенного зафиксирована округлая сердоликовая бусина.

Предметы из поселенческих объектов:
 керамическая миска, покрытая зеленой
 глазурью, с орнаментом в технике
 «сграффито»; керамический кубок,
 покрытый зелено-желтой глазурью;
 перстень с сердоликовой вставкой;
 керамическая курительная трубка

Погребение 380 с выложенными внутри
 сырцовыми блоками и деревянной
 конструкцией

Выделяется несколько типов погребальной конструкции грунтовых погребений: простые погребения; погребения, перекрытые камнями; погребения с подбоями; погребения с подбоями, перекрытые сырцовыми блоками; погребения в деревянных конструкциях; погребение, перекрытое деревянным настилом; погребения, выложенные внутри сырцовыми блоками; погребения, выложенные внутри сырцовыми блоками с деревянными конструкциями.

Можно констатировать, что погребальный обряд могильника достаточно сложный, полиморфный и по предварительным наблюдениям исследованная группа погребений предстает как мусульманская, но при этом присутствуют и захоронения с отклонениями от правил исламского обряда.

Поселение. К поселенческим объектам относятся хозяйственные ямы. В них обнаружен массовый материал – керамический, остеологический, нумизматический (всего 170 монет от второй половины XIII по XVII в.) и небольшое количество предметов из цветного металла. Преобладает рядовая круговая, но присутствует и поливная керамика, в целом керамические изделия датируются XIV–XVIII вв.

В восточной части исследованной территории открыт участок древней дороги протяженностью 29 м, шириной 8 м. Здесь помимо 25 монет обнаружено значительное количество железных предметов разного назначения, в основном подковы лошадей, ослов, волов и т.д.

Таким образом, археологический комплекс Су-Баш 1 представляет собой большой по площади многослойный памятник. Он относится к золотоордынскому времени и к эпохе Крымского ханства. Предварительно его можно датировать по нумизматическому и керамическому материалам второй половиной XIII – XVII в., не исключая XVIII в. Стоит подчеркнуть, что для этого периода имеется очень мало сельских памятников крымско-татарского населения, раскопки которых велись широкой площадью.

Изучение этого памятника (грунтового могильника и поселения) создает перспективу выяснения особенностей планиграфии и традиций погребальной обрядности населения, оставившего могильник, особенностей расселения и хозяйственного освоения региона в древности.

Гаврилов А.В. Отчет об археологических разведках на территории хозяйств Кировского района и Феодосийской административной зоны Автономной Республики Крым в 1995–1997 годах // Научный архив Института археологии Крыма РАН, 1998. № 446.

Мастыкова А.В., Решетова И.К., Чаукин С.Н., Ганичев К.А. Поселение и могильник Су-Баш-1 (Республика Крым, Кировский район) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. М.: ИА РАН, 2018. С. 192–197. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 25).

Монеты из поселенческих объектов

Позднее Средневековье и Новое время

Л.А. Беляев, Н.И. Савельев, С.Б. Григорян

Новый этап исследований Высоко-Петровского монастыря в Москве

Первоначальная надгробная доска
инока Феодосия, сына Окулина
с датой 31 июня 1512 года

Высоко-Петровский монастырь располагается на высокой террасе над р. Неглинная, позади Петровских ворот Белого города конца XVI в. Он принадлежит к числу древнейших в Москве. Предание связывает его основание с митрополитом Петром; архимандрит Петровского монастыря назван в «Повести о Митяе», события которой разворачиваются в 1379 г.

Историки культуры обычно рассматривают этот архитектурный памятник как образец стиля конца XVII в. Действительно, монастырь замечателен хорошей сохранностью: отстроенный в камне Нарышкиными, родственниками Петра I, он включает и ключевое для русской архитектуры здание XVI в., собор св. Петра Митрополита. Принадлежность собора к группе италяно-русских памятников доказана при натурных исследованиях в 1970–1980-е годы. Их результаты давно стали классикой (Беляев, 1994), вошли в учебники. С них началась монастырская археология города. В 2016 г. новый этап реставрации позволил экспедиции возобновить работы (Беляев и др., 2017) и сделать ряд открытий, важных не только для истории монастыря, но и для всей археологии Московской Руси.

В центре древней территории, юго-восточнее собора 1510-х годов, сохранилась поверхность древнейшего кладбища. Здесь удалось не просто пополнить коллекцию белокаменных надгробий, но решить коренную проблему лапидарной эпиграфики Москвы – вопрос об анахронизмах в сочетании оформления и датирования надписей могильных плит.

Впервые найдено два надгробия, лежавшие на могиле, надписи на которых точно повторяли одна другую, но при этом были сделаны с полувековым промежутком. На плитах упоминался инок Феодосий, сын Исаков Окулинин, умерший 31 июля 1512 г. Тем самым доказано, что плиты с мемориальными надписями периодически возобновляли (Беляев, 2018) – ранее считалось, что обычной практикой было использование их как строи-

Южный двор монастыря. Начало раскопок на месте колодца XVII в.

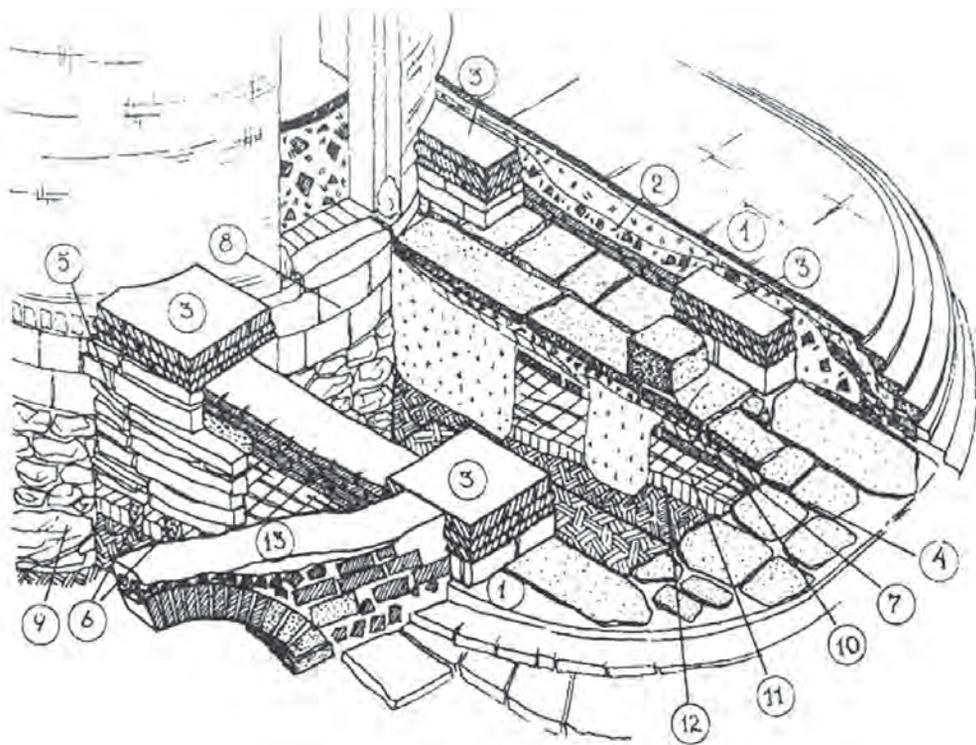
Надгробие инок Феодосия, сына Окулина, 1512 г., вторично нарезанное в середине XVI в.; под ним видна первоначальная плита

Деревянные сооружения колодца
XVII в. на южном дворе монастыря

Стратиграфия западного
портала, крыльца и галереи собора
Петра Митрополита.
XV–XVIII вв. (по: Беляев, 1994)

тельного материала. Удалось выявить пары надгробий и у других персонажей, ранее известных в монастыре (инок Епифаний, который умер в тот же день, что Феодосий) и в других обителях. Получили объяснение случаи расхождения дат, ранее порождавшие сомнения.

Подтвердилась надежность русской надгробной орнаментики XV–XVII вв. как хронологического маркера. Благодаря находке под плитой Феодосия простенькой «романской» капительки была уточнена и отодвинута на несколько лет дата строительства собора: оно началось до 1512 г. Все это имеет исключительное значение для истории кладбищ и декоративного искусства, а также для формирования родовой исторической памяти и развития грамотности.

Раскопки впервые охватили всю территорию монастыря, что дало много сведений о его истории. Особое место отведено архитектурной археологии: впервые системно изучены прясла ограды, датирована часть восточной ограды (конец XVII в.) и выделены два строительных периода ее западной линии. На периферии основных храмов открыты основания столбов обходной галереи (северный фас) ц. Образа Боголюбской Божьей матери и фундамент монастырского погребца, найдены полностью утраченные конструкции XVII–XIX вв. к северу от Сергиевской церкви.

С точки зрения истории городского быта и технологий интересен южный, в основном хозяйственный, двор монастыря. Здесь изучен колодец XVII в., имевший сложное устройство и значительные размеры. Для его сооружения выкопали котлован со стороны около 2,5 сажений (5,5 м) на глубину 1,5 сажений (3,3 м) и установили пирамидальный сруб-копёр для дальнейшей проходки. Он имел щипцовое завершение, а на поперечной распорной балке крепилось колесо или ворот. В центре копра врыли второй сруб, чуть уже, квадратный, с углами «в лапу» (для крепления шахты при проходке уровня материковых песков?). В него был вставлен колодец со стороны в сажень (2,2 м), рубленный «в обло с остатком» из крупных бревен (0,18–0,22 м, ель или сосна). (Дна колодца не удалось достичь при раскопках из-за подъема воды.)

Реставрация 2017–2018 гг. проводилась без археологического сопровождения, но переборка соборной галереи XVII в. дала новые надгробные камни, они изучаются и будут изданы в ближайшее время. Эти исследования не дали археологических подтверждений предполагаемой даты образования монастыря в первой половине XIV в. Отметим, однако, что следы существования на его центральных участках христианского кладбища уже в XV в. неоспоримы, а вероятность обнаружения в будущем более ранних слоев сохраняется.

Беляев Л.А. Древние монастыри Москвы (конец XIII – XV в.) по данным археологии. М.: ИА РАН, 1994. 458 с. (2-е изд. 1995 г.; 3-е электронное расширенное изд. 2010 г.).

Беляев Л.А. Поминать и помнить: традиция обновления надгробий в Москве XVI–XVII вв. // Живая старина. 2018. № 3. С. 2–7.

Беляев Л.А., Григорян С.Б., Савельев Н.И. Высоко-Петровский монастырь // Города. Поселения. Некрополи. Раскопки 2016 г. М.: ИА РАН, 2017. С. 20–26. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 19).

Бронзовый литой образок XVIII–XIX вв. с охранительной молитвой Богородице: «Все упование мое на тебя во // злагаю Мати Божия сохрани // мя под кровом Твоим»

Л.А. Беляев, О.Н. Глазунова, С.Б. Григорян, С.Г. Шуляев, И.И. Елкина

Новодевичий монастырь в Москве: исследования к 500-летию основания

*Крест-реликварий.
Вторая половина XVI – XVII в.*

*Справа: Вид Новодевичьего монастыря
во второй половине XVII в.
Акварель Матвея Казакова*

*Саркофаги семьи князей Кубенских
в подклете Смоленского собора
(справа налево: Ульяна / Евпраксия,
1537 г.; ее сын Иван Иванович, 1546 г.;
его супруга, в постриге Александра,
1551 г.; безымянное погребение)*

Институт археологии РАН начал исследования в московском Новодевичьем монастыре в 2007 г. со спасательных работ при реставрации и точечных раскопок (Московский Новодевичий монастырь..., 2012). В 2014–2015 гг. проведены работы в связи с восстановлением храма Иоанна Предтечи в Новодевичьей слободе (восточнее монастыря), а в 2017–2018 гг. – раскопки, продолжающиеся и в настоящее время, по трассам строящейся инфраструктуры.

Образованная для их проведения Новодевичья экспедиция уже добилась значительных результатов. Установлено, что комплексы в монастыре можно условно разделить на три слоя: древнейшую структуру второй четверти XVI – начала XVII в. (с прилегающей зоной слободы); монастырь эпохи царевны Софьи Алексеевны (в современных границах); исторический некрополь XVIII–XX вв. с постройками той же эпохи.

Впервые удалось выявить ров с наземной (деревянной?) стеной: ортогональная в плане ограда охватывала втрое меньшую, чем сейчас, территорию. Впервые же полностью изучен подклет собора, включая субструкции храма и аристократический некрополь, где прочтены надписи на плитах и саркофагах XVI–XVII вв. (в их числе князья Кубенские, Воротынские, Бельские, бояре Романовы; члены семьи царя Ивана Грозного, включая его первую дочь Анну, и др.), идентифицированы неизвестные погребения (Беляев, Шуляев, 2015), установлено их общее количество (около 130 – вдвое больше, чем считалось).

В юго-восточной части территории открыта зона престижной келейной застройки усадебного типа: дворы с деревянными домами, имевшими керамические полы и печи с «красными» изразцами, многие из которых несут редкие или просто уникальные для Москвы тератологические сюжеты. Эта застройка возникла в период расцвет монастыря при Ирине Годуновой и была уничтожена пожаром в годы Смуты (1611 г.).

Установлено, что монастырь эпохи Милославских (вторая половина XVII в.) был полностью перестроен, все следы XVI в., включая старую границу территории, при этом стерли, сохранив лишь собор. Новые стены охватили около 6 га, затронув ранее сложившиеся вокруг структуры (в том числе кладбище слободы к востоку); вдоль новых стен возникла деревянная застройка с крупными хозяйственными и жилыми подвалами, колодцами и другими элементами инфраструктуры – многие из них изучены вдоль южной стены монастыря.

С XVIII в. началось и формирование нового некрополя, который, как выяснилось, охватил не только центральную часть, но и периферийные зоны. Нижние части памятников, подземные сооружения многоразового использования, ранее неизвестные надгробия перекрывают или разрушают друг друга, образуя местами сплошное поле и уходя в глубину на несколько уровней. Для изучения некрополя применялась в основном методика поверхностной расчистки руин с целью в дальнейшем восстановить уровень исторического кладбища. Открыты также фундаменты ряда зданий Нового времени, в их числе обширные иконописная и златошвейная мастерские середины XIX в.

Собрана коллекция из сотен артефактов, перекрывающая весь период существования монастыря (начало XVI – начало XX в.), изучен обширный массовый материал. Обращают на себя внимание редкие предметы художественного ремесла, в том числе восходящие к XV в.: замочек в форме фигурки оленя, крест-реликварий ранней формы. Распространенность книжных застёжек и необычное обилие надписей-граффити на стенках сосудов указывают на высокий статус и сплошную грамотность жителей монастыря, по крайней мере, в XVII в.

Открытие древнейшего слоя и исследование подлинных остатков придворного монастыря времен Московского царства и ранней Российской империи резко изменили представление о его истории и объектах культурного наследия (Беляев и др., 2018). Возросла и универсальная историко-культурная значимость ансамбля Новодевичьего монастыря как объекта всемирного наследия ЮНЕСКО. Изучаемые объекты (прежде всего исторический некрополь XVIII–XX вв.) подлежат музеефикации, виртуальному и, возможно, натурному воссозданию, работа в этом направлении уже ведется. Материалы продолжающихся исследований будут использованы также при публикации монографий, организации выставок и конференций к приближающемуся 500-летию Новодевичьего монастыря.

Беляев Л.А., Квливидзе Н.В., М.[ахонько] М.А., Шведова М.М. Новодевичий монастырь // Православная энциклопедия. Т. 51. М., 2018. С. 588–606.

Беляев Л.А., Шуляев С.Г. Надгробие подъячего из Приказа Новодевичьего монастыря // КСИА. 2015. Вып. 241. С. 319–323.

Московский Новодевичий монастырь. К 500-летию основания. Антология / Сост., ред. А.Л. Баталов, Л.А. Беляев. М.: Арткитчен, 2012. 552 с.

Надгробие из подклета Смоленского собора (младенец князь Федор Иванович Ка(о)нбаров, 1562 г.)

Слева: Надгробие прапорщика Матвея Яковлевича Татаринова (1790 г.) на участке к северу от Успенской церкви

Печной изразец рельефный полихромный. Последняя треть XVII – XVIII в.

Крест-реликварий. Резное дерево в металлической оправе. XVII в. Новодевичья слобода, кладбище ц. Усекновения Главы Иоанна Предтечи

Л.А. Беляев, О.Н. Глазунова

Новый Иерусалим: завершение раскопок, создание музея, перспективы исследований

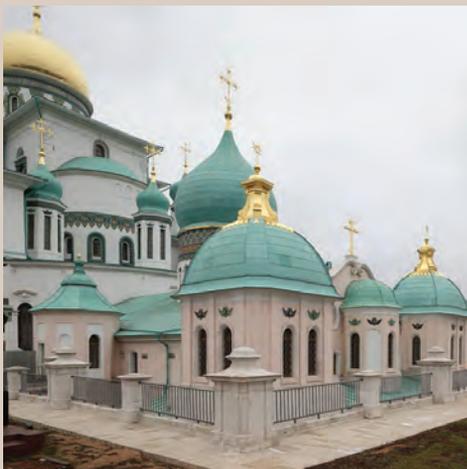

«Печать старца Анании образечника»,
сторона с гербом и латинской надписью-
аббревиатурой. Последняя треть XVII в.

Археологические исследования в Воскресенском монастыре на р. Истра ведутся с 2009 г. и связаны с общей программой его восстановления. Они стали неотъемлемой частью программы, приобрели постоянный характер, внесли практический вклад в реставрацию, а главное – позволили сделать серьезные историко-культурные выводы, существенно изменившие историю искусства и технологий XVII в. в России (Воскресенский..., 2016; Beljaev, 2016). Завершение в 2017 г. полевых работ стимулировало лабораторные исследования, публикацию научно-фундаментальных, базовых информационных (см., например: Беляев и др., 2018) и научно-популярных работ, создание музейных экспозиций.

Последние полевые сезоны принесли ряд новых, неожиданных для Нового Иерусалима объектов и находок. В первую очередь это два новых горна для обжига изразцов (к востоку от монастыря, у склона к прудам). Уникальны находки прикладных печатей-подвесок (бронзовых медальонов) персонажей монастырской истории. Одна несет надпись: «Старца Павла». В завещании архимандрита Германа I (†11.12.1682 г.) Павел назван среди «келейных чад», он знал (или учился) по-польски, был «служебным старцем» и хлебодаром монастыря.

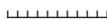
Вторая печать происходит из горна для обжига изразцов. Ее оформление уникально: с двух сторон надписи кириллицей и латиницей. Русская надпись («Печать старца Анании абразечника») – первый случай указания на специальность керамиста: изразечник. Можно понять термин и расширительно, как художник, мастер «образов» – икон и другой изобразительной продукции. На «латинской» стороне в орнаментальной рамке изображен ключ в сиянии, фланкированный двумя столбиками заглавных букв, которые раскрываются как аббревиатуры русских слов: P = «Печать», W = «Воскресенского», M = «монастыря», «S» = «старца», A = «Анании», A = «Абразечника».

Храмы вокруг Подземной церкви свв. Константина и Елены Воскресенского собора. Вид с юго-востока (после реставрации)

Двухкамерный гончарный горн для обжига изразцов над северным склоном к монастырским прудам, до 1690 г. Раскопки 2016 г.

Изразец «Крылья херувима». Вторая половина 1650-х – 1666 г. Лицевая и обратная стороны

Фундамент Южного Братского корпуса XVIII в. с белокаменными деталями XVII в. в основании

Рельефный полихромный изразец с львиной маской. Вторая половина 1650-х – 1666 г.

Белокаменные детали XVII в. из основания Южного Братского корпуса

В кругу мастеров Нового Иерусалима, многие из которых прошли европейское обучение, было принято играть словами и аббревиатурами, использовать оба алфавита, две системы счета лет. Среди находок с надписями особого внимания заслуживают фрагменты «каменного путеводителя», в состав которых входили даже копии средневековых надписей храма Гроба Господня, такие как эпитафия короля Иерусалима Готфрида Бульонского (1100 г.).

Особенность Воскресенского монастыря, развитое изразцовое производство, по-прежнему отражалась в находках: здесь в керамике исполняли иконы и составляли надписи, изразцы стали основой декора фасадов, облицовкой для печей, интерьеров храма и даже могил. Так, на юго-восточном кладбище, среди многих погребений, обнаружилась могила (? Д.М. Нащюкина, †1718 г.), выложенная изнутри изразцами конца XVII – XVIII в. с растительным декором мало распространенных типов; аналоги такого устройства неизвестны. В ряде случаев удалось собрать археологически целые крупные панно из полихромных изразцов, пополнить многие сюжетные серии, например символично-эмблематическую и зоологическую.

Многие открытия непосредственно связаны с процессом реставрации. Так, были изучены остатки кирпичных арочных опор обходного моста (1690-е годы) снаружи от сложной по устройству Ефремовой башни с ее скрытыми камерами, белокаменным панцирем и дренажной системой. Архитектурно-археологические работы при строительстве трапезной на месте Южного Братского корпуса (существовал до конца XVIII в.) открыли серию вторично использованных белокаменных деталей (уплощенные расписные балясины, гребешки и волюты). Кладки фундаментов и печей XVII в. были сохранены и демонстрируются на своих местах в пространстве трапезной.

Вторая половина 2010-х годов была важна в отношении практической и экспериментальной археологии. Осуществлен проект натурной реконструкции серии из 20 печей с изразцами разных типов XVII–XVIII вв. В одной из Солодовых палат открыта постоянная экспозиция по истории изразца). В Трапезных палатах – общая экспозиция по археологии, там же идет реконструкция «Музея Патриарха Никона» (существовал в XIX в.), готовится пространство для открытого хранения всей коллекции и, одновременно, «детский» игровой музей.

Музейное направление, а также дальнейшая аналитическая обработка огромной коллекции (до 10 тыс. находок) рассчитаны на длительную перспективу. Предполагается расширение натуральных исследований на новые площади в пределах монастырских территорий в долине Истры.

Камера двухкамерного гончарного горна с оставленными в ней изразцами. 1690 г.

Рельефные полихромные изразцы в экспозиции «Разсадник изразцового дела» (Солодовые палаты Ново-Иерусалимского монастыря)

Беляев Л.А., Крючкова М.А., Черненилова Л.М. Ново-Иерусалимский монастырь // Православная энциклопедия. Т. 51. М., 2018. С. 611–631.

Воскресенский собор Ново-Иерусалимского монастыря: путь к возрождению. Реставрация 2009–2015 годов / Ред. Л.А. Беляев, И.Л. Бусева-Давыдова. М.: Коллектор, 2016. 312 с.

Beljaev L.A. Begegnung an der Istra: Die Archäologie des Neue Jerusalem-Auferstehungsklosters // Monastische Kultur als transkonfessionelles Phänomen. Beiträge einer deutsch-russischen interdisziplinären Tagung in Vladimir und Suzdal' / Hrsg. L. Steindorff, O. Auge in Verbindung mit A. Doronin. Oldenbourg: De Gruyter, 2016. S. 217–236. (Veröffentlichungen des Deutschen Historischen Instituts Moskau. Bd. 4).

Т.Ю. Шведчикова, М.В. Чирков

Санитарное захоронение участников Бородинского сражения 1812 г. в деревне Колоцкое

*Огнестрельное пулевое ранение
на правой лопатке*

*Справа: Санитарное захоронение участников
Бородинского сражения в д. Колоцкое,
6-й уровень зачистки. Вид с юга*

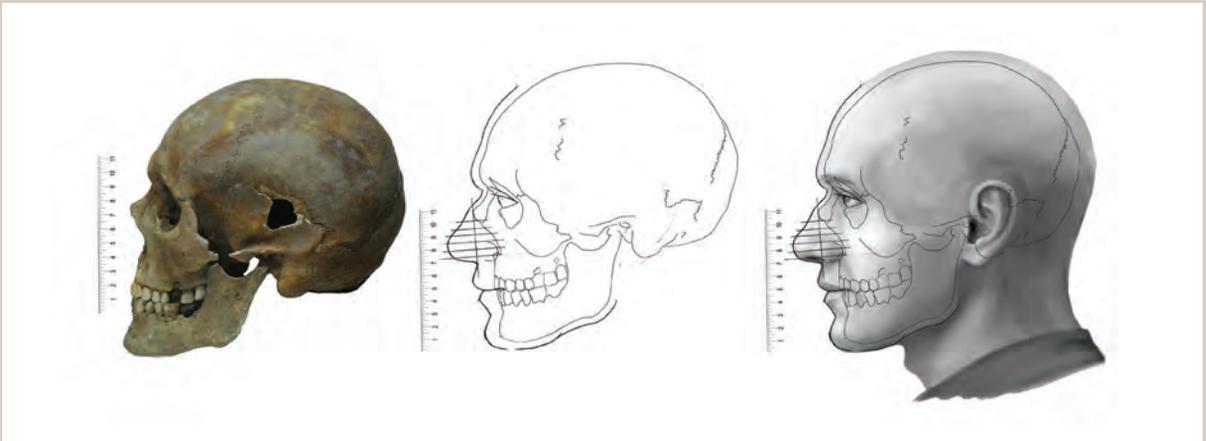
*Костяные и металлические номерные
мундирные пуговицы*

*Этапы графической реконструкции.
Автор А.В. Рассказова*

Одна из самых кровопролитных страниц истории Наполеоновских войн – Бородинское сражение, произошедшее 26 августа (7 сентября) 1812 г. на подступах к Москве. Широко известны многочисленные письменные свидетельства о событии, однако единичны археологические исследования захоронений жертв битвы и большая их часть остается до сих пор неизведанной.

В июле 2016 г. в д. Колоцкое Можайского района Московской области, в непосредственной близости от Успенского Колоцкого женского монастыря было обнаружено коллективное захоронение участников Бородинского сражения 1812 г. Оно представляло собой прямоугольную в плане яму 1,8 x 1,2 м, глубиной 0,95 м, содержащую разрозненные останки 102 человек и многочисленные находки. В общей сложности выявлено более 700 археологических предметов. Среди найденных артефактов подавляющее большинство составили пуговицы костяные и номерные мундирные металлические французских полков и других подразделений. Обнаружены также крючки и петли-невидимки, чугунные снаряды артиллерийской картечи, деформированные свинцовые ружейные пули, фрагменты кожаной обуви (Шведчикова, 2018).

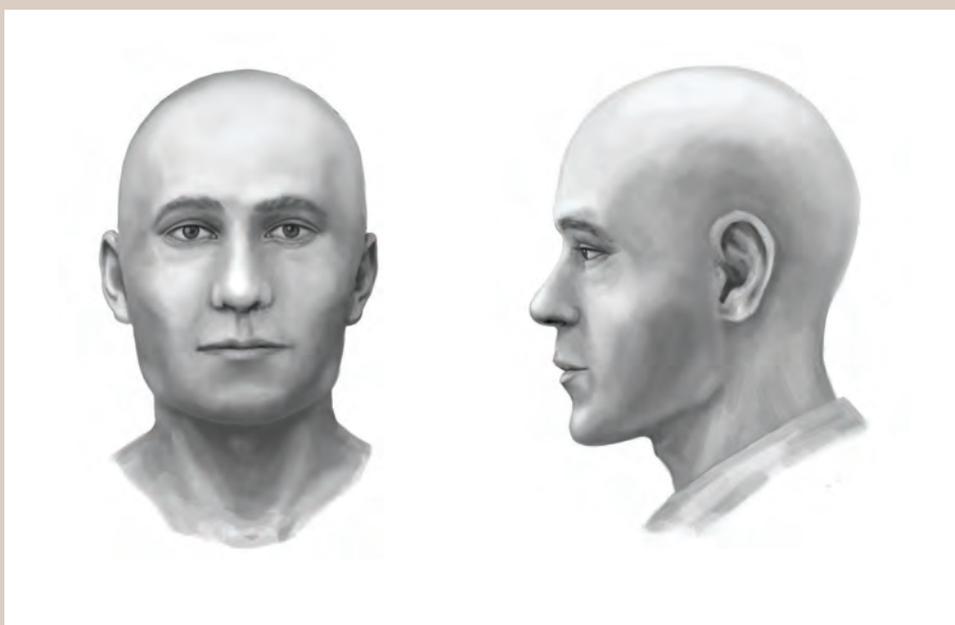
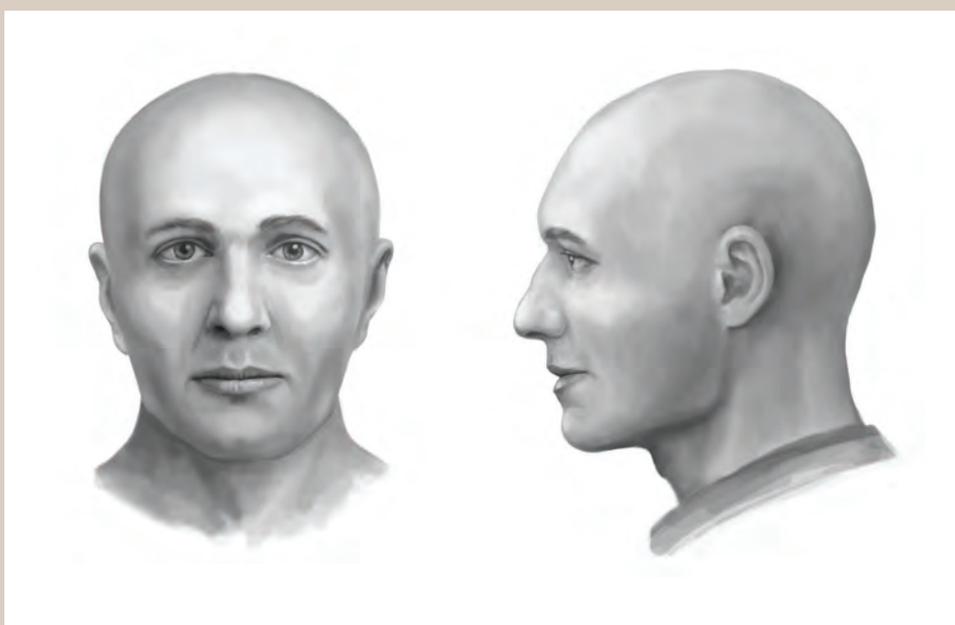
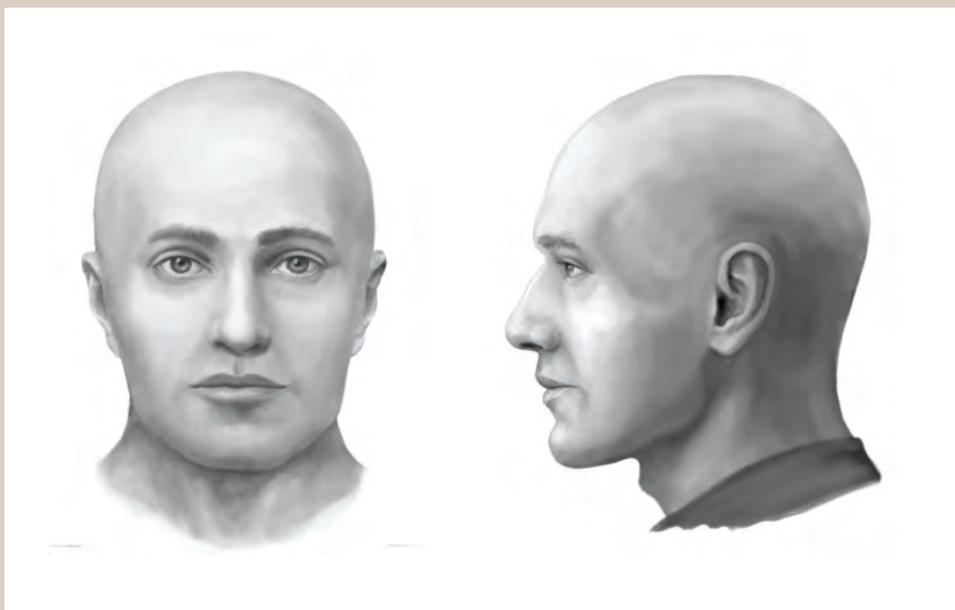
Тщательный послойный разбор заполнения позволил выделить несколько этапов формирования погребения: сначала одновременно были захоронены люди более-менее надлежащей анатомической комплектности; далее яма некоторое время оставалась открытой и немного присыпанной землей; в заключение – дополнена разрозненными останками. Крайне фрагментированные кости людей, присутствие костей животных, номерные пуговицы разных полков, детали одежды, фрагменты керамики XIV–XVII вв. в верхних слоях подтвердили изначальное предположение о санитарном характере захоронения. Действительно, уборка тел была организована

*Индивид № 1 (череп № 1),
графическая реконструкция облика,
анфас, профиль. Мужчина, 20–30 лет.
Автор А.В. Рассказова*

*Индивид № 2 (череп № 2),
графическая реконструкция облика,
анфас, профиль. Мужчина, 20–30 лет.
Автор А.В. Рассказова*

*Индивид № 3 (череп № 3),
графическая реконструкция облика,
анфас, профиль. Мужчина, 30–40 лет.
Автор А.В. Рассказова*

можайскими властями только к последней декаде октября 1812 г. и продолжалась вплоть до мая 1813 г., проходила в несколько этапов по так называемым дистанциям – территориям. Тела людей и лошадей сжигали и закапывали. В нашем случае ни следы горения, ни известь, которую зачастую использовали в качестве дезинфекции при совершении санитарных захоронений, на скелетах не отмечены.

В погребении преобладают мужчины активного возраста (20–30 лет). Средний возраст их смерти составил 27,8 лет. При помощи метода антропологической реконструкции восстановлен облик трех человек, чьи черепа оказались наиболее сохранными. На останках зафиксировано большое количество травматических повреждений, несовместимых с жизнью: колотые, осколочные и пулевые ранения. Огнестрельные ранения локализируются на тазовых костях, лопатках и черепах и представлены как сквозными, так и не сквозными. Кости длинных конечностей несли следы так называемых высокоэнергетических переломов, полученных вследствие артиллерийского огня и выстрелов с близкого расстояния.

Совершенно уникальная находка – обнаружение на нижних ярусах погребения следов хирургического вмешательства: 13 случаев ампутации нижних конечностей. Ни в одном из них следы заживления не зафиксированы. Локализация проведения операции была традиционна (верхняя часть бедра, голени), только в двух случаях плоскость спила располагалась достаточно высоко, что скорее всего было обусловлено характером ранения (Горелкин, Шведчикова, 2018). Французские хирурги достигли небывалой точности и скорости в проведении операции. Д.Ж. Ларрей, главный хирург Наполеоновской армии, писал в своих воспоминаниях, что в первые 24 часа после Бородинской битвы он сделал более 200 операций. И именно на территории Колоцкого монастыря после отступления русских войск был организован госпиталь для раненых. В трех случаях микроскопные исследования показали наличие тонких, едва различимых параллельных насечек в 1 см от края распила. Эти следы говорят о технологии проведения операции и последовательности совершаемых хирургом действий.

Находки ампутаций, а также следов заживления переломов в нижних слоях коллективного захоронения свидетельствуют об изначальной его организации как госпитального, предназначенного для умерших от ран, и только впоследствии погребение было дополнено разрозненными человеческими останками с поля битвы.

Горелкин Д.Г., Шведчикова Т.Ю. Следы медицинских ампутаций на костях конечностей из захоронений участников Бородинского сражения 1812 года // Судебная медицина. Наука. Практика. Образование. 2018. Т. 4 (№ 1s): Материалы международного конгресса и научно-практической школы «Актуальные вопросы судебной медицины и экспертной практики – 2018». С. 136.

Шведчикова Т.Ю. Санитарное захоронение участников Бородинского сражения в с. Колоцкое: результаты исследований 2016 г. // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XXI Междунар. конф. Бородино, 4–6 сентября 2017 г. М., 2018. С. 402–413.

Ампутационный спил в верхней трети большеберцовой кости. Мужчина, adultus 1–adultus 2

След запила и неудачной попытки ампутации над ампутационным спилом. Мужчина, adultus 1–adultus 2

Сокращения

КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.
РА – Российская археология. М.
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований

Научное издание

Новые археологические проекты: Воссоздавая прошлое

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН
Подписано к печати 6.11.2019. Формат 60 x 90 1/8.
Уч.-изд. л. 28,5. Тираж 1500 экз.

Редактор: Г.Г. Король
Дизайн и верстка: В.А. Кулишов

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук
117292 Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19, www.archaeolog.ru

Отпечатано в ОАО «Подольская фабрика офсетной печати» (ОАО «ПФОП»)
142100, Московская область, г. Подольск, Революционный проспект, д. 80/42

